

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН,
СУВЕРЕНИТЕТА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Международная
научно-практическая конференция
28 мая 2021 г.**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021
ISBN 978-5-9694-1051-0

УДК 343.2/.7
ББК 67.408
У26

главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук,
профессор **О. А. Зайцев**; доцент кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент **Э. Р. Хакимова**

Составитель Н. Г. Кадников

У26 Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации: Международная научно-практическая конференция, 28 мая 2021 г. : сборник научных трудов / [сост. Н. Г. Кадников]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 296 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1051-0

Сборник включает статьи по материалам международной научно-практической конференции «Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации», состоявшейся 28 мая 2021 г. в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя с участием Союза криминалистов и криминологов.

Статьи посвящены проблемам применения норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за посягательство на конституционные права и свободы граждан, суверенитет и территориальную целостность Российской Федерации. Сборник включает анализ соответствующих составов преступлений, проблемы дифференциации ответственности за их совершение на законодательном уровне.

Сборник будет полезен преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, учебных заведений МВД России, практическим работникам правоохранительных органов, адвокатам.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Редактор *Тарасова Т. С., Мирзоева Л. С.*
Компьютерная верстка *Тарасова Т. С., Мирзоева Л. С.*

Подписано к изданию 09.09.2021
Объем издания: 3,65 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1051-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

Содержание

Калиниченко И. А.

Приветственное слово 10

Мацкевич И. М.

Правопреемственность международного сотрудничества в борьбе с преступностью и вопросы соблюдения прав и свобод граждан 12

Кадников Н. Г., Карпова Н. А.

Уголовный закон Российской Федерации: четверть века на страже конституционных ценностей 19

Дайшутов М. М.

Проблемы охраны конституционных прав и свобод граждан на досудебных стадиях уголовного процесса 25

Аветисян С. С.

Дискуссионные вопросы квалификации разбоя в правоприменительной практике Армении 29

Шукюров Ш. Т.

Современные конституции государств СНГ как основные ценности для обеспечения прав и свобод человека и гражданина 41

Гаврилов Б. Я.

Возвращение в российское законодательство уголовного проступка как структурной единицы уголовно-правовой охраны конституционных прав 50

Серебренникова А. В.

Уголовно-правовое обеспечение права на неприкосновенность частной жизни: проблемы правоприменения 55

Жилкин М. Г.

Уголовно-правовая охрана конституционного права гражданина на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности 59

Русскевич Е. А.

Цифровой профиль как предмет преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина: вопросы квалификации 64

Ковальчук А. В.

Нарушение порядка проведения трансплантации органов
в Республике Беларусь как преступление, посягающее
на конституционное право на охрану здоровья 69

Беляева Л. И.

Уголовно-правовая охрана как состояние и как процесс..... 77

Яковлева Л. В.

Охрана неприкосновенности частной жизни
уголовно-правовыми средствами 82

Боровиков В. Б., Боровикова В. В.

О некоторых вопросах ответственности за преступления
экстремистской направленности 88

Осокин Р. Б.

Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность
за невыплату заработной платы..... 95

Туркин М. М., Лаврентьева М. С.

К вопросу об ответственности должностных лиц государственных
и муниципальных органов власти за нарушение конституционных
прав граждан на обращения 99

Азаренкова Е. А., Осипов В. А.

Нарушение неприкосновенности частной жизни:
проблемы правоприменения 103

Боровикова В. В., Боровиков В. Б.

Об особенностях преподавания в образовательных учреждениях России
темы курса уголовного права «Преступления против конституционных
прав и свобод человека и гражданина»..... 108

Габдрахманов Р. Л., Кужиков В. Н.

К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного
ст. 145.1 УК РФ..... 114

Кужиков В. Н., Габдрахманов Р. Л.

К вопросу об уголовной ответственности за нарушение тайны
переписки и иных сообщений 118

Бугаевская Н. В.

Вопросы совершенствования уголовно-правовых средств охраны конституционных прав и свобод граждан от коррупционных преступлений 121

Густова Э. В., Марков Е. И.

Нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы толкования и применения 125

Семочкина А. А.

О нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина (уголовно-правовой аспект) 129

Хлебницына Е. А.

К вопросу о потерпевшем от преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ..... 132

Курсаев А. В.

Спорные вопросы установления причинной связи по делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности..... 136

Доценко Е. А.

К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правового регулирования цен на рынке товаров и услуг 141

Горенская Е. В., Денисов Н. Л.

К вопросу обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности топливно-энергетического комплекса 146

Абызова Е. Р.

Взятничество как составная часть коррупции: вопросы совершенствования российского уголовного законодательства..... 152

Бычкова Е. И.

Фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования: предмет преступления..... 156

Гринберг С. А.

Современный мегаполис как криминогенный фактор организованных форм профессиональной преступной деятельности..... 159

Дегтерев А. А.

Законодательные и теоретические проблемы уголовно-правовой охраны
основ политического строя России 163

Лимарь А. С.

К вопросу об ответственности за незаконную игровую деятельность..... 170

Алимирзаев Э. А.

Надругательство над телами умерших как конститутивный признак
объективной стороны состава преступления, предусмотренного
ст. 244 УК РФ..... 174

Черепенников Р. В.

Мотив как конструктивный признак преступления, предусмотренного
ст. 145¹ УК РФ 177

Мурадян С. В.

Особенности квалификации незаконного возмещения налога
на добавленную стоимость..... 182

Маркелов С. В.

Производство следственных действий в условиях
исправительных учреждений 189

Маркелова О. Н.

Защита конституционных прав граждан через судебный контроль 192

Новицкий С. С.

Отдельные аспекты нормативного правового регулирования
конституционно-правовой защиты прав лиц,
заключенных под стражу, на труд 198

Сидорова Е. З.

Уголовно-правовая охрана личности от террористических преступлений 203

Бархатова Е. Н.

Пособничество террористической деятельности
как самостоятельный состав преступления: проблемы и противоречия..... 209

Ивлева А. А.

О причинах доведения до самоубийства, склонения к совершению
самоубийства или содействия его совершению..... 212

Величко Ф. М.

Проблемы уголовно-правовой охраны нефтяной отрасли
Российской Федерации 215

Корниенкова М. Р.

Неисполнение совершеннолетними детьми обязанности заботы
о нетрудоспособных родителях: современные реалии 219

Ищенко Д. П.

Актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства
по противодействию экстремизму 222

Михайловская О. В.

Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями
156 и 157 Уголовного кодекса Российской Федерации 225

Некрасов Д. Е.

Субъективные признаки публичных призывов к осуществлению
экстремистской деятельности 229

Староверов А. В.

Социальные последствия лишения жертвы торговли людьми
с целью сексуальной эксплуатации права на здоровье 234

Теренков И. Е.

К вопросу нормативной регламентации обстоятельств, исключающих
преступность деяния 238

Тит А. А.

О необходимости пенитенциарной медиации:
криминологический аспект (на примере Республики Беларусь) 244

Макарова О. В.

Вопросы права и морали в деятельности адвоката по уголовному делу 248

Коновалова Е. А.

К вопросу уголовной ответственности за создание
организованной преступной группы 252

Меерсон В. Р.

К вопросу об уголовно-правовой охране конституционных гарантий
личной безопасности в контексте борьбы с действиями,

дезорганизуя функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы	256
<i>Гаджидадаев М. З.</i>	
Уголовно-правовая охрана права собственности на природные ресурсы	260
<i>Новиков И. А.</i>	
Вопросы межотраслевой дифференциации ответственности за посягательство на конституционные права граждан на жилище	264
<i>Чуканова Е. С.</i>	
К вопросу о признании грабежа малозначительным деянием	268
<i>Раненкова Е. А., Шемчук С. Ю.</i>	
К вопросу защиты жизни детей в российских школах.....	272
<i>Поляков В. Ю.</i>	
Уголовно-правовые аспекты реализации конституционного права на свободу передвижения с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств	277
<i>Чугунов А. А., Власенко Е. Р.</i>	
Некоторые особенности предмета преступления, посягающего на неприкосновенность частной жизни в России и иностранных государствах	280
<i>Примов Д. Р.</i>	
Субъективные признаки самоуправства: опыт доктринального анализа	284
<i>Старых С. М.</i>	
Актуальные проблемы реализации конституционных прав и свобод гражданина и человека, пути их преодоления	288
<i>Чефранов К. А.</i>	
К вопросу об установлении момента начала жизни человека.....	292

Калиниченко И. А.,

*начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук,
генерал-лейтенант полиции*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники международной научно-практической конференции!

Настоящая конференция является определенной вехой, характеризующей развитие уголовного законодательства, нормы которого на протяжении уже 25 лет осуществляют уголовно-правовую охрану конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., ставит важные задачи перед законодателями, в том числе и в части большей эффективности действия уголовного закона по охране суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, памяти защитников Отечества, защите исторической правды. Это весьма актуально в современный период, когда большое количество преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя, совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий и требуют все больше знаний, умений, навыков для расследования и раскрытия.

Охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства является важнейшей задачей всех государств и требует в этой части обмена законодательным опытом, учета положительных решений других стран, особенно государств-участников в рамках СНГ и ОДКБ. При таком положении дел объективно необходимо международное сотрудничество и связи ученых разных стран, которые бы проводили совместные научные форумы, конференции для выработки более точных решений по противодействию преступности и разработке эффективных мер по предупреждению преступлений рассматриваемого вида.

Важно помнить и наших известнейших ученых, которые создавали российскую науку, заложили фундамент подготовки научно-педагогических кадров и профессионалов-практиков для органов внутренних дел, в том числе и по охране конституционных ценностей современного общества. Тем самым мы показываем молодым ученым важность исторической преемственности поколений, уважение к научным достижениям и деятельности таких ученых, как Станислав Владимирович Бородин, Николай Иванович Ветров, Сергей Ефимович Вицин, Лев Давидович Гаухман, Николай Иванович Загородников, Владимир Яковлевич Кикоть, Владимир Николаевич Кудрявцев, Всеволод Михайлович Курицын, Олег Емельянович Кутафин, Юрий Игнатьевич Ляпунов, Юлиан Владимирович Солопанов и др. Многие из них в стенах нашего вуза читали лекции, обсуждали диссертационные исследования, готовили поколения практиков и ученых, подавая пример беззаветного служения Родине.

Необходимо и впредь проводить подобные научные форумы для взаимного общения и выработки новых идей в вопросах борьбы с преступностью и подго-

товке курсантов и слушателей к суровым реалиям правоприменительной деятельности.

Надеюсь, что международная конференция пройдет в деловой, творческой атмосфере и даст новый толчок научному сотрудничеству различных вузов, позволит выработать оптимальные подходы и направления развития уголовного законодательства и современной уголовной политики.

Желаю всем крепкого здоровья и новых научных достижений!

Мацкевич И. М.¹,

*заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина,
главный ученый секретарь ВАК при Минобрнауки России,
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВОПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Вопросы международного сотрудничества в борьбе с преступностью тесно связаны с международными организациями и международными нормативными правовыми документами. К сожалению, для законопослушных граждан из разных стран преступники очень быстро договариваются между собой, минуя согласительные процедуры признания их собственного статуса и статуса своего криминального партнера. Преступники чрезвычайно быстро находят общий язык между собой, поскольку главным и определяющим в их переговорах является возможность быстрого криминального обогащения.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью непосредственно связано с охраной конституционных прав и свобод российских граждан.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации говорится: Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

В ст. 17 Конституции закреплено: В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

Очевидно, что работа по международному сотрудничеству в области борьбы с преступностью крайне важна. В то же время из-за политических событий, произошедших в начале 1990-х гг., связанных с распадом Советского Союза, могла возникнуть критическая ситуация с изменениями подходов к определению правопреемственности Бюро Интерпола СССР и самое главное с потенциальной потерей наработанных практик и общих документов по вопросам борьбы с преступностью, существовавших в республиках бывшего единого советского государства.

Между тем, последние изменения в Конституции Российской Федерации, как представляется ставят в этом вопросе закономерную точку. В статье 67¹ определено: Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

Поскольку в начале 1990-х гг. не существовало таких четких конституционных предписаний для преодоления опасности игнорирования интересов Рос-

¹ © Мацкевич И. М., 2021.

сийской Федерации в вопросе правопродолжательства ее международного сотрудничества, были приняты во внимание положения Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров (заключена в Вене 23 августа 1978 г.) [5, с. 144–159].

Например, в ст. 22 Конвенции (уведомление о правопреемстве) закреплено, что уведомление о правопреемстве: а) препровождается новым независимым государством депозитарию или, если нет депозитария, участникам или договаривающимся государствам; б) считается сделанным новым независимым государством с момента получения его депозитарием или, если нет депозитария, с момента получения его всеми участниками или, в зависимости от случая, всеми договаривающимися государствами.

В соответствии со ст. 23 Конвенции (следствия уведомления о правопреемстве) новое независимое государство, сделавшее уведомление о правопреемстве соответственно считается участником этого договора с момента правопреемства государств или с момента вступления этого договора силу, если последнее наступает позднее. В случае, когда договор не предусматривает иного или когда не установлена иная договоренность, новое независимое государство, сделавшее уведомление о правопреемстве считается договаривающимся государством этого договора с момента производства уведомления о правопреемстве.

Примечательно, что Российская Федерация не является участницей Конвенции, но закрепленные в ней положения пригодились для определения правил поведения во время правопреемственности России по отношению к СССР. Это позволило соблюсти взаимные интересы всех стран, входивших в Советский Союз и, самое главное, не дало возможности преступникам воспользоваться суматохой разъединительных процессов и затеряться в новых соседних государствах.

Не менее важное значение для рассматриваемых вопросов имеет другая международная конвенция – Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (заключена в Вене 8 апреля 1978 г.) [6, с. 160–171]. Примечательно, что эта Конвенция была подписана в Вене спустя пять лет

После Конвенции о правопреемстве в отношении договоров и можно с уверенностью отметить, что она является ее логичным продолжением.

Несмотря на то, что Конвенция была принята и ратифицирована относительно небольшим числом государств, закрепленные в ней положения имеют важное значение для международного сотрудничества. Примечательно, что, как и предыдущая Конвенция, данная Конвенция не является обязательной для Российской Федерации. Между тем, положения Конвенции говорят о необходимости кодификации и прогрессивного развития норм, касающихся правопреемства государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов как средства обеспечения более надежной правовой основы международных отношений.

Не менее важное положение зафиксировано в ст. 6 Конвенции (права и обязанности физических или юридических лиц) – ничто в настоящей Конвенции не должно рассматриваться как предпрещающее в каком-либо отношении любой вопрос, касающийся прав и обязательств физических или юридических лиц.

Данное положение важно для будущего развития сотрудничества в борьбе преступностью, поскольку позволяет не только фиксировать сложившиеся позитивные отношения, но и повсеместно развивать и дополнять их.

Принципиальное значение имеет также ст. 13 Конвенции (сохранение и невредимость государственной собственности) – государство-предшественник принимает все меры по предотвращению ущерба или уничтожения государственной собственности, которая переходит к государству-преемнику.

В Конвенции много внимания уделено сохранению архивов и архивных данных. Для целей борьбы с преступностью эти положения имеют решающее значение, поскольку позволяют уверенно говорить о том, что в будущем, какие бы изменения в политике любого государства не происходили информация о преступниках и совершенных ими преступлениях никуда не денется. Речь идет о следующих положениях Конвенции.

1. В ст. 20 закреплено, что «государственные архивы государства-предшественника» означают совокупность документов любой давности и рода, произведенных или приобретенных государством-предшественником в ходе его деятельности, которые на момент правопреемства государств принадлежали государству-предшественнику согласно его внутреннему праву и хранились им непосредственно или под его контролем в качестве архивов для различных целей.

2. В ст. 25 уточнено, что ничто не должно рассматриваться как предрешающее в каком-либо отношении и любой вопрос, который может возникнуть из соображений сохранения целостности государственных архивных фондов государства-предшественника, должен быть решен положительно государством-предшественником.

3. В ст. 26 определено, что государство-предшественник принимает все меры по предотвращению ущерба или уничтожения государственных архивов, которые переходят к государству-преемнику.

4. В ст. 30 зафиксировано, что: а) государство-предшественник предоставляет государству-преемнику имеющиеся в его государственных архивах достоверные сведения, которые касаются титулов на территорию государства-преемника или ее границ или которые необходимы для выяснения смысла документов государственных архивов государства-предшественника, переходящих к государству-преемнику; б) соглашения, заключенные между государством-предшественником и государством-преемником в отношении государственных архивов государства-предшественника, не должны наносить ущерба праву народов этих государств на развитие, на информацию об их истории и на их культурное достояние; в) государство-предшественник и государство-преемник по просьбе одного из них и за его счет или на основе обмена предоставят друг другу надлежащее воспроизведение своих государственных архивов.

5. В ст. 42 установлено, что в случае возникновения спора между двумя или несколькими участниками настоящей Конвенции относительно ее толкования или применения, они будут, по просьбе любого из них, стремиться разрешить его путем проведения консультаций и переговоров.

При этом как сказано в заключительных положениях Конвенции ничто не должно затрагивать прав или обязательства ее участников, предусмотренных

любыми имеющими силу положениями, связывающими их в отношении урегулирования споров.

Борьба с преступностью не имеет времени и границ. Поэтому так важно сохранять преемственность в этих вопросах. Мы знаем достаточное количество примеров, когда новые политические лидеры считали, что с преступностью необходимо бороться новыми методами и отвергали, как они считали, устаревшие подходы, хотя эти подходы были апробированы столетиями и основывались в первую очередь на глубоком документальном сборе фактов и аналитических материалов, собранных в том числе благодаря огромным усилиям практиков и ученых. Мы помним к каким взрывам преступности приводили подобные нововведения и действия непрофессионалов в пиковые периоды истории России в 1917–1920-е и в 1990-е гг.

Каждый раз приходилось выстраивать систему борьбы с преступниками заново ценой страданий и лишений обычных в своем абсолютном большинстве законопослушных граждан.

Отсутствие преемственности в борьбе с преступностью говорит о недопонимании роли и значения работы рядовых сотрудников правоохранительных органов, которые честно, исходя из внутренних требований чести и долга, день за днем выполняют рутинную и часто неблагодарную работу. Отсутствие преемственности в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью говорит, с одной стороны, об узости кругозора политиков, а с другой стороны, о силе и влиянии преступников, о глубоком внедрении их в нашу повседневную жизнь, о силе и росте организованной преступности, которая стала действительно трансграничной. Отнюдь не случайно соответствующая Конвенция ООН называется – Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г.). Кстати, в отличие от Венских Конвенций Российская Федерация была одним из инициаторов ее подготовки, является ее активной участницей и была в числе первых, кто ее подписал – Россия ратифицировала Конвенцию 26 апреля 2004 г. [7].

Почему важно иметь в виду международные правовые документы в вопросах борьбы с преступностью, даже в тех случаях, когда Россия не является участницей их разработки и не подписывала их? Потому что международное право не определяется писанными нормами, оно состоит в первую очередь из принципиальных подходов, которым следуют мудрые руководители своих стран. Потому что международное право – это учет интересов народа одного государства в совокупности с интересами народа другого государства.

В ст. 79 Конституции Российской Федерации наглядно подтверждает приверженность России активному международному сотрудничеству во всех областях и в первую очередь, разумеется, в борьбе с преступностью. В частности, в указанной статье сказано: Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров

Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Заключительные положения приведенной конституционной нормы крайне важны как раз для того, чтобы очевидное взаимовыгодное и безусловное необходимое сотрудничество в борьбе с преступностью не использовалось как средство политического воздействия на Россию и как инструмент политических манипуляций.

Борьба с преступностью сегодня – это прежде всего политика. Не зря устоялся и давно применяется термин – уголовная политика.

Сергей Семенович Босхолов предлагает понимать под уголовной политикой:

1) государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих директивных актах (законах, указах президента, постановлениях правительства);

2) научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний;

3) особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям [2, с. 32].

Александр Иванович Коробеев считает, что уголовная политика есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступности [4, с. 16].

Справедливо говорится, что российскому уголовному праву органически присущи охранительная, предупредительная и воспитательная функции [3, с. 9].

Но в контексте рассматриваемых вопросов приведенные определения уголовной политики выглядят недостаточно всеобъемлюще, а для понимания правопреемства борьбы с преступностью даже узко.

Поэтому более подходит определение уголовной политики Михаила Матвеевича Бабаева: уголовная политика – это концентрированная социально обусловленная реакция государства на существующий комплекс криминальных угроз [1, с. 9].

Исходя из данного понятия можно говорить, что российское государство поднимает проблему борьбы с преступностью на уровень конституционных значимых установлений и предписаний. Тем самым задается наивысшая планка тем критериям, которым должна соответствовать работа всех государственных институтов в данном направлении. Поэтому в ст. 55 сказано: Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Современная борьба с преступностью состоит из множества как взаимосвязанных, так и взаимоисключающих компонентов. Находить здесь приемлемые решения на международном уровне крайне сложно, но без этого эта борьба

превращается в видимость активных действий, что, конечно, в интересах в первую очередь преступников.

С большой долей вероятности можно утверждать, что преступники прикладывают весьма серьезные усилия для того, чтобы на международном уровне проблема борьбы с преступностью отодвигалась на второй план, а еще лучше всячески перемешивалась со множеством других политических вопросов. Не понимать этого, значит опять-таки не быть профессионалом.

Не секрет, что тот же Интерпол многократно использовался в политических целях, когда предпринимались попытки посредством этой уважаемой организации объявлять в розыск политических противников или наоборот оказывать давление на руководство этой организации, чтобы не объявлять в международный розыск террористов, взрывавших дома вместе со спящими в них жителями, потому что террористы якобы были не террористами, а политическими оппонентами лидера того или иного государства.

Таким образом правопреемство в борьбе с преступностью следует поставить во главу угла при определении тактики и стратегии взаимодействия государств по этому вопросу по следующим причинам.

1. Правопреемство – это возможность и необходимость постоянного и целенаправленного взаимодействия различных стран в общей борьбе с преступностью, что является адекватной задачей для обеспечения законных прав и интересов граждан любой страны.

2. Правопреемство подтверждает суверенитет государства и помогает решать задачи поимки и наказания преступников, где бы те не прятались.

3. Правопреемство, что подтверждается соответствующими Венскими Конвенциями помогает сохранять документы, изобличающие преступников, из чего можно сделать вывод о том, что уничтожение этих документов, чем бы оно не было вызвано и как бы не было объяснено, должно считаться нарушением общих правил международного права.

4. Правопреемство означает, что основа сотрудничества в борьбе с преступностью – это соблюдение основных прав и свобод граждан. При этом приоритетом должно быть защита жизни, чести и достоинства людей.

5. Правопреемство не допускает политизации вопросов борьбы с преступностью.

6. Правопреемство исключает действия, направленные на нарушения основополагающих нормативных правовых актов государства, с которым происходит сотрудничество в борьбе с преступностью.

7. Правопреемство подтверждает, что внутренний закон в борьбе с преступностью является приоритетным по сравнению с другими международными правовыми актами, когда идет речь о борьбе с преступностью.

8. Внутренние законы, имеющие с точки зрения общих подходов международного права дискриминационный характер должны быть предметом обсуждения между сторонами, которые совместно борются с конкретными противоправными проявлениями.

9. Никто не должен быть подвергнут наказанию в виде смертной казни в случае совместного разоблачения преступника и выдачи его полицейскими одной страной другому государству.

10. Наказание в отношении преступника должно быть применено исключительно в рамках закона соответствующего государства, но не может быть связано с пытками. Карательный характер наказания должен соответствовать принятым в международных подходах правилам.

Правопреемство в борьбе с преступностью должно стать генеральным направлением международного сотрудничества по этому вопросу. Все остальные споры между странами следует разрешать исходя из этого главного постулата.

Список литературы

1. Бабаев М. М. Российская уголовная политика и уголовный закон. М. : Юрлитинформ, 2017. С.107.
2. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М. : ЮрИнфоР, 1999. С. 32.
3. Комментарий к УК РФ: научно-практический (постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2019. С. 9.
4. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ. 2019. С. 16.
5. Международное публичное право : сборник документов. Т. 1. М. : БЕК, 1996. С. 144–159.
6. Международное публичное право : сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 160–171.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 04.10.2004. № 40. Ст. 3882.

Кадников Н. Г.¹,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

Карпова Н. А.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА СТРАЖЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

25 лет тому назад (помним ли мы это время?) был принят УК РФ (24 мая 1996 г.). Кодекс принят на волне не только демократического романтизма, в соответствии с конституционными приоритетами и трендом демократического развития государства и общества, но и в условиях расцвета общеуголовной организованной преступности. Заслуга его в том, что впервые в УК РФ была выделен приоритет охраны конституционных прав и свобод граждан [9, с. 31–36].

Фундаментом построения УК РФ 1996 г., несомненно, явилась Конституция Российской Федерации 1993 г., провозгласившая первостепенную ценность прав и свобод человека и гражданина. Здесь нельзя не вспомнить, что начало этому процессу было положено еще в XIX в., когда появились первые конституционные акты, закрепившие личные и политические права и свободы – неприкосновенность личности, жилища, избирательные права, свобода слова и т. д. В некоторых странах такие нормы появились гораздо раньше (речь идет о таких документах, как Декларация независимости 1776 г. США, в которой, в частности, говорилось о «неотъемлемых правах человека» – на жизнь, свободу и на счастье, Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., закрепившая ряд прав и свобод (признание виновным лица лишь по приговору суда, соразмерность правонарушения и наказания, «надлежащая правовая процедура», презумпция невиновности и другие гарантии неприкосновенности личности, свобода слова, печати, религии, право покидать свою страну и возвращаться в нее). Всеобщая декларация прав человека 1948 г., более четко определила правовой статус человека, закрепив широкий перечень прав и свобод, включающий уже не только гражданские и политические, но и социально-экономические и культурные права. Конституция Российской Федерации основана в целом на этом документе, но Российская Федерация ратифицировала его только в 1998 г.

В сегодняшнем УК РФ, в его Особенной части, целая глава посвящена защите конституционных прав и свобод граждан. Но, с другой стороны, нельзя говорить, что только эти права и свободы представлены в Конституции Российской Федерации. Во многих главах Особенной части УК РФ, в той или иной

¹ © Кадников Н. Г., 2021.

² © Карпова Н. А., 2021.

степени, уголовно-правовые нормы осуществляют охрану и других прав и свобод, также закрепленных в Конституции (это преступления против жизни и здоровья, против личной свободы человека, против семьи и несовершеннолетних и др.). Построение норм Особенной части как раз и является весьма логичным и верным с точки зрения приоритетов охраны [10, с. 9–11].

В настоящее время вступили в силу уточнения и обновления Конституции Российской Федерации, поэтому важно, чтобы уголовный закон не отстал от движения общества и государства к новым рубежам. В целом не затронуты основополагающие положения Конституции Российской Федерации в части прав и свобод граждан, их исключительности и неприкосновенности.

Подводя итоги эффективности уголовно-правовой охраны предусмотренных конституционных прав и свобод граждан, можно говорить в целом о положительных результатах. Во-первых, рост преступности снизился существенно (даже с учетом латентности и ведомственной отчетности), особенно это касается особо тяжких и тяжких насильственных преступлений. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации подтверждают это: снижение преступности – это устойчивая тенденция за последние 15 лет [8]. В 2006 г. было зарегистрировано 3 855 373 преступлений, в 2019 г. эта цифра составила 2 024 000 преступлений, в 2020 г. зарегистрировано 2 044 200 преступлений. Раскрываемость убийств достигла 95,6 % (против 86,5 % в 2010 г.), а грабежей – 76,9 %. В 2000 г. было осуждено 1 183 600 чел., в 2018 – 658 300, в 2020 г. – 530 965 чел. В 2000 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы находилось более миллиона осужденных, на 1 января 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России содержалось 523 928 осужденных. Цифры сами говорят за себя. Значит правоохранительные органы, применяя уголовный закон, сумели не только снизить рост преступности, но и уменьшить количество осужденных. Хотим ли мы этого или не хотим, но рост преступности в целом снизился. Изменились ее качественные показатели, в частности, фиксируется значительный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но обвинить здесь УК и Конституцию вряд ли правильно. В УК РФ статей предостаточно, но мы отстаем в вопросах документирования и раскрытия подобных преступлений.

Во-вторых, за длительный срок действия УК РФ весьма низкими являются показатели преступности в сфере соблюдения конституционных прав и свобод граждан.

В-третьих, за последнее время больше внимания уделяется уголовно-правовой охране конституционных прав и свобод граждан, в том числе и со стороны различных органов власти. Данному вопросу уделил внимание и Конституционный суд Российской Федерации (см.: ОБЗОР практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2020 г.; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П/2013 и др.): [12]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно обращался к данным проблемам, разъясняя порядок применения тех или иных уголовно-правовых норм в соответствующих постановлениях (см.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О

некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» и др.). Полагаем, что и ряд других постановлений Пленума содержит весьма полезные и своевременные разъяснения по противодействию преступлениям, посягающим на те или иные права и свободы граждан. Например, по делам об убийствах, по делам о половых преступлениях, о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, против собственности, экономической деятельности и др. [11].

Наконец, означает ли то, что уголовный закон охраняет только права и свободы граждан России, а иностранцы и лица без гражданства не могут быть потерпевшими по этим преступлениям. Конечно нет, потерпевшими могут быть и иностранные граждане. В этом случае необходимо подчеркнуть, что нормы УК РФ в части основных прав и свобод основываются на нормах международного права [4, с. 7–12 ; с. 144–148 ; с. 218–224].

Но есть и проблемы, в том числе и с законодательной конструкцией отдельных уголовно-правовых норм, так как не соблюдаются системность уголовного права, важные доктринальные положения, не в полной мере учтены и нормы Конституции Российской Федерации. Например, ст. 28 Конституции Российской Федерации провозгласила: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Однако уголовно-правовая охрана этого важнейшего вида свободы гражданина осуществляется не в полной мере. Так, ст. 148 УК РФ предусматривает ответственность за оскорбление чувств верующих граждан, а права неверующих остались вне уголовно-правовой охраны. Более того, из УК РФ исключена норма об ответственности за оскорбление (ст. 129 УК РФ), поэтому честь и достоинство огромного количества граждан как бы менее значимы, чем права верующих, честь и достоинство ряда должностных лиц.

Можно сказать и о не совсем продуманной редакции обновленной нормы об ответственности за клевету (ст. 128.1 УК РФ). Новеллы, появившиеся в данной статье, весьма спорны, а клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, представляет собой не что иное, как правовой нонсенс. Как можно оклеветать того, кто не определен, кого нет. Клевета на мистера Х. В составе клеветы фигура потерпевшего имеет важнейшее значение для точного установления объекта посягательства. Если эта фигура не определена, то нет и состава клеветы.

Нельзя не вспомнить и ст. 116 УК РФ, а сейчас и ст. 116.1 УК РФ, современные редакции которых вносят диссонанс в охрану одного из важнейших

прав граждан (охрану здоровья), а также и не способствуют современной оценке опасности семейно-бытового насилия. Побои, особенно совершаемые в семье, не должны пониматься иначе как грубое нарушение права человека на охрану его здоровья. Нам же предлагается конструкция «терпи и не выноси ссор из избы, стерпится – слюбится, бьет – значит любит». Такие аргументы соответствуют феодальным понятиям и неприемлемы в современном обществе. Дискуссия по поводу наказуемости побоев позволила привлечь внимание законодателей, в том числе и судей Конституционного суда Российской Федерации. В итоге Конституционный суд признал ст. 116.1 УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее ст.ст. 2, 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 21, 45 (ч. 1), 52 и 55 (ч. 3), в той мере, в какой она не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия в случае, когда побои нанесены или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье или аналогичное по объективным признакам преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию [6]. Поэтому в ближайшее время ст. 116.1 УК РФ подлежит тщательному анализу и возможной отмене.

Важно четко знать, за что возможна уголовная ответственность и какое конкретно наказание предусмотрено за совершение того или иного преступления, но при этом следует учитывать принцип справедливости: тяжесть наказания должна соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления (ст. 6 УК РФ). Поэтому очень важно, чтобы проект закона о введении такой категории преступных деяний как уголовные проступки, который был внесен в Государственную Думу Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации, был рассмотрен своевременно и получил положительную оценку [3].

Нельзя сказать, что законодатели не реагируют на имеющиеся противоречия. В частности, в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации были внесены изменения в содержание ст. 282 УК РФ, которая затрагивает важное право гражданина на свободу слова и собраний (которая под влиянием общественного мнения и судебной практики теперь сконструирована с применением административной преюдиции) [5].

В обществе и в научных кругах идут бурные дискуссии по необходимости отдельных уголовных законов в сфере предпринимательской деятельности (где обретают реальность электронные деньги, биткойны и иные финансовые инструменты) по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, много предложений по выделению отдельных законов по уголовной ответственности несовершеннолетних. Научная мысль также не стоит на месте, за последние два года проведено огромное количество круглых столов, научных семинаров, конференций, в том числе и международных, которое раньше нельзя было себе представить (конечно, в большей степени в дистанционном режиме). Особое внимание было уделено

охране жизни и здоровья граждан (затрагивались как общие, так и специальные вопросы, направленные на формирование предложений по проблеме сохранения или отмены смертной казни, эвтаназии и др.), охране личной свободы граждан (разграничение суррогатного материнства и торговли несовершеннолетними, незаконного лишения свободы и похищении человека, проблем сексуальной эксплуатации), охране неприкосновенности частной жизни граждан (особенно в условиях разнузданного нарушения данного конституционного права в различных сомнительных телепередачах и на сайтах в сети Интернет), и ряду других проблем. В научных дискуссиях важное внимание уделялось реализации прав граждан за охрану здоровья, особенно в условиях пандемии (проблема ответственности медицинских работников за неоказание помощи больным при отсутствии лекарств и методик). Несомненно, что остаются и иные проблемы уголовно-правовой охраны конституционных прав граждан, которые требуют своего решения.

Большое значение в совершенствовании уголовного законодательства имеют научные коллективы, среди которых и кафедра уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, которая за 20 лет своего существования вносит существенный вклад в подготовку высококвалифицированных кадров МВД России в сфере противодействия преступности (следователей, дознавателей, сотрудников уголовного розыска), учитывая изменения уголовного закона, тенденции современной уголовной политики и значимость охраняемых прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Дмитренко А. П. Правовая позиция Европейского суда по правам человека по провокации преступления // Вестник Нижегородской академии МВД России. № 4 (84). 2018. С. 144–148.
2. Кадников Н. Г. Провокация преступления, ее фикция и презумпция: теория, закон, правовая позиция Европейского суда по правам человека // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 218–224.
3. Кадников Н. Г. К вопросу об инициативе Верховного Суда Российской Федерации по введению в УК РФ категории уголовных проступков // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2019. С. 7–12.
5. Определения КС РФ от 19.02.2009 № 134-О-Ои от 22.04.2010 № 564-О-О2. URL: ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой». URL: ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx.
7. Практикум по квалификации отдельных видов преступлений : учебник. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.

8. Сайт Судебного департамента. URL: cdep.ru (дата обращения: 17.06.2021).
9. Уголовное право России : учебник в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. С. 31–36.
10. Уголовное право России : учебник в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. С. 9–11.
11. СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
12. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

*Дайшутов М. М.¹,
начальник кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности является средством реализации государственной функции охраны прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает защиту прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений.

Очень важно на досудебном стадии расследования соблюдать конституционные права и свободы граждан, вытекающие из конституционных норм и норм УПК, основанных на конституционных принципах [1, с. 7–18].

Речь идет о следующих правах и свободах, закрепленных в Конституции Российской Федерации: право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право на получение от государственных органов информации, непосредственно затрагивающей права и свободы гражданина (ст. 24); право на неприкосновенность жилища (ст. 25); право на свободу передвижения, выбор места своего пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27); право обвиняемого считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49); право обвиняемого не доказывать свою невиновность и толкование в его пользу неустранимых сомнений (чч. 2 и 3 ст. 49); право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (ч. 1 ст. 51).

Соблюдение вышеуказанных прав и свобод позволяет говорить о проведении справедливого разбирательства уголовного дела следователями и дознавателями, соблюдении ими принципа состязательности, который предполагает равенство прав со стороной защиты в доказывании виновности или невиновности подозреваемого или обвиняемого в целях всестороннего и полного установления истины по делу.

Однако на досудебных стадиях уголовного процесса следователи, их руководители, дознаватели и начальники органа дознания при принятии важных процессуальных решений, которые практически всегда затрагивают конституционные права и свободы граждан, не всегда действуют в соответствии с законом, совершают должностные правонарушения, а нередко и преступления, посягающие на эти важнейшие ценности и отношения в сфере правосудия, (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, принуждение к даче показаний,

¹ © Дайшутов М. М., 2021.

фальсификация доказательств, разглашение данных предварительного расследования и др.) [2, с. 338–343].

Можно привести следующий пример: 18.06.2018 г. Василеостровский районный суд Петербурга отправил под домашний арест следователя МВД, обвиняемого в служебном подлоге, который был совершен для того, чтобы не выпустить арестованного из СИЗО. Этот следователь совершил служебный подлог после того, как летом 2017 г. в Петербурге задержали местного жителя по подозрению в сбыте наркотиков. Тогда задержанному не было предъявлено обвинение, и суд арестовал его в статусе подозреваемого, после чего ему должны были в течение десяти дней предъявить обвинение, в противном случае, ему должна быть избрана иная мера пресечения. Обвинение, в установленные законом предъявлено не было, но, чтобы фигурант не выходил из-под стражи, К. внес в документы диаметрально противоположную информацию. В данном случае следователь грубейшим образом нарушил право человека на свободу и личную неприкосновенность, как одно из основных конституционных прав (это закреплено в ст. 22 Конституции Российской Федерации) [3].

В уголовном судопроизводстве неприкосновенность личности понимается, как право не подвергаться ограничениям, связанным с применением мер процессуального, а нередко и физического принуждения, без предусмотренных законом оснований, санкции суда либо сверх установленных законом сроков, свобода от незаконного задержания, заключения под стражу. Например, за избиение и пытки электрошокером двух подростков в Красноярском крае арестованы глава районного следственного отдела СКР и старший следователь того же отдела. Им предъявлены обвинения в превышении должностных полномочий с применением насилия и спецсредств. По данным следствия, весной прошлого года правоохранители заподозрили двух 18-летних жителей поселка в краже ноутбука из их рабочего кабинета в следственном отделе. Сотрудники СКР поручили наряду полиции доставить к ним подростков. Когда юношей привели, то следователи заковали их в наручники и применили к ним электрошокер, требуя сознаться в краже. Признательных показаний от подростков не добились и отпустили домой. Дома потерпевшие рассказали о произошедшем родителям и сфотографировали следы от побоев. Мать одного из пострадавших написала заявление в правоохранительные органы. Следователи забыли, что пытки запрещены, мы опять видим преступные нарушения конституционных прав граждан [4]. Не следует забывать, что в данном случае мы видим и преступления против конституционных прав и свобод граждан и преступления против правосудия.

На имеющиеся нарушения неоднократно обращал внимание уполномоченный по правам человека. Например, в его докладе за 2019 г. указано, что поступило 38 328 письменных обращений и жалоб на незаконные действия должностных лиц, из которых почти треть обращений (32 %) касалась вопросов реализации уголовно-процессуального законодательства (12 168), что на 9 % больше по сравнению с 2018 г. В этой группе произошло увеличение количества жалоб по вопросам дознания и предварительного следствия – 4 961 (на 27 %), из которых заметный рост продемонстрировали жалобы на необос-

нованность уголовного преследования – 2114 (на 34 %). Согласно докладу, самая большая группа обращений касалась стадии предварительного расследования (41 %). По сравнению с 2018 г. их количество увеличилось на 27 %. Заявители жаловались на необоснованность возбуждения уголовных дел, длительность сроков уголовного судопроизводства, незаконность следственных действий, несправедливость оценки доказательств. При этом количество обращений, связанных с обоснованностью уголовного преследования, увеличилось на 34 % (2114). Также заявители часто поднимали проблемы оценки доказательств на стадии предварительного расследования (826). Примерно на уровне прошлого года осталось количество жалоб на избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу (662). При этом увеличилось количество обращений от предпринимателей и лиц, имеющих заболевания [5].

Нередко следователи и дознаватели нарушают права задержанных с целью улучшить показатели работы, что является также грубейшим отступлением от принципа законности. Например, дознаватель Федеральной службы судебных приставов Тамбовской области С. решил повысить свои личные показатели, чтобы получить премию за отличную работу. Для этого он выбрал дело должника Б. вместе с судебным приставом-исполнителем А. пришел к должнику домой. Там они предложили путем возбуждения фальсифицированного уголовного дела списать долги. Чиновники составили документы о том, что арестовали телевизор и передали должнику якобы на ответственное хранение. Но должник, по легенде, его продал. Дознаватель возбудил дело по ч. 1 ст. 312 УК РФ – «Отчуждение имущества, подвергнутого описи или аресту, совершенное лицом, которому это имущество вверено». Чтобы доказать «преступление», были составлены поддельные акты с липовыми понятыми. А в ряде документах подписи понятых просто подделали. Все эти доказательства позволили привлечь должника, фактически невиновного в совершении преступления, к уголовной ответственности. Таких эпизодов у дознавателя было вскрыто несколько. Вот так ради хорошей отчетности были нарушены не только конституционные права и свободы гражданина, но отношения в сфере правосудия [6].

Не брезгают отдельные нерадивые сотрудники и имуществом подследственных. Например, следователь СК в Карелии был изобличен в том, что, имея доступ к банковской тайне своих подследственных, похищал средства с их банковских карт [7].

Приведенные примеры показывают, что есть немало проблем по охране конституционных прав и свобод граждан на досудебных стадиях уголовного процесса, которые приводят к весьма негативным последствиям. Нарушений гораздо больше, в том числе и коррупционного характера. Нужен более жесткий прокурорский надзор за следствием и дознанием.

Опасность незаконных действий, совершаемых стороной обвинения на досудебных стадиях уголовного процесса, состоит прежде всего в том, что оно формирует отрицательное отношение общества к правоохранительным органам и государственному аппарату, развращает само общество, приучая его к мысли, что насилие, несправедливость, беззаконие со стороны представителей власти – вещи обыденные и естественные. Как совершенно справедливо отмечают спе-

циалисты, сильная государственная власть строится на уважении к закону, но как бы хорошо ни были разработаны законы, если представители власти будут действовать по своему произволу, если лица, призванные изобличать преступников, бороться с ними, вместо этого сами будут становиться преступниками, то в таком государстве и речи не может быть об истинном порядке, справедливости и законности.

Список литературы

1. Дайшутов М. М., Кадников Н.Г. К вопросу о совершении преступлений против правосудия должностными лицами, участниками со стороны обвинения, на досудебных станциях уголовного процесса (постановка проблемы)// Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях судопроизводства: сборник научных статей / отв. ред. Н. Г. Кадников. М. : Юриспруденция, 2020. С. 7–18.
2. Кадников Н. Г. К вопросу о значении понятий и категорий уголовного права в деятельности следователей и дознавателей МВД России // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : научное электронное издание. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 338–343.
3. URL: tass.ru>Происшествия>5296567/ (дата обращения: 17.06.2021).
4. URL: pasmi.ru>archive/270109/ (дата обращения: 21.06.2021).
5. URL: ombudsmanrf.org>news...upolnomochennogo/ view...o...2019...(дата обращения: 20.06.2021).
6. URL: pravo.ru>Новости>view/109823/ (дата обращения: 18.06.2021).
7. URL: karelia.sledcom.ru>Новости>item/1554036/ (дата обращения: 18.06.2021).

Аветисян С. С.¹,

*судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армения,
профессор Российско-Армянского университета,
доктор юридических наук, профессор*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗБОЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АРМЕНИИ

Разбой является одним из распространенных и наиболее опасных преступлений против собственности (основной объект), а также жизни и здоровья потерпевшего (дополнительный объект).

Изучение судебно-следственной практики по применению ст. 175 Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА), а также ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) показывает, что при квалификации разбоя, отграничении его квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков от иных составов преступлений, возникает ряд сложных и спорных вопросов.

Проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой разбоя, обусловлены рядом обстоятельств.

Во-первых, разбой – составное преступление, то есть состоит из двух преступных деяний, каждое из которых в отдельности представляет собой самостоятельное простое преступление. Это наличие в структуре состава разбоя посягательства против собственности (хищение имущества) и преступление против жизни или здоровья.

Во-вторых, разбой – преступление с усеченным составом. Это означает, что разбой считается оконченным с момента выполнения виновным хотя бы части деяния, описанного в ч. 1 ст. 175 УК РА, то есть нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, является оконченным преступлением, вне зависимости от того, удалось ему фактически похитить имущество или не удалось. Поэтому применительно к простому составу разбоя (ч. 1 ст. 175 УК РА) стадия покушения исключается.

Вместе с тем, возникает вопрос о характере разбоя с квалифицирующими обстоятельствами, например, сопряженное с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. 3 ч. 3 ст. 175 УК): это преступление с усеченным или же материальным составом?

В-третьих, основная проблема квалификации составных преступлений, в том числе разбоя, состоит в том, чтобы не допустить нарушение принципа справедливости в той части, согласно которой «запрещается дважды осуждать лицо за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 10 УК РА).

Применительно к разбою данная проблема возникает в случае разбойного нападения, в процессе которого допускается умышленное убийство потерпевшего. Возникает вопрос по поводу квалификации преступления: только по п. 8 ч. 2 ст. 104 УК РА (как составное, то есть единое преступление), или же по совокупности со ст. 175 УК?

¹ © Аветисян С. С. 2021.

Следует отметить, что в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в судебных решениях судов РА не упоминаются правила квалификации разбоя, *сопряженного с квалифицированными видами умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 112 УК РА)*. Представляется, что содеянное в таких случаях не охватывается ст. 175, и требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 112 УК. При этом следует заметить, что не каждое квалифицирующее обстоятельство, предусмотренное в ч. 2 ст. 112 УК может инкриминироваться виновному, поскольку некоторые из них не совместимы с признаками разбойного нападения. Совокупность преступлений может иметь место в случае разбоя, в ходе которого причиняется тяжкий вред здоровью, совершенный в отношении двух или более лиц; с особой жестокостью; способом, опасным для жизни многих людей; сопряженный с терроризмом; сопряженный с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. Квалифицирующие признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, связанные с мотивами и целями преступления (пп. 2, 9, 10, 12, 13 ч. 2 ст. 112 УК РА), не могут фигурировать в разбойном нападении, поскольку причинение тяжкого вреда в данных составах преступлений детерминировано корыстной мотивацией и целью обогащения, и служит средством завладения имуществом или его удержания.

Дискуссионным является также вопрос о квалификации разбоя, *повлекшего в результате тяжкого вреда причинение смерти по неосторожности* (п. 14 ч. 2 ст. 112 УК).

Одни ученые утверждают, что «при неосторожном причинении смерти в процессе разбоя не требуется дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против жизни» [7, с. 264]. Другие, напротив, считают, что содеянное в таком случае следует дополнительно квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ (п. 14 ч. 2 ст. 112 УК РА): [11, с. 226; с. 290].

Прежде всего следует заметить, что квалифицирующий признак, закрепленный в п. 3 ч. 3 ст. 175 конкретизирован: причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Наряду с этим, в Особенной части УК содержатся и такие нормы, в которых предусмотрен больший по объему квалифицирующий признак «с причинением тяжких последствий» (например, п. 2 ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 309, п. 3 ч. 2 ст. 357 и др.).

Неточное пояснение по этому вопросу приводится Ю. И. Ляпуновым [9, с. 367]. Он отмечает, что «если в результате причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего наступила его смерть, по отношению к которой виновный проявил неосторожную вину, содеянное должно квалифицироваться по правилам совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 162 (в ред. УК РФ 1996 г.) и п. «з», (а иногда и «к» – с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, в данном случае разбой) ч. 2 ст. 105 УК РФ». Такие разъяснения, – отмечает автор, были даны, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22.03.1966 г. и постановлении того же суда от 22.12.1992 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве».

Однако в названном ППВС РСФСР от 22.03.1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» давалось иное разъяснение. Так, в. ч. 2 п. 7

отмечалось, что «поскольку лишение жизни потерпевшего не охватывается составом разбоя, умышленное убийство, совершенное при разбойном нападении, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений по п. «а», а в случае, если оно совершено с целью скрыть преступление или облегчить его совершение, – также по п. «е» ст. 102 и по п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР». Как видно из процитированного разъяснения, речь идет об умышленном убийстве при разбое, а не о смерти, наступившем по неосторожности в результате причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Последнее обстоятельство никак не может квалифицироваться по ч. 2 ст. 102 УК РСФСР (ч. 2 ст. 105 УК РФ), поскольку квалифицированные виды убийства могут совершаться только умышленно, и отношение виновного к смерти не может быть неосторожным. Вышеприведенное разъяснение является обоснованным, так как умышленное убийство не охватывается составом разбоя.

Проблема как раз и состоит в том, охватывается ли составом разбоя причинение смерти потерпевшему в случае, когда отношение виновного к этому последствию проявляется в неосторожности. Иначе говоря, ставить знак равенства между умышленным убийством в процессе разбойного нападения, и умышленным тяжким вредом, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, нет никаких оснований.

Следует также заметить, что Ю. И. Ляпунов не обратил внимание на разъяснение, данное в п. 9 названного постановления, согласно которому «в случае наступления смерти потерпевшего от причиненных ему при разбое тяжких телесных повреждений, действия лица следует квалифицировать по совокупности преступлений – по п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР». Очевидно, что в данном случае речь идет о случаях, когда вина в отношении смерти проявляется в неосторожности.

Таким образом, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего в процессе разбойного нападения, должно квалифицироваться по совокупности преступлений – по п. 3 ч. 3 ст. 175 и ст. 112 УК только в случае наличия квалифицированных видов, предусмотренных в ч. 2 ст. 112 УК, причем тех, о которых говорилось выше. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 21) отмечается, что содеянное в подобных случаях квалифицируется по совокупности преступлений – по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Одновременно следует отметить, что в процессе разбойного нападения возможно *неосторожное причинение вреда* здоровью потерпевшего различной степени тяжести, в том числе смерть. По мнению А. И. Рарога, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ охватывает как неосторожное, так и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью [20, с. 197]. Н. А. Лопашенко придерживается иного мнения. Она отмечает, что «тяжкий вред здоровью – следствие насилия, которое применяется в совокупности с нападением и вместе определяет разбой, как преступление. Насилие же, может быть совершено только умышленно» [13, с. 84–85]. Поэтому предлагает все деяние квалифицировать по совокупности преступлений. Аналогичного мнения придерживаются и ряд авторов Армении [21, с. 361–362].

Получается, что причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности в совокупности с разбоем будет наказываться строже, чем тот же вред, причиненный умышленно, так как в последнем случае совокупность преступлений отсутствует. С этим согласиться нельзя. Кроме того, с субъективной стороны разбой характеризуется прямым умыслом и указанной в законе целью хищения чужого имущества. Психическое отношение виновного к причинению вреда личности, в том числе тяжкого вреда, может выражаться не только в форме умысла, но и в ряде случаев – неосторожности.

А. Н. Попов предложил действия виновного квалифицировать по совокупности двух преступлений: п. «в» ч. 3 ст. 162 УК и ст. 109 УК (причинение смерти по неосторожности) [19, с. 798].

А. А. Тамазян считает, что в основу квалификации преступления должна быть положена проявленная форма вины виновного, содержание вины, и только в этом случае возможно убийство отграничить от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего или отмеченные два состава от причинения смерти по неосторожности.

Доводы автора правильны, однако, автор не конкретизирует свое мнение относительно окончательной квалификации преступления в рассматриваемом случае, то есть когда в результате причинения тяжкого вреда здоровью при разбое по неосторожности наступает смерть потерпевшего [21, с. 201].

Поэтому точка зрения А. И. Рарога и других ученых, по нашему мнению, представляется более правильной. При этом следует заметить, что в п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (п. 3 ч. 3 ст. 175 УК РА) законодатель не конкретизирует субъективное отношение к квалифицирующему последствию – причинению тяжкого вреда здоровью. Поэтому с точки зрения законодательной техники описания данного квалифицирующего признака, причинение такого последствия может быть как с умыслом, так и по неосторожности. Сопоставительный анализ санкций отмеченных норм, а также чч. 1–2 ст. 112, ст. 113 и 120 УК РА также позволяет сделать вывод о том, что причинение как умышленного, так и по неосторожности вреда здоровью, вплоть до тяжкого, а также наступления смерти по неосторожности охватывается квалифицированным составом разбоя, и не требует квалификации содеянного по совокупности.

Так, в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 175 УК РА, разбой с причинением тяжкого вреда здоровью влечет наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет, с конфискацией или без конфискации имущества. Следовательно, данное квалифицирующее обстоятельство разбоя наказывается строже, чем как по норме об умышленном причинении вреда здоровью, так и умышленном причинении вреда, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего (п. 14 ч. 2 ст. 112 УК РА). В последнем случае деяние наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Отстаиваемую позицию можно объяснить разработанным в теории уголовного права следующим общим правилом квалификации преступления.

При отсутствии в диспозиции уголовно-правовой нормы прямого указания на неосторожное отношение к квалифицирующему последствию умышленного преступления причинение такого последствия с умыслом (а тем более по неосторожности) полностью охватывается этой нормой и не требует дополни-

тельной квалификации только при условии, что в статье УК об умышленном причинении того же самого последствия закон не предусматривает более строгого наказания, чем за умышленное преступление, в котором данное последствие играет роль квалифицирующего признака.

Если же нормой об умышленном причинении определенного последствия предусмотрено более строгое наказание, чем нормой, в которой данное последствие играет роль квалифицирующего признака умышленного преступления, то последней нормой это последствие охватывается только при неосторожном его причинении.

Угрозу причинения тяжкого вреда как признака простого состава разбоя следует отличать от *попытки* причинения данного вреда как квалифицированного состава разбоя. Угроза причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего всегда охватывается ч. 1 ст. 175 УК. Попытка причинения тяжкого вреда – это начатые действия по достижению вреда, который не наступает по причинам, не зависящим от воли виновного, то есть это неоконченное покушение на причинение тяжкого вреда. Поэтому трудно согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что покушение на тяжкий вред охватывается санкцией простого состава разбоя. В таком случае нельзя не считаться с субъективной направленностью деяния. Следовательно, можно заключить, что если виновный предпринял действия, направленные на реальное причинение тяжкого вреда, содеянное следует квалифицировать как покушение на особо квалифицированный состав разбоя, т. е. по ст. 30 и п 3 ч. 3 ст. 175 УК. В случае оконченного покушения, если тяжкий вред не наступил, квалификация должна осуществляться аналогичным образом. И лишь угроза причинением тяжкого вреда здоровью охватывается ч. 1 ст. 175 УК.

Следовательно, на стадии покушения на совершение разбойного нападения, сопряженного с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшему, возможен добровольный отказ от данного квалифицированного состава разбоя. В то же время в действиях виновного содержатся признаки оконченного простого состава разбоя, поэтому его действия будут квалифицироваться по ч. 1 ст. 175 УК РФ, а при наличии квалифицирующих обстоятельств, отмеченных в ч. 2 – по этой части ст. 175 УК.

В юридической литературе можно встретить мнение, что разбой – преступление с формальным составом [11, с. 233].

С такой позицией нельзя согласиться. Преступление с формальным составом – это преступление, в составе которого указывается деяние, но не называется вредное последствие, оно считается оконченным с момента, когда выполнено предусмотренное уголовно-правовой нормой действие или бездействие. Фактическое наступление последствия в результате совершенного деяния имеет самостоятельное юридическое значение.

Усеченный состав занимает промежуточное положение между преступлениями с формальным и материальным составами. Он включает в качестве обязательного признака деяние, описанное в диспозиции статьи Особенной части УК, что роднит данный состав с формальным. Вместе с тем усеченный состав допускает наступление общественно опасных последствий. Наступление таких

последствий, в отличие от формальных составов преступлений, самостоятельного уголовно-правового значения не имеет, оно охватывается той же нормой, в которой указывается деяние.

Разбой является типичным усеченным составом преступления. Фактически изъятое имущество в процессе разбойного нападения, не образует самостоятельного отдельного преступления, а охватывается составом разбоя. Момент окончания усеченных составов преступлений перенесен на более раннюю стадию (приготовления или покушения). Поэтому покушение на простой разбой, как отмечалось, невозможно. Выполнение хотя бы части объективной стороны деяния, описанного в ч. 1 ст. 175 УК, образует оконченное преступление.

Проблема заключается в том, что понятие хищения, приведенное в примечании 1 к ст. 158 УК РФ не универсальна. Составы разбоя, мошенничества в форме приобретения права на имущество, находятся как-бы за пределами этого понятия.

Н. А. Лопашенко констатирует, что «ни изъятие, ни обращение в отдельности не могут характеризовать хищение» [15, с. 208]. Полагаем, что это положение верно применительно к оконченному составу хищения. Само изъятие имущества, при наличии других признаков хищения, образует покушение на соответствующее преступление, то есть также характеризует хищение. Противоправное изъятие имущества преследует корыстную цель – обогащение. Достижение этой цели возможно посредством обращения похищенного имущества в свою собственность или в собственность других лиц. Н. А. Лопашенко справедливо замечает: «зачем в определении понятия хищения используются сразу два союза: “и” и “или”»? и приходит к выводу о том, что “смысл употребления законодателем сразу двух союзов (соединительного или разделительного) может заключаться только в одном: законодатель хотел специально подчеркнуть противоправный характер обеих стадий хищения» [17, с. 208–209]. Представляется, что это верный вывод. Следует только добавить, что законодатель, используя сразу два союза, по-видимому, также преследовал цель в обобщенном понятии хищения предусмотреть различные (всевозможные) формы хищения имущества.

Каким бы образом мы не комментировали понятие хищения, вопрос об отнесении, например, разбоя к самостоятельной форме хищения, остается спорным. Общепризнанно, что вымогательство (ст. 182 УК РФ) не является формой хищения. Тогда возникает вопрос: почему уголовно-правовой анализ данного состава предполагает учет ряда признаков хищения?

В качестве выхода из сложившейся ситуации некоторые ученые предлагают превращение состава разбоя из формального (усеченного) в материальный [13, с. 326], считая, что решающим в составе разбоя является не нападение, а насилие, применяемое к потерпевшему. Эта позиция представляется ошибочной и не может способствовать эффективной борьбе с данным преступлением.

Говорить о разбое как о материальном составе, – нет никаких оснований. Объем и пределы насилия в разбое определены законодателем: насилие или угроза его применения должны быть опасными для жизни или здоровья. Например, в ст. 182 УК РФ насилие употребляется как общее понятие, безотносительно к тому, опасно или оно не опасно для жизни или здоровья потерпевшего.

Поэтому нельзя признать верной позицию ряда ученых, считающих, что «разбой окончен с момента нападения. Применение опасного насилия или угрозы его применения, по их мнению, остаются за рамками состава и не влияют на момент окончания преступления [8, с. 35; с. 233]. Нападение рассматривать в отрыве от насилия, – нет оснований. Если в конкретном случае нападение не соединено с насилием, признание данного деяния в качестве окончченного состава разбоя, было бы несправедливым. На данное обстоятельство обращено внимание и в постановлении ПВС Российской Федерации от 27.12.2002 г. (п. 6)». В ст. 238 проекта нового УК РА разбой определяется как хищение, совершенное с применением насилия или угрозой его применения (включая и насилие, не опасное для жизни или здоровья). Тем самым насильственный грабеж (ст. 239 проекта) включается в состав разбоя. Кроме того, нападение не является конструктивным признаком разбоя.

Важное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о квалификации разбоя, сопряженного с умышленным убийством.

В прежних уголовных законодательствах как Армении, так и России не было целого ряда составных преступлений, которые появились в новых Уголовных кодексах наших стран. Это, например, «убийство, совершенное из корыстных побуждений, по найму, а также сопряженное с вымогательством, разбоем или бандитизмом» (п. 8 ч. 2 ст. 104 УК РА).

Законодательный подход можно объяснить тем, что граница между применением насилия опасного для жизни и здоровья, при завладении имуществом и убийством зачастую трудно определима, а случаи умышленного лишения жизни потерпевшего в процессе разбойного нападения, бандитизма или вымогательства в практике имеют место часто. Не случайно поэтому, что ни в теории, и на практике до сих пор не удалось выработать единые и универсальные правила отграничения корыстного убийства «в чистом виде» от убийства при разбое.

В судебной практике советского периода, убийство, сопряженное с разбойным нападением, на основании постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», убийство, сопряженное с разбойным нападением квалифицировалось по совокупности преступлений: как разбой и убийство по данному квалифицирующему признаку. Аналогичное разъяснение содержалось в одноименном постановлении от 27 июня 1975 г.

Эта проблема не решена и после принятия новых уголовных кодексов, а также принятых новых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Если раньше спорили о том, как отграничить корыстные убийства от убийства при разбое, то в современных условиях спор, с одной стороны, ведется о том, когда совершенное из корыстных побуждений убийство следует квалифицировать только по п. 8 ч. 2 ст. 104 УК, а с другой, – по совокупности с разбоем.

В науке уголовного права нет разногласия по поводу того, что умышленное убийство не охватывается составом разбоя. Однако дискуссионным является вопрос о том, как квалифицировать содеянное в таких случаях.

Существуют две основные точки зрения.

1. Одни ученые считают, что в таком случае деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений – по п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1, с. 77–78; с. 113]. На такой же позиции стоит и Верховный Суд РФ (п. 21 ППВС РФ от 27.12.2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», п. 11 ППВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»). В одноименных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, принятых до 1996 г., т. е. когда в ч. 2 ст. 105 УК не было такого квалифицированного состава убийства, как отмечалось, относительно квалификации преступления давалась такая же рекомендация, с чем можно было согласиться.

2. Другие ученые [3, с. 56; с. 142–144; с. 131] считают, что квалификация содеянного по правилам совокупности является ошибочной и противоречит принципу «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ), мотивируя, что квалифицированный вид убийства, предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ по конструкции является составным деянием, в котором разбойное нападение является способом совершения более тяжкого и опасного преступления – умышленного убийства. Поэтому привлечение к ответственности одновременно по двум статьям противоречит указанному и другим принципам уголовного права. В связи с этим ряд ученых предлагают содеянное квалифицировать только по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, другие же, – по поводу уголовно-правовой оценки содеянного, конкретных правил не предлагают.

Сторонники первой точки зрения, а также Верховный Суд Российской Федерации исходят из того, что каждое преступление, если оно совершено, должно получить соответствующую юридическую оценку. С. В. Бородин, критикуя практических работников, квалифицирующих действия виновного в умышленном убийстве и разбое лишь по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, отмечает, что «при этом разбойное нападение ошибочно рассматривается как обстоятельство, отягчающее убийство, а не как самостоятельное преступление» [2, с. 135].

В качестве дополнительных доводов обращается внимание на то, что по УК РФ 1996 г. корыстное убийство может быть сопряжено с разбоем, вымогательством или бандитизмом, а также на то, что пожизненное заключение в составе разбоя не предусмотрено.

С приведенными доводами трудно согласиться. Названные ученые не учитывают существование составных преступлений, к числу которых, бесспорно, относится и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. 8 ч. 2 ст. 104 УК РА). Никто не отрицает того, что в данном случае совершаются два самостоятельных преступления. Но ведь суть составных преступлений и состоит в том, что законодатель в одном составе объединяет два разных самостоятельных преступления, подчеркивая, тем самым, повышенную общественную опасность такого деяния. Конструирование составных составов преступлений – один из способов криминализации новых общественно опасных деяний, за которые устанавливается более строгая ответственность, чем за любое преступление, входящее в состав составного деяния. В противном случае теряется уголовно-правовой смысл составных преступлений, как учтенной законодателем реальной или идеальной совокупности преступлений.

Мнения ученых расходятся по поводу квалификации составных деликтов. В специальной уголовно-правовой литературе данный вопрос освещен достаточно подробно. Здесь лишь отметим, что в теории уголовного права доминирующим является позиция, согласно которой, как отмечалось, по правилам конкуренции части и целого, содеянное квалифицируется по целой норме, то есть по норме, предусматривающей ответственность за составное преступление. При этом непонятно одно: почему ряд ученых, в том числе Армении [22, с. 194–200], а также высшая судебная инстанция по делам о разбое, сопряженном с умышленным убийством, и некоторым другим составным преступлениям, делают исключение.

Основной довод ученых, считающих, что в рассматриваемом случае содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, а также Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу состоит в том, что за квалифицированные виды умышленного убийства наряду с лишением свободы, предусматривается также пожизненное лишение свободы.

В связи с этим, следует отметить, что методологическая уголовно-правовая ошибка как раз состоит и в том, что наказание, являясь признаком противоправности, производно от преступления, поэтому нельзя решать проблему назначения наказания за счет неправильной квалификации содеянного и, как следствие этого нарушения принципов уголовного права. Цели наказания, а также реализация принципов уголовного права могут быть осуществлены прежде всего посредством правильной уголовно-правовой оценки преступления.

В составных преступлениях важное значение имеет вопрос о санкциях. Если санкция за составное преступление, включающее насильственное деяние, превышает санкцию последнего, то это означает наличие норм о конкурирующих преступлениях, целого и части. Квалификация по совокупности преступлений не требуется.

А. В. Наумов обоснованно отмечает, что «конкуренции нет при совпадении пределов санкции уголовно-правовых норм об ответственности за составное преступление и преступление, входящее в его состав» [18, с. 63–64]. В этом случае, как и в ситуации, когда санкция за составное преступление меньше санкции за насильственное деяние, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений. На основе этого, как отмечалось, ряд ученых предлагают в случае разбоя, сопряженного с убийством, квалифицировать только оп статье об умышленном убийстве, сопряженного с данным признаком.

Жизнь человека – наивысшая социальная ценность, провозглашенная Конституциями наших государств. Однако это не означает, что надлежащая охрана жизни человека, его собственности, может осуществляться посредством нарушения принципов уголовного права, а также выработанных теорией уголовного права правил и принципов квалификации преступлений. Квалификацию преступления должен определять не характер и размер санкции, а составов преступления. Криминологические данные, неутешительное состояние преступности – повод для совершенствования уголовного законодательства, а не нарушения его основополагающих принципов.

Рассматривая данную проблему, важно обратиться к изменениям, внесенным в ч. 1 ст. 17 УК РФ (Совокупность преступлений), которые были направлены на решение многих проблем, в том числе, отмеченного характера. Часть 1 ст. 17 УК была дополнена Федеральным законом от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ указанием на то, что «совокупность преступлений исключается, если совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Однако данное законодательное новшество, по справедливому замечанию многих ученых и практиков, вызвало еще больше вопросов и недоумений. Так, Н. А. Лопашенко отмечает, что проблема состоит в том, что остается неясным, имеет ли в виду новая редакция ч. 1 ст. 17 УК однородные разновидности преступных деяний (например, как совершение преступления в отношении двух или более лиц), разнородные преступления (квалифицирующие признаки «деяние, сопряженное с совершением другого преступления», деяние, повлекшее за собой причинение последствия, которое само выступает самостоятельным преступлением), или и те, и другие сразу [14, с. 82].

Сопоставление чч. 1 и 2 ст. 17 УК позволяет прийти к выводу, что и при реальной, и при идеальной совокупности преступлений, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совокупность преступлений не образуется. В противном случае смысл законодательного изменения, внесенного в ч. 1 ст. 17 УК непонятен.

Буквальное, логическое толкование новой редакции ч. 1 ст. 17 УК дает основание утверждать, что в составных преступлениях содеянное как единое преступление должно квалифицироваться только по целой норме. В рассматриваемом случае – по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Ученые, не поддерживающие данную точку зрения, отмечают, что в такой квалификации не учитывается направленность таких преступлений в первую очередь на собственность? В связи с этим, в качестве выхода из ситуации Б. В. Волженкин, Н. А. Лопашенко и др. ученые предлагают отказаться от таких квалифицирующих признаков, как преступление, «сопряженное с совершением другого преступления», «деяние, повлекшее за собой причинение последствия, которое само выступает самостоятельным преступлением». Такая позиция, безусловно, заслуживает внимания и всестороннего обсуждения. Однако мы полагаем, что в приведенном случае авторы не учитывают то обстоятельство, что составное преступление – всегда двухобъектное. В данном случае отношения собственности, как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, не пренебрегаются, а учтены в квалифицированном виде умышленного убийства, как дополнительный объект составного преступления, а жизнь потерпевшего остается основным объектом.

Заслуживает особого внимания предложение Н. Г. Иванова, полагающего необходимым, дополнить УК специальной статьей: «Норма уголовного закона и состав преступления», в которой следует указать: «1. В одной норме уголовного закона может содержаться лишь один состав преступления. 2. Если конструкция нормы включает в себя несколько деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена другими нормами Особенной части настоящего

Кодекса, то такая норма устанавливает единое преступление и деяние не может квалифицироваться по совокупности» [4, с. 27].

Таким образом, есть все основания утверждать, что применение совокупности рассматриваемых преступлений противоречит принципу справедливости «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, провозглашенному ч. 7 ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., в других международно-правовых документах, а также в Конституциях Армении, России и новых Уголовных кодексах.

В качестве выхода из ситуации предлагаются два способа решения проблемы.

1. Разбойное нападение, сопряженное с умышленным убийством потерпевшего, квалифицировать по п. 8 ч. 2 ст. 104 УК РА и ст. 175 УК РА, но только в том случае, когда из данной нормы будет исключен квалифицирующий признак «сопряженности» убийства с похищением человека; с разбоем, вымогательством или бандитизмом; с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

В этом случае, квалификация содеянного по правилам идеальной совокупности преступлений, не нарушит принцип справедливости.

2. В ст. 175 УК РА рекомендуется ввести новые особо отягчающие обстоятельства:

- 1) *разбой, сопряженный с умышленным убийством одного лица;*
- 2) *разбой, сопряженный с умышленным убийством двух или более лиц.*

Соответственно, санкции этих квалифицированных составов в части лишения свободы следует ужесточить, а также включить *пожизненное лишение свободы*.

В таком случае, содеянное будет квалифицироваться только по одной статье. Квалификация же деяния еще и по п. 8 ч. 2 ст. 104 УК РА, будет излишней. При такой квалификации будет учтено одновременное посягательство на два объекта: отношения собственности и жизнь человека. В проекте нового УК РА разработчики отказались от конструкций составных преступлений по типу «деяние, сопряженное ...».

В заключение следует отметить, что вопрос о квалификации составных преступлений, в том числе разбоя, является достаточно сложным и дискуссионным, поэтому нуждается как в законодательном урегулировании, так и в дополнительном обобщении материалов судебной практики, и на основе этого даче соответствующих рекомендаций правоприменительным органам.

Список литературы

1. Бородин, С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 77–78.
2. Бородин, С. В. Преступления против жизни. М. : Юристъ, 1999. С. 135.
3. Иванов, Н. Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 56.
4. Иванов, Н. Г. Некоторые вопросы уголовного законодательства России // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : сборник. М., 2003. С. 27.
5. Иногамова-Хегай, Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений : учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2002. С. 142–144.

6. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений : учебное пособие / под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2006. С. 131.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Вердикт, 1996. С. 264.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. Т. 2 / под ред. О. Ф. Шишова. М., 1998. С. 35.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М. : ИНФРА-М, 1996. С. 367.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2009. С. 290.
11. Кочои, С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. 2-ое изд.; доп. и пер. М. 2000. С. 226.
12. Кочои С. М. Указ. соч. С. 233, С. 227.
13. Кочои С. М. Указ. соч. С. 235.
14. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М. : ЛексЭст, 2005. С. 84–85.
15. Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 208.
16. Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 208–209.
17. Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 82, С. 113.
18. Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. С. 63–64.
19. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 798.
20. Российское уголовное право. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2004. С. 197.
21. Тамазян А. А. Проблемы квалификации убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах : монография. Ереван : Айрапет, 2010. С. 201.
22. Тамазян А. А. Указ. соч. С. 194–200.
23. Уголовное право Республики Армения. Особенная часть. Ереван : Изд-во ЕГУ. 2004. С. 361–362.

Шукюров Ш. Т.¹,

*доцент кафедры административной деятельности в ОВД
Академии полиции МВД Азербайджанской Республики,
доктор философии по праву, доцент*

СОВРЕМЕННЫЕ КОНСТИТУЦИИ ГОСУДАРСТВ СНГ КАК ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Конституции государств-участников Содружества Независимых Государств в основном по своему правовому содержанию схожи и исходят из общих традиций конституционного права постсоветского пространства. Целью государств на постсоветском пространстве и государственных органов являются обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а также создания достойного уровня жизненных условий, что определяет основную черту, красную линию и прерогативу для прямых функциональных обязанностей по обеспечению прав и свобод человека и гражданина со стороны органов государственной власти. Даже некоторые конституции определяют гарантии претворения их в жизнь. Например, ст. 2 Конституции Республики Беларусь 1994 г. указывает, что: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства».

Конституции государств-участников Содружества Независимых Государств закрепляют демократические нормы, провозглашают принципы равноправия, гласности, законности. В этих Конституциях отмечился переход к новому строю, основой, которого является человек, гражданин со своими правами и свободами. Нынешние конституции занимают особенное положение в истории независимости государств, они закрепили обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека в качестве высшей ценности.

Права человека и гражданина, их возникновение, развитие, социально-правовое обеспечение – эти вопросы занимают одно из актуальных мест в политической, правовой, философской, социологической областях. Права человека и гражданина – это сложная и многообразная политико-правовая категория, имеющая особую структуру, которую характеризуют как основные права и свободы.

Конституции, как результат деятельности государств и общества отражают уровень их развития и совершенства, характер возможных отношений. Содержание конституций позволяет сделать вывод о том, что названные документы соответствуют современным взглядам на развитие человеческого сообщества, в них закреплены важнейшие приоритеты и ценности.

Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин указывают, что: «Конституция является тем фундаментом, на котором возводится все здание действующего законодательства. Ее несоблюдение оборачивается разрушением правовой системы, существенным ослаблением законности и правопорядка, возрастанием стихийности в общественном развитии. Обеспечение стабильности, в первую очередь, с точ-

¹ © Шукюров Ш. Т. 2021.

ки зрения соблюдения основных прав и свобод граждан – неперенное условие прогрессивного развития любой общественной системы» [14, с. 13].

Конституции служат прогрессу общества, в них закреплены приоритеты как общепризнанных принципов, так и норм международного права, что возлагают на государства определенные обязательства. Конституции являются не только символом современной эпохи, но и основой для дальнейшего становления как правовых, демократических и социальных государств. Конституция как основной закон государства и общества имеет важное доктринальное, политическое и правозащитное значение. Контекст и правовое содержание конституций ясен и понятен не только для юристов, стилистика конституций доступна для каждого человека и создает объективные условия для ее исполнения.

М. Б. Ахмедов определяет свое отношение к институту необходимости принятия основного закона, которое заключается в том, что: «Общеизвестно, что Конституция любого демократического правового государства принимается для того, чтобы «воплотить в жизнь достижения цивилизации, в том числе систему человеческих ценностей, общепризнанные принципы права, фундаментальные права и свободы человека». Именно в ней «определяются основы статуса человека и гражданина», провозглашаются его права и свободы, гарантируется их защита» [3, с. 16–17].

А. М. Барнашов в научной статье указывает, что: «Основой правовой системы каждого государства является его Конституция, нормы которой обладают верховенством и имеют высшую юридическую силу в отношении всех иных правовых актов. Конституции многих европейских государств также определяют основы и приоритеты внешней политики, полномочия государственных органов в области международных отношений, закрепляют принципы и главные направления взаимодействия своего законодательства с нормами международного права. Механизм их согласования, порядок и способы реализации своих международных обязательств, устанавливают пределы действия международного правопорядка в национальной правовой системе, регулируют степень ее открытости к международному праву» [8, с. 15].

В конституции находят свое отражение и закрепление те ценности и ценностные ориентиры, которые определяют (или должны определять) общественное и государственное развитие. В конституции фиксируются, таким образом, те начала и принципы, коим обязаны следовать в своей повседневной практической деятельности все субъекты конституционного права, начиная от индивида и заканчивая государством. Конституционные принципы лежат в основе построения всей национальной системы права и во многом определяют характер образующих ее отраслей» [15, с. 14].

В отечественной литературе еще в советские времена высказывалось мнение о том, что конституционное право – это система собственно конституционных норм, которые не образуют отрасли права, будучи его ядром, включающим принципы всех отраслей [13, с. 147].

В конституциях, принятых после Второй мировой войны, возобладали идеи о неотъемлемых, приращенных правах и свободах человека. Человек рассматривается ими как существо правовое и притом самоценное. Этот взгляд нашел

отражение и в международно-правовых документах, в том числе в Декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, а также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В цивилизованных государствах, признающих принцип верховенства (господства) права (the rule of law), человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью. В Конституции России данное положение закреплено в качестве одной из основ конституционного строя (ст. 2). При этом Конституция подтверждает, что фундаментальные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17) [7, с. 9].

Как отмечают специалисты: «Права человека имеют естественную природу и неотъемлемы от индивида, существуют независимо от закрепления в законодательных актах государства, являются объектом международно-правового регулирования и защиты. Они характеризуют человека как представителя рода человеческого и в этом смысле выступают как наиболее общие и в то же время лишь основные правомочия, необходимые для его нормального существования. В случае закрепления прав человека в законодательных актах конкретного государства они становятся и правами гражданина данного государства [6, с. 417].

Уполномоченная по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова в своем выступлении 6 декабря 2018 г. в Российском новом университете участникам Международной научно-практической конференции «Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире» отметила, что: «Конституция Российской Федерации 1993 г. – это эпохальный документ, принятый на крутом изломе истории нашего Отечества, коренным образом изменивший форму правления государства, экономический и общественно-политический уклад, систему управления, символы и атрибуты государственности [6, с. 9].

Конституция Российской Федерации провозгласила Россию правовым государством, тем самым приобщив страну к мировым общечеловеческим и государственно-правовым ценностям [4, с. 1].

Права человека – явление социально-историческое. Не отрицая специфики и богатства содержания современных научных представлений о правах человека, следует вместе с тем иметь в виду и момент исторической преемственности этих представлений с предшествующими правовыми воззрениями на человека, как участника социальной жизни. Право и права человека – это не различные феномены, ведущие независимую друг о друга жизнь, а явления принципиально одного порядка и одного типа. Права человека (в тех или иных формах и объемах их бытия и выражения) – это необходимый компонент всякого права, определенный (в именно субъект человеческий) аспект выражения сущности права, как особого типа и специфической формы социальной регуляции. Право без прав человека так же невозможно, как и права человека вне закона.

История прав человека свидетельствует о том, что сформировавшиеся в русле естественно-правовых идей представления о прирожденных и неотчуждаемых (естественных) правах человека, лежат в основе современных концепций о правовом статусе личности, о господстве права и верховенстве закона,

о гражданском обществе и правовом государстве. Этот естественно-правовой подход нашел свое призвание и отражение в Конституции Азербайджанской Республики, согласно которой именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью. При этом: «Обеспечения права и свобод человека и гражданина высшая цель государства» (ст. 12 Конституции)» [3, с. 32–33].

Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. обладает высшей юридической силой, непосредственно определяет широкую и неимоверно незаменимую роль флага в деятельности органов государственной власти, определяет цели, задачи, принципы и полномочия этих органов, а также основы и требования к этим органам и их должностным лицам в области защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина [2, с. 9].

Из общепризнанной нормы о человеке, его правах и свободах как высшей ценности следует, что под защитой Конституции находятся и другие ценности, в той мере, в какой они выступают в правовом обличье.

По мнению А. Р. Бакеевой, конституционное закрепление обязанности Российского государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина предопределяет существование определенного механизма защиты социальных прав граждан. Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. Права и свободы недостаточно провозгласить, их необходимо реализовать, претворить в жизнь. Это уже более сложная задача. Под реализацией понимается процесс воплощения смысла конституционных установлений в отраслевом законодательстве посредством использования потенциала конституционных идей и правил при разработке закона, толковании его содержания, применении его норм, а также их оценке на предмет соответствия Конституции» [6, с. 32].

Конституция является стержнем существующей государственной системы, на которой держатся все звенья и сферы деятельности. Со дня принятия Конституции Независимой Азербайджанской Республики интерес к Основному Закону, его постатейное изучение, детальное исследование послужило рычагом проведения правовых реформ в государстве. Свидетельством этому служит ряд принятых нормативно-правовых актов, которые соответствуют требованиям современности и иногда опережают его.

Целью государственных органов, а также граждан Азербайджанской Республики является претворение в жизнь норм Конституции. Конституция – это комплекс норм, содержанием которых являются: принципы народного суверенитета и законности; фундаментальные права и свободы человека; основы государственного устройства. Конституция – Основной Закон, под которым подразумевается систематизированный нормативный акт, обладающий высшей юридической силой, и является правовой базой для других законов, всесторонне регулирующих государственно-правовые отношения.

Конституция Азербайджанской Республики, принятая 12 ноября 1995 г. путем общенародного референдума, определила модель государственного строительства и стала новым переломным этапом в истории развития общества, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Основной отличительной чер-

той Конституции для нас является то, что это документ, обладающий высшей правовой силой, впервые отразил в себе независимость народа и тем самым начал путь демократии. Изменения и дополнения, сделанные в Конституции в результате проведенных референдумов от 24 августа 2002 г., 18 марта 2009 г. и 26 сентября 2016 г. послужили новыми последующими этапами в дальнейшем развитии деятельности органов государственной власти.

Конституция Азербайджанской Республики является знаменательно новой вехой в развитии и правовом регулировании органов исполнительной власти. Новизной и основной концепцией Основного Закона явился принцип разделения государственной власти, что привело к созданию и развитию законодательной, исполнительной и судебной властей. Эти органы власти на основании Конституции независимы и взаимодействуют между собой в рамках своих полномочий.

На основе п. 1 ст. 1 Конституции Азербайджанской Республики единственным источником государственной власти является народ Азербайджана, все конституционные полномочия государственной власти исходят от народа. Органы исполнительной власти обладают способностью регулировать общественные отношения и в интересах суверенного народа. Все полномочия для осуществления исполнительной власти приобретаются в результате свободно выраженной воли народа. Конституция Азербайджанской Республики предусматривает статьи, на основе которых органы исполнительной власти Азербайджанской Республики, точнее, органы внутренних дел осуществляют свою деятельность, также Конституция содержит положения, которые требуют соблюдения обязательств, необходимых при той же деятельности этих органов исполнительной власти.

Статья 12 Конституции определяет высшую цель государства, которая заключается в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики. Реализация этой цели государства возлагается на государственные органы.

В Научно-Практическом Комментарии к Конституции Азербайджанской Республики Ш. Алиева к II п. ст. 7 Конституции прослеживается цель органов государственной власти... «Право представляет собой цель государственной деятельности и полномочий его органов, государство – это инструмент обеспечения права. Это задача присуща государству при реализации любой функции – законодательной, исполнительной, судебной...» [1, с. 24].

Конституция является выражением принципов верховенства (господства) права (the rule of law) и правового государства (Rechtstaat). Государство и право – это не разные вещи, положенные в разные карманы, не две противостоящие друг другу сущности. Тем более что речь идет о современном цивилизованном государстве, основанном на принципах верховенства права и демократии, разделении властей и признании прирожденных и неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина. Тем самым государство введено в поле права. Оно должно действовать как правомерный субъект. Это часть права со всеми его принципами [7, с. 3].

Важным элементом государственной системы являются принципы, на которых закладываются пути дальнейшего развития. Среди конституционных

принципов Азербайджанской Республики наблюдается принцип привлечения и участия граждан в государственное управление для утверждения гражданского общества, смягчение отношений между государством и гражданином, защищенность граждан со стороны государства и его органов от ущемления прав и свобод. Органы государственной власти служат флагманом согласованности для претворения интересов всех и каждого.

Задачей органов государственной власти Азербайджанской Республики является утверждение справедливости, свободы, безопасности, обеспечение благополучия всех и каждого. Это защита независимости, суверенитета и территориальной целостности, гарантии демократического строя в рамках Конституции, утверждения гражданского общества, построения правового, светского государства на основе верховенства законов, обеспечения достойного уровня жизни, сохранения общечеловеческих ценностей.

По мнению М. В. Мархгейма: «Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина, будучи интегративным феноменом, получает качественную определенность через функциональное единство своих элементов. В число основных нами включены правозащитные нормы, принципы, субъекты, объекты и гарантии. Их отличает конституционная обусловленность, законодательное развитие согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России включает определенную совокупность правовых норм. Ими установлены как потенциально возможные (диспозитивные), так и обязательные (императивные) правила поведения участников правозащитных отношений. Например, Конституцией Российской Федерации учреждены право каждого на защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), что относится к диспозитивным правозащитным нормам; гарантии государственной (ч. 1 ст. 45) и судебной (ч. 1 ст. 46) защиты прав и свобод человека и гражданина выступают нормами императивными. Как следует из приведенных и иных правозащитных норм, Конституция Российской Федерации использует различные приемы их формулирования: через глагол «защищать», через существительное «защита» и глагол «гарантируется», через право на «защиту» (ч. 1 ст. 30). Таким путем отражаются как категоричность правозащитной позиции государства, так и варианты правозащитного поведения лиц, находящихся под юрисдикцией России [11, с. 25].

Как отмечает А. Р. Бакеева: «Существуют следующие механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина:

- 1) конституционно-судебный механизм (Конституционный Суд);
- 2) судебная защита (суды общей юрисдикции);
- 3) административные действия органов исполнительной власти;
- 4) законная самозащита своих прав;
- 5) международно-правовой механизм» [6, с. 33].

Статья 13 Конституции Азербайджанской Республики закрепляет неприкосновенность и охрану собственности государством [9, с. 6]. Предостерегает собственность в целях не использования ею, против прав и свобод человека

и гражданина, интересов общества и государства, достоинства личности. Здесь также мы наблюдаем развитие института предотвращения и предостережения собственности от противоправных деяний, от возможности в будущем конституционном образе формирования ответственности за преступления против собственности.

Статья 15 Конституции Азербайджанской Республики, определяют развитие Азербайджанского государства на основе рыночных отношений, создает условия для развития экономики, гарантирует свободу предпринимательства, не допускает монополизма и недобросовестной конкуренции в экономических отношениях. В статье конкретно указано о недопущении негативных элементов в экономических отношениях.

В статье 17 Конституции Азербайджанской Республики императивным образом указано о запрете привлечения детей к деятельности, могущей представлять угрозу их жизни, здоровью или нравственности, что создает определенные обязательства перед компетентными физическими и юридическими лицами. А также отмечено о том, что дети, не достигшие 15-летнего возраста, не могут быть приняты на работу.

Статья 18 Конституции Азербайджанской Республики запрещает распространение и пропаганду религий (религиозных течений), унижающих достоинство личности или противоречащих принципам человечности, что создает условия предотвращения ряда преступлений в области терроризма и экстремизма.

Пункт III ст. 25 Конституции Азербайджанской Республики полностью запрещает и ликвидирует дискриминацию, обязывает государство и его органы гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина.

Пункт II ст. 26 Конституции также определяет обязательство перед государством в гарантии защиты прав и свобод каждого. Органы исполнительной власти в своей деятельности придерживаются ряда конституционных принципов, таких как принцип ответственности, принцип гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина. Если обратиться к ст. 18 Конституции Российской Федерации можно заметить, что: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного управления и обеспечиваются правосудием».

Пункт III ст. 27 Конституции Азербайджанской Республики определяет право каждого на жизнь, но в IV пункте этой статьи в порядке исключения с целью использования мер административного пресечения, как одного из институтов, который относится к методам административной деятельности органов внутренних дел, предусмотрено право сотрудников полиции применять огнестрельное оружие. Пункт I ст. 28 Конституции устанавливает право каждого на свободу, тем самым II-ой пункт этой же статьи свидетельствует о том, что это право может быть ограничено только в предусмотренном законом порядке путем задержания, ареста или лишения свободы.

Конституции и другие формы конституционного права провозглашают права и свободы самого различного характера и содержания. Подчеркивая две составные части в формуле «права человека и права гражданина», конституцион-

но-правовая теория исходит из того, что первые проистекают из естественного права, а вторые – из позитивного, хотя и те и другие носят неотъемлемый характер. Права человека являются исходными, они присущи всем людям от рождения независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет, а права гражданина включают в себя те права, которые закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству (гражданство). Таким образом, каждый гражданин того или иного государства обладает всем комплексом прав, относящихся как к общепризнанным правам человека, так и ко всем правам гражданина, признаваемым в данном государстве, а не гражданин – лишь первой частью этого комплекса [15, с. 58].

Каждому человеку должна быть обеспечена возможность пользования всеми основными правами и свободами. Государство обязано гарантировать реальное осуществление этих прав и свобод всеми доступными средствами.

В заключение научной статьи хотелось бы выдвинуть ряд предложений по совершенствованию нормотворчества в области обеспечения, соблюдения и претворения прав, свобод человека и гражданина:

- необходимо глубокая, детальная и всесторонняя систематизация прав и свобод человека и гражданина с точки зрения внутригосударственных и международных правовых актов, а также их комплексное отражение в конституции или в отдельном нормативном документе;
- актуально усиление и совершенствование государственного, общественного контроля и конституционного надзора по соблюдению прав, свобод человека и гражданина;
- необходимо учреждение и развитие ряда отраслевых, компетентных институтов уполномоченных органов по претворению, обеспечению и соблюдению прав, свобод человека и гражданина;
- важно разработка и развитие специальных принципов и отраслевых функций по претворению и соблюдению прав и свобод человека, гражданина, их отражение в нормативном документе.

Список литературы

1. Алиев Ш. М. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики Б., 2000. С. 736.
2. Ахмедов М. Б. Конституция Азербайджанской Республики как основа уголовно-правовой охраны граждан от преступных посягательств : учебное пособие. Баку, 2004. С. 68.
3. Ахмедов М. Б. Проблемы охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств. Баку : НУРЛАР, 2005. С. 296.
4. Богдановская В. А. Конституционное право на защиту в сфере уголовного судопроизводства : дис. канд. юрид. н. 12.00.02. Казань, 2005. С. 213.
5. Еремеева Е. А. Организационно-правовые основы защиты прав и свобод человека и гражданина в субъекте Российской Федерации (на примере Ульяновской области) : авт. реф. дисс. ... канд. юрид. н. 12.00.02. Казань, 2007. С. 27.

6. Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире : материалы международной научно-практической конференции (6 декабря 2018 г., Москва, Российский новый университет). М. : Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2019. URL: https://msal.ru/upload/_6.12.2018.pdf.

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина // СПС «КонсультантПлюс». С. 999.

8. Конституция Российской Федерации – правовая основа развития современной российской государственности» : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / под общ. ред. С. А. Белоусова. Саратов : Изд-во Саратовская государственная юридическая академия, 2014. С. 392.

9. Мархгейм М. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования : монография. Ростов-на-Дону : Рост.издат, 2005. С. 198. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5715/1/Marhgeim_Zazhita_Prav_Svobod.pdf.

10. Серебренникова А. В. «Уголовно-правовая защита конституционных (основных) прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: общее и особенности». доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова(МГУ), Россия. С. 103–113.

11. Страшун Б. А. К вопросу об определении конституционного права. № 3 (112). 2016. С. 151.

12. Хабриева Т. Я. Теория современной Конституции. М. : Норма, 2007. С. 320.

13. Шашкова А. В. Курс лекций по конституционному праву зарубежных стран. М. : Линкор, 2008. С. 187.

14. Этика : учебник / под ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. М. : Гардарики, 2004. С. 496.

Гаврилов Б. Я.¹,

профессор кафедры управления органами

расследования преступлений Академии управления МВД России,

доктор юридических наук, профессор

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА КАК СТРУКТУРНОЙ ЕДИНИЦЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Среди направлений совершенствования правосудия, как отмечает Президент Российской Федерации В. В. Путин, является его гуманизация. Реализуя это, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 17 октября 2020 г. принял соответствующее постановление о внесении в Государственную Думу Российской Федерации законопроекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». Данный законопроект предусматривает перевод в уголовный проступок, не влекущий за собой признание судимости, части преступлений небольшой и средней тяжести (всего 112 составов преступлений), включая отдельные виды (29) противоправных деяний в сфере экономической деятельности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде за эти преступления ежегодно осуждается около 70 тыс. граждан.

Об актуальности проблемы введения уголовного проступка свидетельствует ее активное обсуждение среди ученых и правоприменителей, включая такие аргументы, как необходимость:

- снижения уровня уголовной репрессии, обусловленное тем, что к концу 90-х – начале двухтысячных годов в России одновременно отбывали наказание в виде реального лишения свободы более 1 млн граждан, при том, что условия их содержания в местах лишения свободы экспертами Совета Европы приравнивались к пыткам [1] (для сравнения, их число на 1 января 2021 г. составило примерно 450 тыс. осужденных). О пере избыточности уголовно-правовых запретов объективно свидетельствуют и статистические данные о числе ежегодно привлеченных к уголовной ответственности граждан (в 1992–2001 гг. более 1,5 млн, 2012–2017 гг. – около 900 тыс., 2018 г. – 831 тыс. и в 2020 г. – 751 тыс. граждан, что влечет дальнейшую криминализации общества;

- исключения из уголовного законодательства малозначительности деяния, предусмотренной ч. 2 ст. 14 УК РФ. Ее негативные последствия заключаются в принятии ежегодно следователями, дознавателями, органами дознания до 7 млн процессуальных решений об отказе возбуждении уголовного дела, в результате чего гражданам и организациям по их заявлениям и сообщениям о преступлениях в нарушение ст. 52 Конституции Российской Федерации отказывается в доступе к правосудию и возмещении причиненного ущерба);

¹ © Гаврилов Б. Я., 2021.

– реализации предложений ученых и правоприменителей об исключении из Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях (далее – КоАП РФ) правонарушений, по степени общественной опасности пограничных с уголовно – наказуемыми деяниями, и включение их в УК РФ как уголовных проступков. Например, административная ответственность предусмотрена за кражу на сумму 2,5 тыс. руб. (ст. 7.27 КоАП РФ), а преступлением признается деяние при сумме похищенного, на 1 руб. ее превышающую (ч. 1 ст. 158 УК РФ), что свидетельствует об «абсурдности» сложившегося положения с разграничением преступного деяния от правонарушения. Нередко условной является, по мнению профессора А. В. Федорова [2, с. 262–270], и ситуация с разграничением административной и уголовной ответственности за противоправные деяния о незаконном обороте наркотических веществ;

– устранения, по возможности, искажения показателей преступности, основная причина чего заключается, по мнению автора, в высочайшем уровне в России латентной преступности, что в свою очередь обуславливается многократным ростом (с 1,2 млн в 1991 г. до 5,5 – 6,8 млн в 2016–2020 гг.) количества процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (далее – «отказных» материалов). Как результат, количество зарегистрированных преступлений сократилось с 3,85 млн преступлений в 2006 г. до 2,044 млн в 2020 г.), а уровень преступности на 100 тыс. населения в 2020 г. составил 1400 преступлений, что в несколько раз ниже, чем в большинстве государств Европы и восемь раз ниже аналогичного показателя преступности в Швеции [3, с. 29, 30].

По мнению автора, принципиальное значение в разрешении перечисленных проблем занимает включение в УК РФ в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории уголовного проступка, попытка реализации чего сегодня осуществляется законодателем. Вместе с тем развернувшаяся среди научного сообщества дискуссия показывает неоднозначную позицию ученых и правоприменителей к возможности реализации в уголовном законе законодательной инициативе Верховного Суда Российской Федерации. Так, Л. В. Головкин [4, с. 387–400] указывает на отсутствие юридических оснований для введения в российское законодательство уголовного проступка. По мнению заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке) А. А. Толкаченко [5, с. 137–150], «в современных условиях введение уголовного проступка... и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства».

С таким утверждением, по нашему мнению, возможно, было бы согласиться, если данное предложение рассматривать в отрыве от видения перспективы совершенствования законодательства в целом, имея в виду уголовное, административное и уголовно-процессуальное. Однако нами и рядом других авторов возвращение в российское законодательства уголовного проступка рассматривается как одно из направлений разрешения реальных проблем, призванных, с одной стороны, обеспечить со стороны государства права и законные интересы граждан, пострадавших от преступления, а, с другой стороны, повысить эф-

фективность борьбы с преступностью мерами уголовно-правового характера: [6, с. 20–31].

Автор публикации, исследуя категорию уголовного проступка, обращается к позиции видных российских ученых, как, и др., которые в своих трудах обосновали необходимость введения в УК РФ данной категории противоправного деяния [7, с. 51]. Как отмечено выше, в научном сообществе данная дискуссия продолжается. Идею введения уголовного проступка сегодня поддерживают многие ученые [8]. Это нашло свое отражение и в предложенной А. Л. Кудриным концепции совершенствования уголовного законодательства до 2025 г. [9], озвученной 5 апреля 2017 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации.

Ведя речь о криминологическом обосновании возвращения в российское законодательство категории уголовного проступка, автор обращается к анализу преступлений небольшой тяжести [10, с. 387–400], по результатам которого видно, что в России в 2005–2009 гг. ежегодно регистрировалось около 1 млн данной категории противоправных деяний или 35–36 % от общего количества зарегистрированных преступлений, с 2012 г. их удельный вес ежегодно увеличивался, составив в 2018 г. 46,2 %. Данный фактор определил и увеличение до 50 % удельного веса осужденных за преступления небольшой тяжести, что, в свою очередь, является одним из аргументов того, что значительная часть данных преступлений возможно перевести в уголовные проступки.

В ответ на данное утверждение считаем возможным отметить, что в случае принятия указанного выше законопроекта, подготовленного в недрах Верховного Суда Российской Федерации, предусматривающего введение уголовного проступка, его реализация направлена на сущностные изменения в уголовно-правовых последствиях для категории лиц, совершивших уголовные проступки, имея ввиду, что наказания за них не будут связаны с лишением свободы, а должны предусматривать штраф, обязательные работы, исправительные работы и как исключение ограничение свободы и арест.

Принятие указанного законопроекта потребует разрешения и такого основного вопроса как определения круга деяний, которые возможно отнести к уголовным проступкам. Их перечень приведен в соответствующем законопроекте, внесенным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу, который, по мнению автора, не учитывает ряд озвученных выше обстоятельств:

- в категорию уголовных проступков нами предлагается перевести часть противоправных деяний, административных деликтов, относящихся сегодня к административным правонарушениям (мелкие хищения, деяния о незаконном обороте наркотиков, причинение телесных повреждений и имущественного вреда и др.), о необходимости чего заявляют и ученые-административисты [11, с. 33–39];

- указывая на возможность отнесения к уголовным проступкам небольшой тяжести и часть преступлений средней тяжести, включая противоправные деяния экономической направленности с санкцией до пяти лет лишения свободы, одновременно следует исключить возможность отнесения к этой категории

преступлений экологической направленности, против конституционных прав и свобод человека и гражданина и ряда других, существенно нарушающих или ограничивающих права и законные интересы государства и его граждан;

– включение в Особенную часть действующего уголовного кодекса специального раздела «Уголовные проступки» позволит не допустить дублирования таких институтов Общей части, как формы вины, обстоятельства, исключаящие преступность деяния, и т. д.;

– введение уголовных проступков призвано разрешить и проблему правоприменения ч. 2 ст. 14 УК РФ, реализация которой на практике порождает неоднозначно складывающуюся судебно-следственную практику и соответственно ее толкование среди ученых.

Говоря о введении уголовного проступка, значимым аргументом, по нашему мнению, является и существенное искажение в последние годы статистических данных о состоянии преступности. Известный российский криминолог В. В. Лунеев полагает, что: «общество не знает реального объема преступности, ее полных социальных последствий, действительной эффективности борьбы с преступностью, во что она фактически в целом обходится нашему обществу и т. д.» [12, с. 48, 49]. О недостоверности и высоком уровне латентности неоднократно в своих публикациях отмечали многие специалисты [13], и свидетельством чему является тренд показателя преступности, из анализа которого прослеживается прирост количества зарегистрированных преступлений на 1 млн за каждое десятилетие и необоснованное сокращение данного показателя (на 1,8 млн.) за последнее (2006–2020 гг.) десятилетие, что представляется абсолютно необоснованным.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что реализация законодателем указанных выше предложений призвана обеспечить повышение эффективности законодательства в борьбе с преступностью.

Список литературы

1. Калинин Ю. И. Лесоповал с человеческим лицом // Российская газета. 2002. № 186.
2. Федоров А. В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонаушений // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2013. № 2. С. 262–270.
3. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 29–30.
4. Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 387–400.
5. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2017 // Закон. 2018. № 1. С. 137–150.

6. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. № 2. С. 20–31.
7. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. М. : Наука, 1987. С. 51.
8. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. М. : Институт государства и права РАН, 2009.
9. Щедрин Н. С. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2.
10. Парламентские слушания в Совете Федерации 5 апреля 2017 г. URL: <http://www.council.gov.ru>.
11. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387–400.
12. Старостин С. А. Уголовный проступок: взгляд административиста // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 33–39.
13. Лунеев В. В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства / отв. ред. С. В. Максимов // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы : монография. М., 2009. С. 48–49.
14. Ведерникова О. Н. Криминальная ситуация в России в свете мировых тенденций : монография / под ред. С. М. Иншакова // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 328.

Серебренникова А. В.¹,

профессор кафедры уголовного права и криминологии

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Некоторые федеральные законы, а именно: о связи; о почтовой связи; об оперативно-разыскной деятельности; о наркотических средствах и психотропных веществах и другие нормативные акты содержат нормы о неприкосновенности тайны частной жизни. Вышеизложенное позволяет воспринимать анализируемое право в качестве гарантии свободы личности и правового препятствия от совершения противоправных действий, направленных на разглашение определенных сведений.

В настоящее время, в связи с процессами глобализации и компьютеризации общества, право на неприкосновенность частной жизни как никогда уязвимо. Доступность информации, связанная с распространением новых видов взаимодействия между людьми в социальных сетях, мессенджерах, интернет-поисковиках и иных сервисах обмена данными [1] с одной стороны облегчает жизнь современного человека, с другой – создает опасность недобросовестного использования его конфиденциальных сведений, которые становятся предметом общего достояния, доступным для неопределенного круга лиц. Вышеизложенное обуславливает актуальность и необходимость защиты права на неприкосновенность частной жизни, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Следует признать, что в настоящее время невозможно гарантировать полную уверенность в защите информации, даже путем привлечения высококвалифицированных специалистов в области кибербезопасности. Тем не менее в отдельных ситуациях, по мнению отдельных специалистов, закон предоставляет возможность ограничения права на неприкосновенность частной жизни, когда такая необходимость обусловлена потенциальной опасностью для интересов общества или государства, а также, при производстве по уголовному делу [2, с. 55, 56].

Сегодня следует иметь в виду, что информация, составляющая тайну частной жизни, не является однородной и подразделяется, по мнению С. Н. Алямкина, в зависимости от объема и содержания на номинативную и иную: [3, с. 4–14]. К первой группе информации относятся сведения, позволяющие идентифицировать конкретное лицо (сведения о фамилии, имени, отчестве, дате и месте рождения и т. д.). В эту группу также входят персональные сведения, входящие в предмет биометрии, т. е. биологические и физиологические особенности организма человека, оценка которых позволяет произвести его идентификацию. Ко второй группе относится информация о доходах, идеологических и полити-

¹ © Серебренникова А. В., 2021.

ческих убеждениях, патологиях, привлечении к административной, уголовной и других видов ответственности.

Классификация конфиденциальной информации закреплена на нормативном уровне в Указе Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. В обозначенном документе конфиденциальная информация подразделяется на следующие группы:

1. Персональные данные (информация о частной жизни человека, позволяющие произвести идентификацию его личности). В данную группу не включается информация, распространяемая средствами массовой информации в порядке, установленным законодательством.

2. Сведения, охраняемые законодательством и составляющие тайну предварительного следствия и судопроизводства.

3. Служебная тайна.

Анализ практики выявления и расследования посягательств на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации свидетельствует о ее незначительности. С момента вступления в силу в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации уголовные дела, связанные с нарушениями анализируемого права единичны. Естественно, это не отражает в полной мере положение дел в области защиты неприкосновенности частной жизни и конфиденциальной информации, поскольку данная разновидность противоправных действий носит латентный характер и в большинстве случаев не регистрируется в правоохранительных органах. При этом установлено, что в нашей стране лица, в отношении которых имели место нарушения права на неприкосновенность частной жизни предпочитают пользоваться гражданско-правовыми средствами защиты, обращаясь в суды с исками о компенсации морального вреда.

Решая вопрос о том, являются ли такие сведения как адрес, Ф.И.О., паспортные данные, дата рождения личной или семейной тайной, необходимо обратить внимание на тот факт, что лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне [4]. Исходя из практики удаления персональных данных из судебных решений перед их публикацией, а также из ст. 8 ФЗ «О персональных данных», содержащей требование письменного согласия лица для включения его данных в общедоступные источники, можно сделать вывод, что информация, позволяющая идентифицировать человека, не может быть выложена государственными органами в публичный доступ без его согласия. Важным уточнением является тот факт, что не могут составлять тайну сведения, ранее уже опубликованные тем или иным способом и ставшие известными неопределенно большому кругу лиц.

Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 137 УК РФ, состав данного преступления является формальным. Для квалификации безразлично наступление общественно опасных последствий. Представляется, что такой подход является наиболее подходящим, так как люди не так часто меняют место жительства, паспортные данные, имена, а их разглашение может создавать перманентную угрозу совершения противоправных действий. В структуру состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ, входит ряд альтернативных действий, среди которых незаконное соби́рание, незаконное распространение и распространение публичным способом. Ключевой особенностью здесь является незакон-

ность распространения указанных сведений и совершение данных действий должно происходить без согласия потерпевшего. Непонятно, почему законодатель отдельно выделяет публичный способ распространения сведений, который является частным случаем распространения сведений о частной жизни лица.

Принципиальным является вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за распространение сведений без формального нарушения закона. Имеются в виду такие случаи, когда лицу становятся известны сведения о другом человеке случайно либо по косвенным признакам, полученным из информации, которая не скрывалась. Возвращаясь к заявленной теме, данный вопрос будет рассмотрен на примере нарушения анонимности в сети. Возможно, анонимность в интернете в какой-то момент станет естественным правом четвертого поколения, т. е. поколения прав, которые будут регулировать взаимоотношения в интернете, но на сегодняшний день анонимность составляет разновидность права на неприкосновенность частной жизни. При этом, как известно, право на неприкосновенность частной жизни зачастую вступает в конфликт с другим фундаментальным правом на свободу слова. Особенно ярко это проявляется в вопросе защиты прав публичных персон, личная жизнь которых зачастую представляет повышенный общественный интерес. Отмечается, что судебная практика, в том числе практика Европейского Суда по правам человека, признает, что личная жизнь таких лиц должна быть более открыта для публики [5]. Выделять отдельно публичных людей с учетом того, что в современных реалиях большинство людей оставляет информацию о себе в открытом доступе, выглядит как выборочное применение конституционных свобод, что может свидетельствовать о плохой культуре соблюдения прав человека. Соблюдение баланса между указанными свободами возможно разными способами, в том числе и с использованием категорического императива. Ограничить возможность распространения информации свободой другого лица может показаться на первый взгляд разумным решением. Но информация, полученная одним человеком о другом, уже является частью мышления не одного, а уже двух лиц, а значит, такие сведения не могут являться частью свободы только одного человека. В исключительных случаях, для защиты каких-либо общественных отношений, может ограничиваться право использования или распространения такой информации, но не право владения ею.

По вопросу о праве на свободное распространение информации весьма близким для нас представляется подход либертарианцев, согласно которому во власти человека находится как его тело, так и интеллектуальная собственность, которую он вправе распространять всеми законными способами. Категория «частная жизнь» тесно соприкасается с категорией «собственности», которая охраняется законодательством. Вместе с этим существует информация, применение которой на практике является общественно опасным, либо распространение которой уже общественно опасно. Например, знание о том, как убить человека не опасно, пока не начать его реализовывать на практике, а распространение экстремистских материалов опасно уже как факт передачи информации. Но сведения о частной жизни лица не могут составлять перечень информации, которую нельзя передавать ни при каких условиях. Так как человек сам решает, какая информация составляет его тайну, а какая нет, он сам должен обеспечить

конфиденциальность этой информации, например, путем заключения соглашений с лицами и организациями, которым он передает свои данные. Можно сказать, что государство уже заключило со всеми гражданами и лицами, находящимися на ее территории, такое соглашение, регулирующее в каких случаях информация может собираться государственными и муниципальными органами, а в каких нет. Также государство выступает как арбитр при нарушении соглашения о неразглашении сведений, эта функция проявляется, например, при уголовном преследовании. Также государство вводит ограничение за незаконное собирание информации, так как такой сбор всегда сопряжен с нарушением большого пласта личных прав и свобод человека, в том числе права на неприкосновенность жилища, тайны переписки и т. д.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, может наступать только в случаях получения информации незаконным путем, т. е. сопряженным с нарушением права частной собственности, других личных прав человека. Распространение информации о человеке, если она не является заведомо ложной и получена законным путем, не может ограничиваться. Несмотря на то, что угроза наступления негативных последствий может появиться независимо от законности или незаконности способа получения информации, принципиальная разница все же есть. В случаях, когда личные данные становятся известными из-за разглашения их должностным лицом, человек не предпринимает дополнительные меры предосторожности, так как сохранение сведений о себе в тайне исходит из предписаний закона, и он разумно ожидает его соблюдения. Если же сведения о человеке становятся известны случайно, например, соседу, то можно говорить о том, что лицо не предприняло должных мер для сокрытия своей информации от посторонних, а значит, такая информация по сути своей личной или семейной тайной признаваться не может.

Список литературы

1. Latypova E. Yu. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem. SHS Web Conf. 2019. Vol. 62. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196210004>.
2. Кузьмина Е. К., Латыпова Э. Ю. Современное понимание терминов «террор» и «терроризм» // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика : сборник материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала : Апробация, 2015. С. 55–56.
3. Алямкин С. Н. Персональные данные как объект правового регулирования: понятие и способы защиты // Мир науки и образования. 2016. № 4 (8). С. 4–14.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 1253-0 «Об откате в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Фролова О. С. Частная жизнь в свете Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Журнал российского права. 2008. № 10 (142). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnaya-zhizn-v-svete-konventsii-o-zaschite-prav-cheloveka-i-osnovnyh-svobod> (дата обращения: 15.05.2021).

Жилкин М. Г.¹,

начальник кафедры уголовного права и криминологии

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА СВОБОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВОИХ СПОСОБНОСТЕЙ И ИМУЩЕСТВА ДЛЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ НЕ ЗАПРЕЩЕННОЙ ЗАКОНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осуществление предпринимательской деятельности продуцирует целый комплекс общественных отношений. Несомненной социальной ценностью обладает как сам феномен предпринимательства, так и порождаемые им общественные отношения, что нашло свое отражение в ст. 8 и ст. 34 Конституция Российской Федерации.

В силу этих обстоятельств государство, в том числе и российское, признает, поддерживает, регулирует и охраняет предпринимательские отношения, используя для этих целей, в том числе и уголовно-правовые средства воздействия.

Предпринимательские отношения – это сфера свободного взаимодействия людей и их объединений, в ходе которого они обмениваются имеющимися у них ресурсами, стремясь максимизировать свою прибыль и минимизировать свои убытки. Предприниматель творческим образом комбинирует факторы производства, увеличивая тем самым, не только свое благосостояние, но и приращивая общенациональный продукт, выплачивая установленные налоги и сборы [1]. Государство должно вмешиваться в предпринимательские отношения лишь в целях обеспечения общего блага, в крайних случаях, когда отсутствие государственного вмешательства привело бы к существенному ущемлению смысла и содержания общественных отношений. Поэтому, в частности, на конституционном уровне в ч. 2 ст. 34 Основного Закона Российской Федерации установлен запрет на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Самоочевидность этих истин, на наш взгляд, не нуждается в развернутом обосновании, хотя не лишним было бы в ч. 1 ст. 2 УК РФ обозначить наряду с задачей охраны собственности также и задачу охраны законной предпринимательской и иной экономической деятельности, как неотъемлемого элемента единого народнохозяйственного организма – экономики. Фиксация самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны видится логичным, учитывая, что нормы о преступлениях в сфере экономической деятельности составляют весьма весомый блок в Особенной части УК РФ.

Часть 1 ст. 2 УК РФ содержит закрытый перечень задач российского уголовного кодекса. Он призван охранять права и свободы человека и гражданина,

¹ © Жилкин М. Г., 2021.

собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечивать мир и безопасность человечества, а также предупреждать преступления. Если сравнить названные в ч. 1 ст. 2 УК РФ задачи с объектами уголовно-правовой охраны, поименованными в названиях глав Особенной части уголовного закона, то, очевидно, что рассматриваемый перечень явно уже. При этом, например, такой объект правовой охраны, как окружающая природная среда фактически упомянут трижды: во-первых, посредством прямого указания; во-вторых, благоприятная окружающая среда является неотъемлемой частью общественной безопасности; в-третьих, право на благоприятную окружающую среду находится в числе конституционных прав и свобод человека и гражданина.

С одной стороны, учитывая формулировку «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина», перечень обозначенных в этой норме задач УК РФ, хотя и является закрытым, не может быть назван ограниченным. Более того, логичен вывод о том, что под уголовно-правовую охрану поставлены все права и свободы человека и гражданина, которые гарантированы гл. 2 Конституции Российской Федерации.

С другой стороны, не вполне ясно, для чего тогда авторы ч. 1 ст. 2 УК РФ выделили в качестве обособленных задач, охрану собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Ведь, например, в чч. 1–3 ст. 35 Основного Закона сказано: «право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Аналогичным образом задача охраны окружающей среды также охватывается задачей охраны прав и свобод человека и гражданина, так как право каждого на благоприятную окружающую среду гарантировано в числе иных прав и свобод человека и гражданина в ст. 42 Конституции Российской Федерации.

Формулировка ч. 1 ст. 2 УК РФ могла бы, тем самым, иметь следующий вид: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Однако законодатель в анализируемой норме уголовного закона говорит не об охране права на собственность, а об охране собственности как предельно широкой экономической и правовой категории. И, соответственно, не об охране конституционного права на благоприятную окружающую среду, а об охране самой окружающей среды. В связи с этим, безусловно, можно утверждать, что задачи УК РФ сформулированы довольно узко и явно не соответствуют объектам, охраняемым уголовным законодательством. На явное несоот-

ветствие между объектами, взятыми под уголовно-правовую охрану, и задачами уголовного закона ранее справедливо указывали Н. А. Лопашенко и другие ученые [2].

Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации находят свое отражение в наименованиях глав Особенной части УК РФ и решаются посредством реализации содержащихся в них норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану тех или иных значимых объектов. Так, задаче охраны собственности корреспондируют нормы гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности». Что касается гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», то не вполне понятно, какая именно из обозначенных в нынешней редакции ч. 1 ст. 2 УК РФ задач решается ее нормами. Ведь далеко не все содержащиеся в главе 22 УК РФ статьи направлены на решение такой задачи, как охрана конституционного права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации).

Законная предпринимательская деятельность лежит в основе экономического базиса современного российского общества, обеспечивая его полноценное функционирование и поступательное социальное развитие. Поэтому, очевидно, что государство как важнейший социальный институт не только не должно оставаться в стороне от защиты предпринимательства, но и должно выдвигать его защиту на первый план в числе основных поставленных под государственную защиту объектов правовой охраны.

Таким образом, в настоящее время имеется явное несоответствие между задачами, обозначенными в ч. 1 ст. 2 УК РФ, с одной стороны, и наименованием и содержанием гл. 22 УК РФ, с другой. По верному замечанию А. Э. Жалинского, «действительный регулятивный потенциал ст. 2 УК РФ выглядит недостаточным как раз применительно к конкретизации задач уголовного права. Перечень объектов в ч. 1 ст. 2 УК РФ является слишком общим. Он даже не отражает многие группы запретов, содержащиеся в Особенной части УК РФ. Сами охраняемые ценности на языке уголовного права не описаны, и уяснить их значение и содержание путем толкования, оставаясь в рамках закона, невозможно. Собственно, пределы охраны здесь не определяются. Также не конкретизируется, что можно понимать под предупреждением преступлений. По существу, определение задач уголовного права осуществляется на практике без учета предписаний части 1 ст. 2 УК РФ» [3, с. 6].

Следует согласиться с Н. А. Лопашенко, которая подчеркивает, что «неразбериха с охраняемыми уголовным правом объектами не может не сказываться на уровне как законотворчества, так и правоприменения. Очень ярко это проявляется на двух категориях преступлений: преступлениях в сфере экономической деятельности и преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [4, с. 67].

Учитывая изложенные замечания, на наш взгляд, ч. 1 ст. 2 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, законной предпринимательской и иной экономи-

ческой деятельности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

Это предложение поддержали опрошенные нами в 2019 г. практические работники и специалисты в области уголовного права. Так, на вопрос: «Должно ли в перечне задач УК РФ, приведенном в ч. 1 ст. 2 названного нормативного правового акта найти отражение уголовно-правовая охрана предпринимательской и иной экономической деятельности?» ответы распределились следующим образом. Среди опрошенных судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов в пользу необходимости указать на эту задачу наряду с охраной собственности высказались 108 человек (32,5 %). Не отнесли охрану законной предпринимательской и иной экономической деятельности к числу задач Уголовного кодекса Российской Федерации 21 человек (6,3 %). Поддержал высказанное нами предложение с оговоркой, что охранять необходимо лишь законную предпринимательскую и иную экономическую деятельность 101 человек (30,5 %). Считают необходимым заменить в ч. 1 ст. 2 УК РФ задачу охраны собственности, задачей охраны экономики 92 человека (37,7 %). Затруднились с ответом 10 человек (3 %).

Большую поддержку наше предложение встретило в среде научных и педагогических работников. Мнения распределились следующим образом. Да, необходимо указать на эту задачу наряду с охраной собственности – 59 человек (48 %). Нет, это не является задачей Уголовного кодекса – 2 человека (1,6 %). Да, но охранять нужно только законную предпринимательскую и иную экономическую деятельность – 37 человек (30 %). Необходимо заменить в ч. 1 ст. 2 УК РФ задачу охраны собственности, задачей охраны экономики – 25 человек (20,4 %). Затруднившихся с ответом среди этой категории респондентов не было.

Как правильно пишет И. А. Петин, «наиболее важным свойством для любого законодательства является его системность, и уголовное законодательство не является исключением из этого правила. В настоящее время утверждать о наличии такого свойства у него достаточно сложно»: [5, с. 19]. Поэтому мы считаем, что прямое указание в ч. 1 ст. 2 УК РФ на задачу охраны законной предпринимательской и иной экономической деятельности должно способствовать укреплению системных взаимосвязей внутри текста уголовного закона, а также повышению конституционных гарантий осуществления законной предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1996. С. 540.
2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004
3. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.

4. Тасаков С. В. Охрана общественной нравственности – задача уголовного закона // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 40.

5. Жалинский А. Э. Уголовная политика и задачи уголовного права // Право и политика. 2006. № 6. С. 6.

6. Петин И. А. Конституционная направленность целей наказания и задач уголовного законодательства // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 19.

Русскевич Е. А.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Феномен цифрового профиля личности в отечественной юридической науке до настоящего времени разработан если не поверхностно, то во всяком случае фрагментарно. Обобщение имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что цифровая проекция личности в виртуальном пространстве понимается в двух значениях: 1) в широком смысле – как сумма всей виртуальной информации, доступной о лице (отражает совокупность психологических, эмоциональных, физических, социальных характеристик гражданина) [1, с. 55]; 2) в узком смысле – как цифровой образ субъекта гражданских прав (ресурс персональных данных человека для реализации прав и свобод и несения обязанностей перед государством) [2, с. 155]. В рамках инициативы «Identification for Development» был подготовлен отчет, в котором был рассмотрен вопрос о трактовке понятия «Digital identity». Согласно данному документу, цифровой профиль представляет собой: «The terminology used to refer to a set of electronically captured and stored attributes and credentials that can uniquely identify a person» (Терминология, используемая для обозначения набора записанных в электронном виде и сохраненных характеристик и учетных данных, которые могут однозначно идентифицировать человека) [3].

16 сентября 2019 г. в Государственной Думе Российской Федерации был рассмотрен законопроект № 747513-7 о внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации): [4], предполагающий дополнение Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ ст. 14.3 «Цифровой профиль», согласно которой под ним понимается «совокупность сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации» [5].

Нетрудно заметить, что по мнению авторов законопроекта, содержание цифрового профиля гражданина составляют только те данные, которые идентифицируют его в соответствующих системах государственных органов. Такой ограничительный подход в его определении следует признать вполне обоснованным – в сфере развития электронного правительства информация о лице, совокупно представленная в социальных сетях, содержащаяся у субъектов электронной коммерции и т. п., не может (да и не должна) учитываться.

¹ © Русскевич Е. А., 2021.

С точки зрения доктрины уголовного права виртуальная проекция человека в информационном пространстве представляет интерес в том отношении, что составляющие ее данные выступают предметом отдельных составов преступлений. Изучение имеющейся правоприменительной практики показывает, что воздействие на цифровой профиль личности может причинить непосредственный вред прежде всего конституционным правам и свободам человека. Так, неправомерный доступ к аккаунту другого человека в социальной сети либо к его электронной почте образует в зависимости от обстоятельств дела совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 137, 138, 272 и 273 УК РФ.

В отечественной теории уголовного права практически не разрабатывался вопрос об ответственности за распространение сведений об активности другого человека в сети Интернет. Как представляется, посещение лицом определенных информационных ресурсов, интернет-магазинов, аккаунтов других пользователей в социальных сетях и т. п. в полной мере подпадает под категорию личной тайны, охраняемой в рамках ст. 137 УК РФ. Полагаем, что как нарушение неприкосновенности частной жизни по ст. 137 УК РФ следует квалифицировать действия лица, которое осуществило распространение сведений об активности другого пользователя в сети Интернет без его согласия (например, распространило скриншоты истории браузера). Здесь следует указать, что такая интерпретация предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, соответствует стандартам защиты частной жизни человека, которые в своих решениях демонстрирует Европейский суд по правам человека. Так, в деле Биг Бразер Вотч Суд отказывается признавать «получение метаданных в меньшей степени покушающимися на права человека по сравнению с получением доступа к содержанию сообщений», а также подчеркивает, что «закономерности, которые будут выявлены, могут быть способны нарисовать интимную картину личности путем картографирования социальных сетей, отслеживания местоположения, а также истории использования интернет-браузеров, выявления паттернов коммуникаций, равно как и инсайда о тех, с кем происходило общение» [6].

Российское уголовное законодательство не может быть применено в отношении деяния, состоящего в создании аккаунта человека без его согласия. Само по себе это образует неправомерное использование персональных данных, однако, данное деяние не может быть квалифицировано в рамках действующего отечественного уголовного законодательства. Вместе с тем такое деяние может привести к серьезным последствиям в отношении потерпевшего: потеря работы, прекращение семейных отношений и т. п. В правоприменительной практике создание аккаунта от имени другого человека квалифицируется как преступление только в ситуации сопряженности такого деяния с клеветой либо посягательством на неприкосновенность частной жизни. Так, К. был осужден по ч. 1 ст. 137 УК РФ. Согласно решению суда, К. создал страницу на сайте знакомств, общения и развлечения Beboo.ru под именем потерпевшей, на которой разместил ее фотографии, сделав указанную страницу доступной к просмотру для неограниченного круга лиц. Далее, К. создал ящик электронной почты от имени потерпевшей, указав при регистрации ее персональные данные. Используя указанный ящик электронной почты, К. создал страницу пользователя на сайте социально-развле-

кательной сети «Фотострана» под именем потерпевшей и разместил на данной странице ее фотографии, составляющих ее личную тайну. О создании страниц в социальных сетях, а равно о размещении на данных страницах соответствующих фотографий, К. потерпевшую не известил, разрешения не получил [7].

Цифровой профиль может выступать как в качестве самостоятельного объекта преступного посягательства, так и в качестве средства совершения другого преступления. Так, в 2018 г. Следственным департаментом МВД России было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по факту совершения мошенничества, связанного с завладением жилым помещением (квартирой). Проверкой установлено, что злоумышленники подделали договор дарения квартиры и, используя электронную цифровую подпись потерпевшего, дистанционно направили документы для государственной регистрации перехода права собственности. Управлением Росреестра по г. Москве договор был зарегистрирован, собственником квартиры стал другой человек. Потерпевший вынужден был не только обратиться в правоохранительные органы, но и заявить иск в Бабушкинский районный суд г. Москвы о признании недействительным указанного договора дарения. Заявленные исковые требования судом были удовлетворены в полном объеме [8, с. 14].

Использование цифрового профиля другого человека выступает способом совершения неправомерного завладения транспортным средством. Так, по ч. 1 ст. 166 УК РФ были квалифицированы действия лица, которое используя мобильное приложение «Яндекс Драйв», без какого-либо согласия или разрешения авторизовался под аккаунтом своего знакомого, тем самым незаконно получил доступ к использованию машины, проник в салон и начал движение на автомобиле, совершив неправомерное завладение автомобилем, то есть угон [9]. Нельзя не отметить, что суды при вынесении приговоров по делам о завладении транспортным средством без цели хищения посредством использования чужого аккаунта каршеринг-сервиса, не учитывают неправомерный доступ к чужому аккаунту, как самостоятельное преступное посягательство, требующее отдельной уголовно-правовой оценки по ст. 272 УК РФ.

Посягательство на цифровой профиль может быть связано и с совершением преступления в отношении политических прав и свобод гражданина. Так, в отечественной литературе отмечается, что избирательная кампания 2019 г. снова актуализировала проблемы, связанные с процедурой сбора подписей в поддержку кандидатов (списков кандидатов). Специалисты указывают, что в такой ситуации информационно-техническая инфраструктура может не только решить большинство из указанных вопросов, но и обеспечить открытость всего процесса сбора подписей и последующей их обработки уполномоченными органами и должностными лицами. Высказываются предложения по легализации сбора подписей через сеть Интернет посредством Единой системы идентификации и аутентификации [10, с. 18–26].

Понятно, что такая модель существенно упрощает организацию избирательного процесса и в некотором смысле делает его более прозрачным. С другой стороны, закономерно возникают риски неправомерного доступа к аккаунту гражданина и последующего совершения действий по голосованию.

Уголовно-правовая норма об ответственности за неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» (ч. 3 ст. 141 УК РФ) имеет очевидные пересечения с положениями ч. 2 ст. 274.1 УК РФ. Преодоление данной конкуренции в сложившихся условиях представляется довольно проблематичным, поскольку сопоставление санкций указанных норм позволяет сделать вывод, что общая норма об ответственности за вмешательство в работу объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации должна быть замещена специальной нормой об ответственности за вмешательство в функционирование ГАС Российской Федерации «Выборы», хотя последняя предусматривает более мягкое наказание и не содержит каких-либо привилегирующих признаков. С другой стороны, правила разрешения конкуренции между общей и специальной нормой предельно четко закреплены в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Пренебрежение требованием о преимуществе специальной нормы и квалификация содеянного как идеальной совокупности объективно породит ситуацию двойного вменения, что, как известно, не допускается положениями ч. 2 ст. 6 УК РФ. Полагаем, что именно так и должна строиться практика по делам о совершении компьютерных атак на ГАС Российской Федерации «Выборы». Вопрос о наличии явного противоречия в справедливости санкции за данное преступление имеет характер научной дискуссии и предметно должен рассматриваться законодателем.

Список литературы

1. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021. С. 640.
2. Пучков О. В. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–155.
3. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/199411519691370495/Technology-Landscape-for-Digital-Identification.pdf> (дата обращения: 15.01.2021 г.).
4. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 20.01.2021 г.).
5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 24.01.2021 г.).
6. ECtHR. Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom. Applications nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15. Judgment of 13 September 2018. § 314.
7. Апелляционное постановление Балахнинского городского суда Нижегородской области от 30.08.2019 № 10-12/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Тенденции развития и особенности мошеннических действий в отношении недвижимого имущества граждан и юридических лиц, совершенных путем подделки или неправомерного использования усиленной квалифицированной электронной подписи, а также предоставления удаленным способом в электронном виде поддельных документов: аналитический обзор с предложениями. М. : ВНИИ МВД России. 2020. С. 35.

9. Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 10 марта 2020 г. № 1-176/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Салихов Д. Р. Использование информационных технологий в рамках процесса модернизации российских политических институтов: правовые условия, приемлемые способы, вызовы и риски // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 18–26.

Ковальчук А. В.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Духовник Ю. Е.²,

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПОСЯГАЮЩЕЕ НА КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Уголовный кодекс БССР 1960 г. до 1996 г. не содержал норм об уголовной ответственности за нарушение порядка проведения трансплантации. По утверждению И. И. Горелика, уже к началу 1968 г. в СССР было проведено около десяти тысяч операций по пересадке кожи, костей, нервных стволов и иных тканей человеку. Однако по причине тканевых несовместимостей, злоупотреблений со стороны медицинских работников правоотношения в сфере трансплантации нуждались в уголовно-правовой охране [1, с. 6, 69–81]. Данный пробел был восполнен лишь 21 июня 1996 г., когда Законом Республики Беларусь № 449-ХІІІ «О внесении дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» названный кодифицированный нормативный правовой акт был дополнен ст. 216-1, установившей уголовную ответственность за нарушение порядка трансплантации органов и тканей человека [2]. Примечательным являлось то, что указанная статья, ошибочно, на наш взгляд, была помещена в гл. 15 УК об ответственности за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, что свидетельствовало о превалирующей охране не общественных отношений жизни и здоровья человека, а общественных отношений в сфере здоровья населения.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК), закрепляя ст. 164 об ответственности за нарушение порядка проведения трансплантации, изменил подход прежнего уголовного законодательства к оценке объекта названного преступления, поместив упомянутую статью в гл. 19 «Преступления против жизни и здоровья человека» и существенно скорректировал ее противоправность.

В настоящее время эта статья сформулирована в УК в следующей редакции:

Статья 164. Нарушение порядка проведения трансплантации

1. Нарушение условий и порядка изъятия органов или тканей человека либо условий и порядка трансплантации, предусмотренных законом, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения донору или реципиенту наказывается лишением права занимать опре-

¹ © Ковальчук А. В., 2021.

² © Духовник Ю. Е., 2021.

деленные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на срок до трех лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

2. Деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, совершенное повторно, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо повлекшее по неосторожности смерть донора или реципиента наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

В уголовно-правовой теории встречается различное толкование непосредственного объекта названного преступления. Придерживаясь концепции признания объектом преступления общественных отношений, которым причиняется существенный вред или создается угроза причинения такого вреда, отметим следующее. Если определять объект названного преступления исключительно как общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, то вне уголовно-правовой охраны остаются общественные отношения, обеспечивающие жизнь потерпевшего, что не соответствует нормативным предписаниям ч. 2 ст. 164 УК. Не совсем верным представляется утверждение и о том, что объекту названного преступления создается угроза причинения вреда, поскольку диспозиции ст. 164 УК по конструкции объективной стороны сформулированы законодателем как материальные, а это свидетельствует о том, что для наличия состава данного вида преступления такой вред описанным общественным отношениям должен быть причинен. Следует также признать неточным изложенное мнение о том, что непосредственным объектом анализируемого преступления выступает безопасность жизни и здоровья человека при проведении трансплантации, поскольку сфера охраны названной статьи не ограничивается порядком и условиями проведения трансплантации, она включает в себя также соответствующий порядок и условия изъятия органов или тканей, не являющихся трансплантацией.

На наш взгляд, исходя из нормативного формулирования анализируемых уголовно-правовых норм, непосредственный объект данного вида преступления представлен тремя группами общественных отношений: обеспечивающими безопасность здоровья донора или реципиента (ч. 1 ст. 164 УК); обеспечивающими не только безопасность здоровья, но и жизни донора или реципиента (ч. 2 ст. 164 УК); управленческо-властными отношениями в медицинской сфере (в части использования для совершения преступления должностным лицом своих служебных полномочий) (ч. 2 ст. 164 УК). Третий из упомянутых непосредственных объектов является альтернативным. Дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 164 УК, выступают общественные отношения, направленные на соблюдение условий и установленного порядка изъятия или трансплантации органов или тканей человека.

Предметом данного преступления выступают органы и (или) ткани человека.

Потерпевший от анализируемого преступления, так же, как и объект, неодинаково трактуется учеными. Э. А. Саркисова полагает, что потерпевшим от данного преступления может быть живой донор – лицо, добровольно давшее

в установленном порядке согласие на забор органов и (или) тканей человека для трансплантации органов и (или) тканей человека реципиенту [3]. Р. Н. Ключко потерпевшими называет лиц, которые могут являться потенциальными донорами, а также реципиентов [4, с. 345]. Первая из названных позиций не учитывает, что потерпевшим, наряду с живым донором, может выступать и реципиент, а вторая, включая в орбиту уголовно-правовой охраны потенциальных доноров, искусственно расширяет границы потерпевшего, поскольку возможный и предполагаемый (потенциальный) донор еще не является таковым. Потенциальный донор может и не дать своего согласия на забор у него органов или тканей, и поэтому не может являться потерпевшим от анализируемого преступления. Верной и соответствующей букве закона считаем позицию Н. А. Бабия, отмечающего, что в качестве потерпевших в равной мере могут выступать как донор, так и реципиент [5, с. 110], упоминаемые в тексте настоящей статьи. Стоит уточнить, что в результате нарушения условий и порядка изъятия (забора) органов или тканей человека потерпевшим может быть только донор, а в результате нарушения условий и порядка трансплантации – только реципиент.

Следует обратить внимание на то, что потерпевшим от этого преступления не может признаваться умерший донор, т. е. тело человека, у которого после смерти осуществляется забор органов [6], поскольку, во-первых, это противоречит сути названного преступления, а во-вторых, незаконное изъятие органов или тканей у умершего донора является преступлением против общественной нравственности, и при наличии соответствующих признаков влечет уголовную ответственность по ст. 348 УК.

Объективная сторона составов комментируемого преступления выражена, как верно отмечено Р. Н. Ключко, деянием в двух альтернативных формах: в нарушении условий и порядка изъятия органов или тканей человека; в нарушении условий и порядка трансплантации органов или тканей человека [4, с. 345], общественно опасными последствиями в виде причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1 ст. 164 УК) либо смерти (ч. 2 ст. 164 УК) потерпевшему, а также причинно-следственной связи между ними.

Считаем, следует обратить внимание на особенность первой из выделенных форм противоправного поведения, в которой ведется речь о таком способе ее совершения, как изъятие органов или тканей человека, тогда как Закон о трансплантации регламентирует не изъятие, а забор таких органов. При внешней схожести понятия «изъятие» и «забор» являются нетождественными и различаются тем, что забор предполагает установленную процедуру, выраженную в медицинском вмешательстве по изъятию органов или тканей у живого донора [6], т. е. лица, добровольно давшего согласие на забор его органов, тогда как само по себе изъятие предполагает возможность его осуществления с несоблюдением медицинских требований и процедур, а также у лица, не являющегося донором, т. е. не давшего такого согласия.

В последнем случае вряд ли следует вести речь о заборе органов или тканей, такое деяние должно влечь уголовную ответственность за причинение вреда жизни или здоровью человека на общих основаниях. Суть названного преступления заключается в том, что оно совершается, во-первых, медицинским персо-

налом, во-вторых, – в сфере установленного соответствующими нормативными актами порядка забора органов или тканей, и в-третьих, – в отношении лиц, являющихся живыми донорами. Полагаем, что законодательный подход формулирования анализируемой формы противоправного поведения в части использования такого способа, как «изъятие» не соответствует бланкетному законодательству и нуждается в корректировке путем его замены на такой способ, как «забор».

Следует обратить внимание и на то, что название анализируемого преступления как «Нарушение порядка проведения трансплантации» заужено, поскольку не учитывает первую из названных форм, а равно сущности данного преступления и не соответствует реализации принципа правовой определенности. Как представляется, данное преступление следовало бы именовать с учетом ранее изложенных предложений как «Нарушение условий и порядка забора или трансплантации органов или тканей человека».

Диспозиция ч. 1 ст. 164 УК регламентирует, что преступным следует признавать такое нарушение соответствующих условий и порядка изъятия (забора) органов или тканей либо их трансплантации, которые предусмотрены законом.

Условия и порядок изъятия органов или тканей человека, а также проведения трансплантации установлены ст. 5, 6, 8 Закона о трансплантации [6], а также иными нормативными правовыми актами, среди которых следует выделить следующие: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 августа 2012 г. № 134 «О некоторых вопросах трансплантации органов и тканей человека (вместе с «Инструкцией о порядке вынесения заключения о необходимости трансплантации»)»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 1216 «О порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации»; постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 18 марта 2013 г. № 19 «Об утверждении Инструкции о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации» и др. [7, 8, 9].

Как видим, соответствующий порядок и условия проведения забора органов или тканей либо трансплантации установлен не только законом, как это указано в ч. 1 ст. 164 УК, но и иными нормативными и ведомственными правовыми актами, не являющимися законом, но входящими в систему законодательства Республики Беларусь. Полагаем, необходимо изменить в ч. 1 ст. 164 УК слово «законом» на словосочетание «законодательством Республики Беларусь». Такая новелла будет в полной мере соответствовать принципу правовой определенности уголовного закона и способствовать недопущению ошибок правоприменения.

Нарушения признаются уголовно наказуемыми лишь в том случае, если повлекли причинение менее тяжкого или тяжкого телесного повреждения (ч. 1 ст. 164 УК), либо смерть (ч. 2 ст. 164 УК) потерпевшего.

Поскольку по конструкции объективной стороны данный вид преступления сформулирован как материальный, то его окончание связано с наступлением указанных в уголовном законе последствий.

Важный признак объективной стороны преступления – причинная связь между деянием и наступившими последствиями, поскольку не все нарушения порядка и условий изъятия органов или тканей человека или их трансплантации могут привести к таким последствиям. Для разрешения данного вопроса право-

применительно следует назначать проведение соответствующих экспертиз, в результате которых ставить вопрос об установлении степени тяжести причиненных телесных повреждений и основной непосредственной причины наступления таких последствий.

Субъект комментируемого нами преступления в теории уголовного права является дискуссионным. Полагаем, что субъект названного преступления прежде всего специальный, что обусловлено спецификой медицинской сферы, в которой совершается данное преступление. Данная медицинская сфера ограничена областью проведения трансплантации и изъятия (забора) органов или тканей человека, что характерно для узких специалистов. Вместе с тем не следует однозначно утверждать, что субъектом этого преступления является врач при принятии решения о трансплантации и при проведении соответствующих операций, поскольку при проведении указанных операций может быть задействован и иной медицинский персонал. В связи с этим верно отмечают специалисты о том, что если идет речь о заборе органов или тканей как комплексной процедуре, состоящей не только из их изъятия, но и действий по их иммунологическому типированию, консервации и хранению, то субъектом преступления может выступать не только врач, но и медицинский работник, имеющий среднее медицинское образование, ответственный за соблюдение указанных правил [11, с. 33]. Поэтому субъектом исследуемого преступления выступает не врач, ответственный за соблюдение условий и порядка изъятия органов (тканей) или трансплантации, а в целом медицинский работник, включенный в сферу забора органов (тканей) или их трансплантации.

Сомнительным видится вывод о том, что субъектом названного преступления следует считать живого донора, поскольку, хотя на нем и лежит обязанность сообщения лечащему врачу государственной организации здравоохранения, осуществляющей забор органов, сведения о перенесенных им либо имеющихся у него заболеваниях и вредных привычках (ст. 10 Закона о трансплантации) [6], однако, данная обязанность, согласно упомянутому закону, не является условием и не определяет порядок забора у него органов или тканей, а равно трансплантацию. Более того, порядок проведения медицинского осмотра живого донора проводится врачебно-консультационной комиссией государственной организации здравоохранения, на которой лежит обязанность определения возможности забора у него органов для трансплантации.

Для реализации принципа правовой определенности, исключения неверного толкования анализируемого нами признака, полагаем необходимым в ч. 1 ст. 164 УК закрепить указание на медицинского работника, как на лицо, являющееся субъектом этого преступления.

В уголовно-правовой науке существуют различные позиции относительно определения субъективной стороны рассматриваемого нами преступления. Одни ученые полагают, что нарушение порядка трансплантации может быть совершено как умышленно (с прямым умыслом), так и по неосторожности (преступная небрежность), а вина по отношению к общественно опасным последствиям может быть только неосторожной (в результате легкомыслия или небрежности) [10, с. 350]. Другие отмечают, что данное преступление характе-

ризуется возможной двойной виной, когда виновный умышленно или по неосторожности нарушает соответствующие условия или порядок и легкомысленно или с преступной небрежностью причиняет вред здоровью донора или реципиента [5, с. 111]. По нашему мнению, безусловно, первичное деяние, связанное с нарушением условий и порядка изъятия органов или тканей человека либо условий и порядка трансплантации, без относительно наступления указанных в уголовном законе общественно опасных последствий, преступлением не является, и может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Вина субъекта преступления по отношению к общественно опасным последствиям от такого деяния характеризуется неосторожной формой в виде легкомыслия либо небрежности. Если имел место умысел субъекта преступления в отношении общественно опасных последствий, ответственность данного субъекта должна наступать за умышленное причинение телесных повреждений или смерти.

В связи с этим актуальным представляется вопрос правильного отграничения косвенного умысла от легкомыслия. В данной части мы согласны с мнением Э. А. Саркисовой, которая считает, что если виновный сознательно нарушает какое-либо из условий или порядок изъятия органов или тканей человека (трансплантации) и предвидит возможность наступления указанных в уголовном законе последствий, то для наличия легкомыслия у него должен быть расчет на какие-то конкретные обстоятельства, способные предотвратить наступление общественно опасных последствий. Отсутствие таких обстоятельств будет свидетельствовать о надежде на авось либо вообще о безразличии, т. е. о наличии косвенного умысла, что исключает возможность квалификации содеянного по ст. 164 УК. Несомненно, для определения формы вины в таких случаях важное значение имеет учет характера самих нарушений, результатом которых могут явиться последствия в виде менее тяжкого, тяжкого телесного повреждения или смерти [3].

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Диспозиция ч. 1 ст. 164 УК в качестве одной из преступных форм данного преступления называет изъятие органов или тканей человека, тогда как Закон о трансплантации использует их забор. Понятия «изъятие» и «забор» не являются тождественными и различаются тем, что забор предполагает установленную процедуру, выраженную в медицинском вмешательстве по изъятии органов или тканей у живого донора, т. е. лица, добровольно давшего согласие на забор его органов, тогда как само по себе изъятие предполагает возможность его осуществления с несоблюдением медицинских требований и процедур, а также у лица, не являющегося донором, т. е. не давшего такого согласия. В последнем случае вряд ли следует вести речь о преступлении, предусмотренном ст. 164 УК, поэтому способ «изъятие» не соответствует бланкетному законодательству и его следует заменить на такой способ, как «забор».

2. Название анализируемого преступления, ныне сформулированное как «Нарушение порядка проведения трансплантации» является зауженным, поскольку не учитывает одну из преступных форм, выраженную в нарушении условий и порядка забора органов или тканей человека, в связи с чем не соответствует реализации принципа правовой определенности. Полагаем, название

преступления следует сформулировать как «Нарушение условий и порядка забора или трансплантации органов или тканей человека».

3. Поскольку порядок и условия проведения забора органов или тканей либо трансплантации установлен не только законом, как это указано в ч. 1 ст. 164 УК, но и иными нормативными и ведомственными правовыми актами, не являющимися законом, но входящими в систему законодательства Республики Беларусь, то в ч. 1 ст. 164 УК слово «законом» следует заменить на словосочетание «законодательством Республики Беларусь». Данная новелла будет соответствовать принципу правовой определенности уголовного закона и способствовать недопущению ошибок правоприменения.

4. Отсутствие прямого указания в законе на признаки субъекта преступления не вносит ясность в практику применения анализируемой статьи. Для реализации принципа правовой определенности, исключения неверного толкования данного признака правоприменителем необходимо в ч. 1 ст. 164 УК закрепить указание на медицинского работника, как на лицо, являющееся субъектом этого преступления.

Список литературы

1. Горелик И. И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. Минск : Выш. шк., 1971. С. 91.

2. Об утверждении Уголовного кодекса Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 29.12.1960 г.: принят четвертой сес. Верхов. Совета Респ. Беларусь пятого созыва 29 дек. 1960 г.; по состоянию на 9 окт. 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс».

3. Саркисова Э. А. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VII. Преступления против человека. Глава 19. Преступления против жизни и здоровья (статьи 147–165) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Ключко Р. Н. Глава 19 (ст. 156–165) / под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука // Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск : Нац. центр правовой ин-форм. Респ. Беларусь, 2019. С. 333–346.

5. Бабий Н. А. Раздел I. Преступления против человека в уголовном праве Республики Беларусь. Глава I. Преступления против жизни и здоровья человека / отв. ред. А. И. Чучаев. // Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины. М. : Проспект, 2014. С. 7–113.

6. О трансплантации органов и тканей человека : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., №28-З // СПС «КонсультантПлюс».

7. О некоторых вопросах трансплантации органов и тканей человека (вместе с «Инструкцией о порядке вынесения заключения о необходимости трансплантации») : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 29 авг. 2012 г., №134 // СПС «КонсультантПлюс».

8. О порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2012 г., №1216 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Инструкции о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 18 марта 2013 г., №19 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Дубовец П. А. Глава 19 (ст. 147–165) / под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича // Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 331–351.

11. Ключко Р. Уголовно-правовая оценка нарушений, связанных с трансплантацией органов или тканей человека // Юстыцыя Беларусі. № 4. 2010. С. 29–34.

Беляева Л. И.¹,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КАК СОСТОЯНИЕ И КАК ПРОЦЕСС

Уголовно-правовая охрана может рассматриваться с позиций фактического положения дел: наличия нормативных правовых актов, обеспечивающих такую охрану, их объема, достаточности и прочего; наличия (или отсутствия) криминальных посягательств на объекты, взятые законами под охрану, прежде всего Основным законом страны – Конституцией Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации относит к ним, в числе других охраняемых объектов, такие базовые конституционные ценности, как конституционные права и свободы граждан, суверенитет и территориальная целостность Российского государства. Эти положения находят отражение и конкретизацию в положениях уголовного законодательства: ст. 2 УК РФ, ряд статей Особенной части.

Оценка характера, объема, видов криминальных посягательств на конституционные права и свободы граждан, суверенитет и территориальную целостность государства дает представление о распространенности таких деяний, их устойчивости, адекватности и достаточности уголовно-правовых норм, позволяющих обеспечивать охрану.

Уголовный кодекс, закрепляя основные положения об охране конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства, определяет направления уголовной политики в этой сфере, детализирует и раскрывает содержание тех направлений, которые обозначены в Конституции Российской Федерации.

Уголовная политика является частью правовой политики и представляет собой систему государственно-правовых идей стратегического характера, норм права, материального и процессуального, обусловливающих государственную правотворческую и правоприменительную деятельность в области противодействия криминальным посягательствам, установления и реализации уголовной ответственности.

Воплощение соответствующих идей и норм права в деятельности государственных органов, имеющих своим назначением обеспечение уголовно-правовой охраны от криминальных посягательств, образует ее процесс, который именуется реализацией уголовной политики. Процесс этот многовекторный, сложный, системный. Стратегические направления реализации уголовной политики в сфере охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства определены уголовным кодексом Российской Федерации, а в ближней перспективе зависят от того, каково фактическое состояние в этом вопросе.

¹ © Беляева Л. И., 2021.

В реальной действительности уголовная политика выражается и существует (реализуется) в определенных формах. К ним принято относить следующие: доктринальная форма, правотворческая, правоприменительная, правообучающая. Эта классификация носит, в известной степени, условный характер, но это необходимо для понимания сущности и особенностей реализации уголовной политики в той или иной сфере.

В основе любой политики, как известно, лежат определенные идеи, гипотезы, представления, в нашем случае, о существующей и желаемой системе уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств. Однако не все из известных идей лягут в основу уголовной политики, а лишь те, которые признаны и приняты государством как уголовно-политическая идеология. Эти положения излагаются в программных документах, что формирует соответствующую доктрину. Поэтому эта форма реализации уголовной политики называется доктринальной. Например, «Стратегия национальной безопасности», «Концепция общественной безопасности» [1] и др. Название таких документов говорит о том, что в них изложены основные идеи государства по вопросам уголовно-правовой охраны в целом, в том числе конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства, от криминальных посягательств.

Суть правотворческой формы состоит в деятельности государства по реализации в законодательстве доктринальных положений уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств, формированию и совершенствованию правовых основ в этой области.

Правоприменительная форма реализации уголовной политики – это непосредственная реализация правовых предписаний и доктринальных положений в повседневной деятельности уполномоченных на то органов государства в сфере уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств.

Реализация уголовной политики, как известно, требует от правоприменителя четкого понимания содержания воли законодателя, изложенной в уголовном законе. Для этого приходится прибегать к толкованию уголовного закона посредством интерпретации содержания. Это имеет важное значение для реализации уголовной политики и правильного применения норм уголовного закона. Поэтому в качестве самостоятельной формы рассматривается интерпретационная форма, хотя интерпретация, безусловно, – составная часть правоприменения. Уровень и характер интерпретаций зависит от того, кем они осуществлены: Конституционным судом, Пленумом Верховного суда Российской Федерации.

Правообучающая форма реализации уголовной политики государства в сфере уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства состоит в деятельности государства по формированию правосознания правоприменителя (профессиональное правосознание) и правосознания граждан (обыденное правосознание).

То есть, это деятельность государства, во-первых, по подготовке кадров, осуществляющих уголовную политику уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства, а во-вторых, по просвещению граждан, направленному на уважительное отношение к уголовному закону и формирование убежденности в его охранительных возможностях. Иногда в качестве самостоятельной формы рассматривается и правовоспитательная форма. Однако известный педагогический постулат состоит в том, что образование и воспитание связаны между собой неразрывно. Поэтому такое деление условно и представляет интерес в целях познания особенностей форм, методов правовоспитания.

Стоит отметить, что выделение форм реализации уголовной политики достаточно условно, но необходимо, поскольку дает возможность понять суть, особенности и содержание уголовной политики и ее реализации в сфере уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства.

Очевидно, что каждая из этих форм не существует обособленно, они как бы вытекают одна из другой, следуют друг за другом, образуя процесс обеспечения уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства.

Содержание реализации уголовной политики всегда составляет управление общественными процессами в сфере противодействия преступности, т. е. целенаправленного воздействия на нее и на общественную жизнь в целом с тем, чтобы обеспечить уголовно-правовую охрану от криминальных посягательств. Элементами управления здесь являются: а) субъекты управления; б) объект управления; в) содержание или функции управления.

Осуществление управления в области уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства представляет собой процесс принятия соответствующих решений. Для этого необходим ряд условий, проистекающих из анализа комплекса обстоятельств, сопоставление которых дает основание для принятия стратегических решений доктринального, правотворческого, правоприменительного или собственно управленческого уровня, а также для разработки и осуществления тактических решений (о средствах, формах и методах) по обеспечению уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства.

Необходимыми условиями, позволяющими принимать обоснованные управленческие решения в области уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства являются следующие: анализ сведений о состоянии и динамике преступности в области конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства, и факторах, влияющих на нее; четкое понимание основных направлений, целей и задач противодействия преступности в этой сфере; знание соответствующих уголовно-правовых норм и умение их правильно применять; знание средств и методов противодействия преступности в этой сфере, умение применять их и определять наиболее оптимальные для

конкретной ситуации сведения о реальных возможностях, имеющихся на данном направлении работы; сведения о состоянии среды функционирования, то есть отношении населения к действующему уголовному закону и правоприменительной практике.

Необходимым элементом реализации уголовной политики является оценка уголовно-правовой ситуации, которая заключается в оценке соответствия или несоответствия имеющихся уголовно-правовых норм конкретным формам общественно опасного поведения и действующей законодательной базе в соответствующей сфере уголовно-правовой охраны.

При сопоставлении обстоятельств, входящих в названный комплекс, появляется возможность выявить проблемные ситуации, наметить и обосновать стратегические и тактические решения в сфере реализации уголовной политики по данному направлению борьбы с преступностью. При этом важно, чтобы результаты деятельности сопоставлялись с ранее принятыми решениями.

Анализ сведений о состоянии и уровне уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств позволяет обеспечить научную обоснованность реализации уголовной политики в рассматриваемой сфере. Основная задача такой обеспеченности состоит в упреждающей ориентации управленческих решений на возможные изменения в характере и качестве уголовно-правовой охраны. Это осуществляется посредством прогнозирования, то есть научного предвидения будущего уголовно-правовой охраны путем исследования тенденций развития, внутренних связей, зависимостей и явлений, связанных с ней. В процессе разработки прогнозов выявляются определенные закономерности развития ситуации, как качественного, так и количественного характера, определяются наиболее актуальные направления и формы уголовной политики и ее реализации.

Прогнозирование позволяет принимать обоснованные оперативные решения, связанные с уголовно-правовой охраной конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств, определять цели и задачи, которые предстоит решать субъектам уголовной политики и ее реализации. Это находит выражение в соответствующем планировании.

Для достижения поставленных целей и задач в области уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств осуществляется определенная организационная деятельность, позволяющая сформировать основы управления в виде устойчивых связей между субъектами уголовной политики и ее реализации.

Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств, как непрерывный процесс, нуждается в оценке состояния, хода и уровня правоприменения, оптимальности и выполнения управленческих решений, выявлении отклонений от намеченных целей. Это осуществляется посредством контроля.

Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств – одно из основных направлений уголовной политики и ее реализации российским государством. В этой деятельности участвует большое число субъектов реализации уголовной политики. Их место и роль в этом, направления конкретной деятельности, объем и уровень полномочий различны. Однако для успешной реализации уголовной политики в рассматриваемой сфере каждым из них требуется соответствующее правовое, организационное, информационно-аналитическое, научно-методическое, ресурсное обеспечение.

Исходя из того, что в структуру правоохранительных органов входят органы внутренних дел, они являются одним из субъектов уголовной политики и ее реализации в сфере охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств. При этом объем информации, которой располагают органы внутренних дел, объем предусмотренных законодательством полномочий по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, позволяет говорить о том, что органы внутренних дел являются одним из основных субъектов уголовной политики и ее реализации в области охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств.

А поскольку в реализации уголовной политики в указанной области участвует множество субъектов этой деятельности, то особое значение для ее успешности имеет координация совместных усилий в решении общих стратегических и тактических задач. Координация позволяет обеспечить согласованность действий во времени и в пространстве, между субъектами внутри системы правоохранительных органов и внешней средой.

Очевидно, что уголовно-правовая охрана не может быть обеспечена лишь силой уголовного закона. Его мощь усиливается уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, оперативно-разыскным законодательством, законодательством о профилактике преступлений и другим. Соответственно этому формируются относительно самостоятельные направления уголовной политики и ее реализации в области охраны конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств.

Важно отметить, что и уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от криминальных посягательств зиждется на конституционных основах. Об этом говорит закрепление в Конституции Российской Федерации системы органов публичной власти, включая органы внутренних дел, имеющих своим назначением борьбу с преступностью.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Концепция общественной безопасности : утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г.-Пр2685 // СПС «КонсультантПлюс».

Яковлева Л. В.¹,

*главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института России,
доктор юридических наук, доцент*

ОХРАНА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Последние десятилетия во всем мире характеризуются бурным расцветом научно-технического прогресса. Особенно быстро развиваются информационные технологии. Возрастающее количество населения планеты, увеличивающийся объем информации, интеграция экономик, культур, глобальные процессы в социальной сфере приводят к все большей цифровизации всех сфер жизнедеятельности.

В этих условиях у человека остается все меньше личного пространства, которое недоступно для других людей. Каждый из нас ежедневно находится под постоянным контролем. В общественном транспорте и в многоквартирных жилых домах установлены камеры видеонаблюдения, по билингу мобильного телефона можно установить поминутно местонахождение его хозяина, по операциям с платежными картами опять-таки можно отслеживать, где находится человек в тот или иной отрезок времени, а также выявлять его интересы и потребительские запросы. Несомненно, что большинство из мер социального контроля продиктованы требованиями обеспечения безопасности населения. И, не давая прямого разрешения, мы принимаем все эти виды вмешательства в нашу жизнь, поскольку эти ограничения основаны на законе.

Однако нередко случаются случаи, когда происходила утечка данных клиентов банков, телекоммуникационных компаний, операторов сотовой связи. Многим гражданам звонят на стационарные квартирные телефоны представители различных компаний, рекламирующих свои товары или услуги. По данным паспортов добросовестных граждан, имеющих в распоряжении сотрудников салонов сотовой связи, оформляются SIM-карты на других лиц. Происходящее становится возможным из-за утечки информации, относящейся к разряду конфиденциальной, которой располагают соответствующие организации. Еще не забыт случай, когда сведения о гражданах, оформлявших кредит в ПАО Сбербанк России, оказались выброшенными на помойку. Данный факт был признан официальным представителем Сбербанка [1].

Последствия такого рода утечек информации различны. При поквартирном обзвоне, если это не обзвон со стороны квартирных воров, выясняющих, когда в жилом помещении никого не окажется, – это чувство досады. При оформлении SIM-карт по паспортам других граждан страдают, с одной стороны, операторы сотовой связи, поскольку в этих случаях доступ к связи получают иностранные граждане, и счета за предоставленные услуги связи, как правило, на значительные суммы, оказываются не оплаченными. С другой стороны, добросовестные владельцы паспортов вынуждены бывают терпеть претензии со сто-

¹ © Яковлева Л. В., 2021.

роны сотовых кампаний по поводу не ими созданной задолженности. Итогом утечки сведений из банков возможно любое использование таких данных, в том числе для оформления кредитов либо совершения иных сделок, заведомо невыгодных для настоящего владельца паспорта. Не случайно в DARK NET, скрытой сети, различные базы данных о гражданах пользуются спросом [2].

Происходят подобные казусы как в результате небрежного обращения с информацией, так и умышленно. У граждан всегда возникает закономерные вопросы – почему их данные так плохо охраняются. Почему так легко получить к ним доступ? И это несмотря на наличие ответственности за такого рода нарушения, включая уголовную.

В приведенных примерах посягательства были совершены на разные виды тайн – на личную и на банковскую. Соответственно такие незаконные манипуляции с данными граждан подпадают под действие разных статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. Посягательства на личную жизнь охватываются составом ст. 137 УК РФ, на банковскую тайну ст. 183 УК РФ.

Статья 137 УК РФ призвана охранять от внешнего вмешательства нашу частную жизнь. В ней используются три понятия, относящиеся к оценочным, и в силу этого не имеющие нормативного закрепления. Это – частная жизнь, личная тайна, семейная тайна. Легального определения этих понятий и не может быть, поскольку в основе их содержания лежит субъективное мнение человека о том, что он не хочет делать достоянием гласности. И для каждого индивидуума круг таких сведений различается. Некоторые лица в силу профессии сообщают о себе такие данные, которые иные граждане предпочитают хранить в тайне. Так, для артистов, иных «медийных» личностей тайной не являются даже медицинские диагнозы и перенесенные заболевания. Большинство людей предпочитают все же такого рода информацию о себе не предавать огласке.

Личная и семейная тайны входят в понятие частной жизни, являются ее составляющими. В юридической литературе предлагаются различные определения частной жизни – от объемных и описательных [4, с. 64–65] до кратких и лаконичных [5, с. 153]. Все они правильные, поскольку раскрывают сущностные стороны данной правовой категории. Однако исходя из особенностей содержания частной жизни, вряд ли можно согласиться с предложением о включении соответствующего определения в качестве примечания к ст. 137 УК РФ [6, с. 121]. Даже Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении, разъяснившем порядок применения норм УК РФ, направленных на охрану конституционных прав и свобод человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, обошел стороной этот вопрос, растолковав только термины, составляющие объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 137 УК РФ: [7]. Более предпочтительным представляется суждение о необходимости продолжения научных исследований в этой области, основанных на изучении практики применения рассматриваемой нормы, особенностей регламентации уголовной ответственности за незаконное вторжение в частную жизнь в законодательстве других стран, положений, содержащихся в международных правовых актах. Комплексность подхода будет способствовать определению концептуального подхода к раскрытию содержания частной жизни [8, с. 28–30].

В наиболее обобщенном виде частную жизнь можно охарактеризовать как любые сведения, касающиеся любой стороны жизни человека, которые он считает таковыми, за исключением той их части, которая по объективным причинам не может не быть известна другим людям. Так, например, одноклассники и преподаватели знают, когда и где учился определенный человек. Однако попадая в другую среду, этот человек по каким-либо причинам может пожелать оставить эти сведения в тайне. Их разглашение в этом случае может стать поводом для обращения в правоохранительные органы. Несмотря на бланкетный характер нормы, закрепленной в ст. 137 УК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации признал, что она обладает правовой определенностью и только сам человек может установить, что он желает оставить в тайне [9].

Вместе с тем из конституционного права человека на неприкосновенность частной жизни существуют изъятия, перечень которых закрепляется в гражданском законодательстве, а также в ряде федеральных законов, регламентирующих отдельные сферы профессиональной деятельности (адвокатов, нотариусов, сотрудников полиции и пр.), связанные с получением доступа к конфиденциальной информации о человеке. Основным нормативным актом, регулирующим отношения в данной сфере, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О персональных данных», определяющий персональные данные как любую информацию, относящаяся к субъекту этих данных [10].

В разные эпохи и у разных народов понятием частной жизни охватывался различный круг сведений. Не остаются неизменным они и в наше время. Совсем недавно, например, медицинские карты существовали в бумажном формате, а теперь – в электронном. На очереди электронные паспорта. Активно обсуждается возможность чипирования населения. Эти технические новации облегчают доступ к личной информации лица. И нередко проникновение в чужие тайны происходит путем взлома чужих аккаунтов в социальных сетях, действующих в сети Интернет. К размещенной в них информации может иметь доступ любой человек, имеющий соответствующее оборудование и возможность подключения к сети. В результате личного пространства, доступ в которое человек хотел бы ограничить, остается все меньше и меньше.

Вместе с тем законодательная регламентация уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни нуждается в корректировке, поскольку она не соответствует реалиям современности. В ней предусмотрено распространение конфиденциальных сведений о лице, на которое оно не давало согласие, только в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Однако благодаря широкомасштабному проникновению информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни, все больше людей по всему миру пользуются плодами их достижений, и главным образом сетью Интернет.

Из всех видов существующих в настоящее время информационно-телекоммуникационных сетей (локальных, ведомственных, региональных, специального назначения) сведения о частной жизни лица скорее всего будут поступать и разглашаться через глобальную сеть Интернет.

В сети Интернет информация размещается на сайтах, часть из которых относится к средствам массовой информации, при условии, что такой сайт зарегистрирован в качестве средства массовой информации [11]. Однако не все сайты в сети Интернет имеют статус средства массовой информации. На это обращено внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», в котором указано, что «поскольку при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет отсутствует продукция средства массовой информации, то по действующему законодательству сайты в сети Интернет не подлежат обязательной регистрации как средства массовой информации» [12].

С учетом изложенных аргументов представляется целесообразным дополнить ст. 137 УК РФ еще одним способом совершения деяния – публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Такой способ постепенно становится наиболее доступным и наиболее популярным. Частную информацию о лице довольно просто собирать и распространять через информационно-телекоммуникационные сети, особенно сеть Интернет. В УК РФ уже закреплено несколько деяний, в которых распространение определенного рода сведений совершается подобным способом (например, ст. ст. 128.1 УК РФ, 185.3 УК РФ).

Вместе с тем в отличие от иных преступлений, например, клеветы, с помощью информационно-телекоммуникационных сетей можно не только распространять сведения о человеке, но и собирать. Учитывая данное обстоятельство предлагаемый способ незаконного проникновения в частную жизнь другого лица правильнее было бы закрепить в ч. 2.1 ст. 137 УК РФ, чтобы не нарушать существующую нумерацию частей этой статьи. Целесообразность подобного подхода обусловлена тем, что рассматриваемый способ обладает более высокой степенью общественной опасности, поскольку позволяет сделать информацию о человеке доступной для неограниченного числа людей. Кроме того, использование информационно-телекоммуникационных сетей иногда позволяет виновному оставаться анонимом, что свидетельствует о более значительной асоциальности лица, нарушающего неприкосновенность частной жизни таким образом.

В заключение хотелось бы заметить, нарушить неприкосновенность чужой частной жизни, разгласить чужие личные или семейные тайны достаточно легко. Последствия таких неблагоприятных поступков для лица, чьи интересы затронуты, бывают иногда очень серьезными. Многим не удается справиться с травмой, и единственным выходом для них становится самоубийство. В отношении несовершеннолетнего при наличии указанных в законе обстоятельств (если несовершеннолетний стал потерпевшим по уголовному делу или испытал в результате преступления физические или нравственные страдания) ответственность за это предусмотрена в ч. 3 ст. 137 УК РФ, поскольку самоубийство охватывается понятием «иные тяжкие последствия». Во всех иных случаях нарушение неприкосновенности частной жизни и взрослого, и несовершеннолетнего, если оно не совершено лицом с использованием служебного положения, будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 137 УК РФ. Основной состав ст. 137 УК РФ является формальным,

оставляющим последствия за рамками преступления, а само преступление относится к преступлениям небольшой тяжести. Представляется, что такая законодательная регламентация предполагает нанесение незначительного урона частной жизни человека. Возможно, более обоснованным было бы дополнение ст. 137 УК РФ также и материальным составом, в котором регламентировалась бы ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, повлекшее тяжкие последствия. Новая редакция ст. 137 УК РФ, включившая предлагаемые новеллы, выглядела бы более завершенной, логически обоснованной и способной более эффективно охранять неприкосновенность частной жизни лица.

Список литературы

1. Варламов А. И. Сбербанк выбросил анкеты с личными данными клиентов на помойку // Радиостанция «Эхо Москвы». URL: https://echo.msk.ru/blog/varlamov_i/1781242-echo/ (дата обращения: 30.04.2021).
2. Сбербанк подтвердил утечку данных 5 тысяч клиентов // Коммерсантъ. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4118056> (дата обращения: 30.04.2021).
3. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М. : МЗ-Пресс, 2001. С. 312.
4. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России : коммент. к разд. 7 Уголов. кодекса Рос. Федерации. Саратов : ОАО «Полиграфист», 1996. С. 211
5. Кольчурин И.В. О содержании понятия «частная жизнь» в российском конституционном и уголовном праве // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). Пермь : Меркурий, 2012. С. 120–121.
6. Российская Федерация. Верховный Суд. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 8.
7. Баринов С. В. К вопросу об определении понятия «частная жизнь» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 28–30.
8. Российская Федерация. Конституционный Суд. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О // СПС «КонсультантПлюс».
9. Российская Федерация. Законы. О средствах массовой информации. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 30.12.2020). Российская Федерация. Законы // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
10. Российская Федерация. Законы. О персональных данных. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020). Российская Федерация. За-

коны // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

11. Российская Федерация. Верховный Суд. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012). Российская Федерация. Верховный Суд // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

Боровиков В. Б.¹,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Боровикова В. В.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Проявления экстремизма в современных условиях представляют значительную общественную опасность, так как приводят к дезорганизации нормальной жизни населения, экономики, созданию препятствий для реализации прав и законных интересов граждан, в конечном итоге – подрыву основ государственности. Поэтому общество заинтересовано в создании надежного заслона распространению форм данного антисоциального поведения. Это возможно, если российское государство будет иметь адекватную комплексную систему средств такой защиты в виде политических, организационных, социально-политических, информационных и правовых средств воздействия, в том числе уголовно-правовых.

Вместе с тем применение уголовно-правовых норм за преступления экстремистской направленности давно уже вызывает ряд вопросов. Во многом это связано с несовершенством понятийного аппарата при раскрытии содержания как самой экстремистской деятельности, так и преступлений экстремистской направленности.

Так, изначально Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с послед. изм.) создал сложности с уяснением понятия экстремистской деятельности, поскольку не дал ее определение. Вместо него в ст. 1 названного выше закона, содержится перечень разновидностей экстремистской деятельности, который в свою очередь тоже не выглядит безупречным с точки зрения содержательной составляющей. В частности, под нею признается публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. Но в таком случае террористическая деятельность сливается с экстремистской и является лишь ее частью. Подобный подход, конечно, имеет право на существование, но он приводит к тому, что число преступлений экстремистской направленности становится неоправданно широким. Посмотрите сами. Если буквально следовать указаниям названного выше закона, то к экстремистской деятельности надо относить и деяния, предусмотренные ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ (См.: примечание 2 к ст. 205.2 УК РФ).

¹ © Боровиков В. Б., 2021.

² © Боровикова В. В., 2021.

Но такое положение, как минимум, приводит к неясности в определении силовых структур, обязанных осуществлять противодействие как экстремистской, так и террористической деятельности. И что же в этом хорошего?

Сюда также надо отнести и названные в анализируемом законе «воспрепятствование законной деятельности государственных органов..., соединенное с насилием либо угрозой его применения» (к нему, например, можно причислить различные формы преступной деятельности, предусмотренные ст.ст. 295, 317, 318 УК РФ). Но и это еще не все. По смыслу рассматриваемого законодательного акта, к экстремистской деятельности относится и совершение преступления по мотивам, указанным в п. «е» ч.1 ст.63 УК РФ, т. е. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (аналогичные мотивы названы в качестве главного признака преступлений экстремистской направленности – см.: примечание 2 к ст. 282.2 УК РФ). Количество подобных преступлений достаточно велико (см., например, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116 УК РФ).

Однако данный перечень может быть продолжен, так как к преступлениям экстремистской направленности относятся, как уже ранее отмечалось, не только те, которые совершаются из названных выше экстремистских мотивов, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части в УК РФ, но и другие деяния, совершенные по этим мотивам. Но это означает, что к преступлениям экстремистской направленности можно относить неопределенное количество деяний (например, нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ), незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний (ч. 3 ст. 148 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ)¹.

Итак, сложилась ситуация, когда с экстремизмом, конечно, надо бороться только не очень понятно, что надо относить к кругу деяний, составляющих формы экстремистской деятельности.

Разумеется, подобное положение вещей не может удовлетворить потребности практики борьбы с рассматриваемыми негативными социальными явлениями, создает ненужные сложности для сотрудников правоохранительных органов и судей.

К этому надо добавить, что ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» признает в качестве

¹ На наш взгляд, трудно понять логику законодателя, не включившего в число преступлений экстремистской направленности массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ). Данное преступление полностью отвечает требованиям, которые предъявляются к рассматриваемой группе преступлений. Массовые беспорядки часто совершаются по мотивам политической, идеологической ненависти или вражды, а также на почве иных мотивов, относящихся к числу экстремистских (вспомним хотя бы недавние массовые беспорядки, имевшие место в Российской Федерации в Республике Беларусь, Франции, США. Поэтому включение массовых беспорядков в перечень экстремистских форм поведения, названных в ФЗ РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, вполне оправданно).

разновидностей подобного антисоциального поведения и административные правонарушения: пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганду либо публичное демонстрирование которых запрещено федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ), а также производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ). Данное обстоятельство можно оценить по-разному (сочетание в борьбе с экстремизмом мер уголовно-правового и административно-правового характера вполне допустимо). Но в данном случае, на наш взгляд, включение в один перечень преступных и влекущих административное наказание видов экстремистской деятельности приводит к недооценке вредоносности экстремистской деятельности («распылению» сил правоохранительных органов, призванных оказать ей противодействие).

Более целесообразным представлялся бы вариант, когда закон о противодействии экстремистской деятельности содержал два перечня разновидностей экстремистской деятельности (уголовно-наказуемый и административно-наказуемый) во избежание между ними путаницы и определении приоритетных направлений борьбы с проявлениями экстремизма.

По меньшей мере, реализация этого предложения позволит расставить акценты в уголовно-правовой политике в сфере противодействия экстремизму, сконцентрировать усилия на борьбу с наиболее опасными формами этого негативного явления.

Немало претензий можно предъявить и к самому понятию экстремистских мотивов. Вопрос не новый. Появление в российском уголовном законодательстве указания на их наличие, как необходимого признака преступлений экстремистской направленности, вызвало обоснованную критику в юридическом сообществе.

Дело в том, что понятие данных мотивов носит оценочный характер и допускает различное их толкование (не случайно в судебной практике на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» не содержится разъяснений на этот счет). Что, например, следует понимать под мотивами политической или идеологической ненависти или вражды, учитывая многообразие понятий «политики» и «идеологии»?

Если задаться целью, то, например, любое мелкое хулиганство, совершенное лицом без определенного места жительства, безработным, и недовольным своей жизнью, находящимся в тяжелой степени опьянения, сопровождавшееся критикой политики руководства страны, выраженное в нецензурной форме, следует признавать экстремистским преступлением. По крайней мере, анализ статьи о хулиганстве позволяет прийти к такому выводу. Но разве это обоснованный и действительно эффективный путь борьбы с экстремизмом? Думается, нет.

Какой смысл надо вкладывать в содержание мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы? Сколько существует в мире социальных групп? Лица, имеющие работу, и безработные? Учащиеся и препода-

ватели? Жители города и села? Гражданское население и представители силовых структур? Богатые и бедные? Лица физического и умственного труда? Начальники и подчиненные? Законопослушные граждане и лица, нарушившие правовые запреты? Ответы на эти вопросы сложно получить. Реально доказать по конкретному уголовному делу, как показывают материалы судебной практики, можно лишь наличие расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды (при условии четкого разграничения этих мотивов с побуждениями так называемого бытового характера, являющимися источниками разнообразных конфликтов между представителями различных расовых, национальных или религиозных групп).

По нашему мнению, отказ отечественного законодателя от упоминания мотивов политической, идеологической ненависти или вражды, равно, как и мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, будет только способствовать единообразию судебной и следственной практики по делам экстремистской направленности и позволит избежать ошибок, неизбежно возникающих при применении уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки составов преступлений.

Использование законодателем оценочных понятий для обозначения объективных и субъективных признаков составов преступлений экстремистской направленности создает сложности в применении уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства).

Само понятие названных выше действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо групп по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе лишено конкретного содержания, носит излишне общий характер. Не может удовлетворить и их толкование, данное в названном выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 7). Под ними понимаются, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии [1, с. 243].

Во-первых, в этих рекомендациях отсутствует наличие цели возбуждения лицом ненависти по признакам, указанным в ч. 1 ст. 282 УК РФ. Во-вторых, даже, если ею дополнить названный выше комментарий, изложенный в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то получается, что виновное лицо возбуждает желание совершить действия, содержащие признаки состава геноцида (ст. 357 УК РФ).

Таким образом, понять суть преступного поведения, предусмотренного ст. 282 УК РФ, достаточно сложно.

Думается, данное обстоятельство повлияло на законодателя, который в декабре 2018 г. внес коррективы в ст. 282 УК РФ, предусмотрев наступление уголовной ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные лицом публично, в том числе с

использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, только после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года. Тем самым, при помощи конструирования нормы с административной преюдицией, возникла своеобразная подстраховка ошибки привлечения к уголовной ответственности за данное деяние в случаях, когда возникает сомнение в правильности подобного решения.

Для воплощения этой идеи в жизнь, в том же декабре 2018 г. в КоАП РФ была введена ст. 20.3.1, установившая административную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Причем объективные и субъективные признаки административно-наказуемого правонарушения полностью совпадают с аналогичными признаками уголовно-правового деяния. Единственное, что отличает, по мысли законодателя, эти деяния, содержится в характеристике административно-наказуемого возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, которое имеет место «если эти действия не содержат уголовно-наказуемого деяния». Очевидно, что подобного рода критерий не позволяет на самом деле провести разграничение между преступлениями, предусмотренными ст. 282 УК РФ, и административным правонарушением, указанным в ст. 20.3.1 КоАП РФ, и не способствует применению этих юридических норм.

Кстати, существование такой формы рассматриваемого преступления как действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц, по признакам, указанным в ч. 1 ст. 282 УК РФ, из-за отсутствия в уголовном законе каких-либо отличительных признаков объективной стороны деяния, порождает вопросы о разграничении их со смежными деяниями, в частности, клеветой, содержащейся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, СМИ, либо совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ), неуважением к суду (ст. 297 УК РФ), оскорблением представителя власти (ст. 319 УК РФ), оскорблением военнослужащего (ст. 336 УК РФ). По крайней мере, формулировка, содержащаяся в ст. 282 УК РФ, в общей форме деяния как действия, направленные на унижение человеческого достоинства либо групп лиц, позволяет прийти к подобному выводу.

Подведем краткие итоги. В нынешней редакции ст. 282 УК РФ в силу обилия содержащихся в ней оценочных признаков не имеет перспектив на применение¹. Нужна соответствующая конкретизация объективных и субъективных признаков состава этого преступления на законодательном уровне. Кроме того, желательно, чтобы и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 содержало примерный перечень типичных форм преступного поведения, предусмотренных этой статьей.

¹ Неудивительно, что в судебной практике достаточно редки случаи применения ст. 282 УК РФ. Например, в 2019 г. по ч. 1 этой статьи было осуждено 14 чел., по ч. 2 ст. 282 УК РФ – 5 чел. (Данные о назначении наказаний по статьям УК РФ за 2019 г. – URL: stat.api-пресс.рф/stats/ug/1/ (дата обращения 05.05.2021).

Если же это не удастся сделать, то ст. 282 УК РФ превратится в так называемую «мертвую» норму, обреченную на неприменение. Эту же судьбу разделит и ст. 20.3.1 КоАП РФ.

В данной статье мы рассмотрели лишь некоторых вопросов применения норм, включенных в гл. 29 УК РФ. Их значительно больше, например, в уже ранее упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет. Однако в этой норме речь идет о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности во множественном числе. Следовательно, буквальное толкование содержания указанной уголовно-правовой нормы наводит на мысль, что только два публичных призыва образуют состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 280 УК РФ. Почему именно Пленум Верховного Суда Российской Федерации изложил иную позицию по данному вопросу понять трудно.

Кстати, аналогичный вопрос возникает и при применении ст. 280.1 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации). Вместе с тем применение этой статьи УК РФ сталкивается с уяснением такого признака основного состава данного преступления как «осуществление действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Но, как ранее уже отмечалось применительно к другим статьям, включенным в гл. 29 УК РФ, норма, предусмотренная ч.1 ст.280.1 УК РФ, «страдает» теми же недостатками. Главный из них – неопределенность в отношении признаков объективной стороны преступления. Трудно понять, к чему должен призывать виновный при совершении этого деяния. Что это за деяния, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации? Представьте себе ситуацию, когда лицо, находившееся в состоянии алкогольного опьянения, выкрикивает, находясь около питейного заведения, в нецензурной форме словесные выражения, смысл которых – вернуть полуостров Крым Украине. После того, как нарушитель общественного порядка оказался в отделении полиции выяснилось, что он – гражданин Украины, находится в России на заработках. И как же решить подобную ситуацию? Привлечь этого «гастрбайтера» к ответственности по ст. 280.1 УК РФ или признать его только нарушителем общественного порядка, который должен нести административную ответственность? На наш взгляд, здесь вполне достаточно применения административно-правового запрета. Но нужна конкретизация на уровне законодателя признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ. Отметим, что законодатель, принимая во внимание те опасения, которые возникают в связи с неопределенностью толкования в законе признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, предусмотрел в декабре 2020 г. норму с административной преюдицией, тем самым первый случай такого поведения признается теперь административным правонарушением. Преступление же имеет ме-

сто только после привлечения виновного к административной ответственности лица за аналогичное деяние в течение одного года (ст. 280.1 УК РФ).

Есть немало вопросов, возникающих и с трактовкой организованных форм совершения преступления экстремистской направленности. На наш взгляд, положения, изложенные в ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, не в полной мере соответствуют формулировкам, содержащимся в ст. 35 УК РФ (в частности, понятие экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) трактуется в уголовном законе только как разновидность организованной группы, хотя ч. 4 ст. 35 УК РФ относит к преступному сообществу и объединение организованных групп).

Итак, вопросы применения уголовно-правовых норм, включенных в гл. 29 УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности с учетом изменившихся социальных, экономических, политических, информационно-технологических факторов требуют проведения специальных исследований, направленных на повышение их эффективности. Причем, откладывать их на далекое завтра уже нельзя. Российская Федерация находится в сложном социально-экономическом внутри и внешне политическом положении. У страны много недоброжелателей, для которых исчезновение с политической карты мира государства с таким названием является пределом мечтаний. Долг специалистов в области российского уголовного права – укрепить правовые основы существования Российской Федерации. Преступления экстремистской направленности мешают этому процессу. Поэтому разработка и совершенствование теории и практики применения юридических норм об ответственности за данные деяния, является актуальной целью, стоящей перед отечественной наукой уголовного права.

Список литературы

1. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / сост. А. Г. Хлебушкин. 4 изд. М., Проспект, 2020. С. 243.

2. Неудивительно, что в судебной практике достаточно редки случаи применения ст. 282 УК РФ. Например, в 2019 г. по ч. 1 этой статьи было осуждено 14 чел., по ч. 2 ст. 282 УК РФ 5 чел. (Данные о назначении наказаний по статьям УК РФ за 2019 г. URL: stat.api-пресс РФ/stats/ug/1/ (дата обращения: 05.05.2021)).

Осокин Р. Б.¹,

начальник факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Уголовный закон в ч. 2 ст. 5 УК РФ устанавливает принцип недостаточности объективного вменения. Указанное выражается в том, что для привлечения к ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145¹ УК РФ) наличие только одного факта невыплаты (внешней стороны преступления) является недостаточным [1, с. 340–342].

Для вменения ст. 145¹ УК РФ у виновного должна наличествовать фактическая возможность произвести социальную выплату.

В пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)», к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию и дающих основания для уголовной ответственности по статье 145¹ УК РФ руководителя организации или иного указанного в этой статье лица, должны относиться наличие у него реальной финансовой возможности для выплаты заработной платы, иных выплат или отсутствие такой возможности вследствие его неправомерных действий.

Юридической литературе и судебной практике известны различные случаи отсутствия вины при вменении преступного деяния, связанного с невыплатой заработной платы.

В частности, к таким случаям предлагается относить или ими признаются: хищение или утрата по иной причине денежных средств из кассы организации; недостаточность наличных денежных средств для полной и своевременной выплаты заработной платы всем работникам компании, находящейся в стадии банкротства, при том, что заработная плата работникам фактически начислялась; наличие бухгалтерской ошибки, которая явилась следствием частичной невыплаты заработной платы потерпевшему; уклонение работника от получения причитающейся ему заработной платы в кассе организации при том, что ее перечисление безналичным путем на карту работника не представлялось возможным в связи с арестом счетов организации, а работник неоднократно ставился в известность о необходимости получения начисленных ему денежных средств.

В перечисленных случаях в силу объективных причин на счетах работодателя отсутствуют или сами денежные средства, или невыплата заработной платы имеет место вследствие явно невиновных действий самого работодателя, его ошибки. Фактически в приведенных примерах присутствуют обстоятельства

¹ © Осокин Р. Б., 2021.

непреодолимой силы, которые препятствуют работодателю реализовать его волю по фактическому перечислению денежных средств на счет работника.

Гораздо большую сложность вызывают ситуации, когда денежные средства, в том числе относящиеся к фонду заработной платы, у работодателя имеются, однако последний направляет их на погашение долгов предприятия или обеспечения его дальнейшего функционирования.

Например, в результате неисполнения контрагентом обязательств по оплате выполненных работ у организации не имеется достаточных средств для уплаты налогов, сборов, иной задолженности. Обращение взыскания на имущество предприятия может привести к остановке его производственной деятельности, что приведет к потере им основного источника дохода и к дальнейшим финансовым санкциям, банкротству предприятия. Банкротство же не только не создаст условия для погашения задолженности по заработной плате, но и может привести к полному прекращению его деятельности и массовой безработице. В сложившейся ситуации во избежание возможных негативных последствий и продолжения работы предприятия его руководитель принимает решение произвести оплату кредиторской задолженности за счет фонда оплаты труда с тем, чтобы исключить возможность банкротства предприятия и блокирования его счетов и в дальнейшем в результате успешной хозяйственной деятельности погасить имеющуюся задолженность по заработной плате.

Очевидно, что данная ситуация, когда в целях предотвращения большего вреда правоохраняемым интересам руководитель предприятия вынужден идти на причинение меньшего вреда, должна разрешаться исходя из возможности признания в действиях такого руководителя ситуации крайней необходимости.

Исходя из этого можно сформулировать общий вывод о том, что отсутствие реальной возможности по осуществлению причитающихся денежных выплат по оплате труда не должна являться следствием неправомерных действий самого работодателя, на что специально обращено внимание в пункте 17 постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 46.

Аналогичным образом не может свидетельствовать о наличии крайней необходимости действия, не являющиеся для работодателя первоочередными для улучшения его производственной деятельности или финансово-хозяйственной ситуации, без осуществления которых произойдет остановка деятельности организации.

Ситуация крайней необходимости может иметь место только в тех случаях, когда выплата заработной платы или ее части работникам при наличии непогашенных долгов предприятия объективно бы привела к прекращению его деятельности и потере рабочих мест, то есть еще к более тяжелым последствиям. В данном случае следует исходить из того, что кризис в хозяйственной деятельности предприятия не является правонарушением, если работодатель действовал разумно и добросовестно, а тяжелое материальное положение предприятия не обусловлено действиями самого работодателя, которые могут охватываться и признаками преступлений, предусмотренных статьями 196 «Преднамеренное банкротство» и 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ.

Так, в связи с наличием крайней необходимости было прекращено уголовное дело в отношении руководителя сельскохозяйственного кооператива К., который денежные средства расходовал не на выплату заработной платы работникам в полном объеме, а на закупку запасных частей к сельскохозяйственной техники, горюче-смазочных материалов, приобретение скота, спецодежды, выплату обязательных платежей. Следственный орган установил, что К. действовал в интересах предприятия в целях обеспечения его дальнейшей работы, корыстной заинтересованности не имел, а частичная невыплата заработной платы была обусловлена предупреждением вредных последствий (банкротство и увольнение всех работников), более значительных, чем фактически причиненный вред (частичная невыплата заработной платы), когда это нельзя было сделать другими средствами [2].

При оценке пределов крайней необходимости за невыплату заработной платы некоторые авторы полагают, что ее невыплата является правомерной лишь в том случае, если заработная работа используется перед контрагентами для погашения задолженности, имеющей приоритет в очередности списания денежных средств со счета (п. 1 ст. 855 ГК РФ). Практическим же следствием данного суждения является вывод о том, что крайняя необходимость применительно к невыплате заработной платы может иметь место только в случае, когда денежные средства были направлены на исполнение обязанностей перед кредиторами, а не на выплату заработной платы работникам в целях предотвращения банкротства организации.

Данный вывод мы считаем неверным, так как уголовный закон не содержит каких-либо ограничений в части того, на какие цели может использоваться заработная плата. Положение ст. 855 ГК РФ об очередности списания денежных средств со счета касается только осуществления гражданско-правовых расчетов и не может регулировать специальные уголовно-правовые вопросы о наличии в содеянном крайней необходимости.

Необходимо принимать во внимание и то, что погашение задолженности по оплате труда в силу ст. 855 ГК РФ относиться к долгам третьей очереди, а если их погашение осуществляется по исполнительному документу – то к долгам второй очереди. Выше – к долгам первой очереди – относятся только долги по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, а также требования о взыскании алиментов.

В связи с этим реализация предложений о применении положений ст. 855 ГК РФ к оценке наличия крайней необходимости при невыплате заработной платы приведет к тому, что правомерным будет признаваться только ее использование на цели возмещения вреда жизни и здоровью и оплате алиментов, случаи чего вряд ли возможны на практике.

Применительно к конкретным уголовным делам суда или отказывают в прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям при названных обстоятельствах, допуская только прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим на основании ст. 76 УК РФ, то есть по основанию, не дающему право на реабилитацию, либо вообще не рассматривают данное обстоятельство в качестве юридически значимого. В последнем случае суды ис-

ходят из необоснованности показаний потерпевших о несущественности для них невыплаты заработной платы, так как право на вознаграждение за труд является одним из важнейших прав человека.

Также необходимо учитывать, что банкротство предусмотрено российским законодательством и не является экстраординарным правовым институтом, в связи с чем сама по себе угроза его наступления не может расцениваться как опасность, непосредственно угрожающая личности и правам лица или охраняемым законом интересам общества или государства. Случаи, при которых невыплата заработной платы может быть отнесена к крайней необходимости, крайне редки на практике и самого по себе факта возможного банкротства явно недостаточно. Поэтому ссылка только лишь факт банкротства в целях обоснования применения ст. 39 УК РФ к случаям невыплаты зарплаты в целях недопущения банкротства организации не может быть принята во внимание при квалификации содеянного.

Не следует и забывать, что состав преступления по ст. 145¹ УК РФ может не усматриваться и по иным основаниям, а именно: ввиду отсутствия конститутивного признака субъективной стороны данного состава – иной личной заинтересованности. Именно данная причина и является в большинстве тем обстоятельством, которая исключает преступность невыплаты заработной платы.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2019. С. 340–342.
2. Постановление следователя прокуратуры Кыринского района Читинской области от 16 июля 2004 г. № 62590 // СПС «КонсультантПлюс».

Туркин М. М.¹,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского государственного социального университета,
кандидат юридических наук*

Лаврентьева М. С.²,

*заведующий кафедрой публичного права, третейского правосудия
и информационных технологий
Российского государственного социального университета,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЯ

Говоря об охране конституционных прав и свобод граждан, в широком смысле понимания, мы можем констатировать, что все отрасли Российского права направлены в первую очередь на реализацию демократизма через свои нормы. Стоит отметить, что данный аспект характерен не только лишь для России. В свою очередь в Российской Федерации часто возникают проблемы, связанные с нарушением конституционных прав граждан, и этот факт вынуждает нас обратить свое внимание на ст. 33 Конституции Российской Федерации. Из смысла названной статьи следует, что граждане России наделяются правом на обращение как лично, так, и отправлять коллективные обращения в различные государственные органы и органы местного самоуправления». Одновременно мы попытаемся сосредоточить Ваше внимание на вопросах ответственности за нарушения указанных прав представителями (должностными лицами) различных государственных и муниципальных органов власти.

В связи с этим необходимо пояснить, что ст. 33 Конституции Российской Федерации находит определенное свое воплощение в ходе реализации и применении норм, предусмотренных Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ-59). Названный нормативный правовой акт определяет порядок рассмотрения обращений граждан как государственными органами, так и органами местного самоуправления, и их представителями – должностными лицами. Его действие затрагивает такие правоотношения, которые связаны с непосредственным рассмотрением перечисленными органами и их должностными лицами обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц. Кроме того, его действие распространяется и на правоотношения, находящиеся во взаимосвязи с осуществлением определенных публично-значимых функций различными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами.

¹ © Туркин М. М., 2021.

² © Лаврентьева М. С., 2021.

При этом достаточно часто в данной сфере возникают нарушения законодательства. Мы можем наблюдать халатное отношение должностных лиц к обращениям граждан, невыполнение предписанных законом требований, нарушение сроков рассмотрения обращений, что зачастую может повлечь серьезные, а порой и тяжкие последствия, особенно если не проведены должные проверки по обращениям, содержащим в себе признаки преступлений и административных правонарушений.

Ответственность должностных лиц, за несоблюдение законодательства в данной области может быть уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной. В данной работе мы рассмотрим не весь перечень видов ответственности, а остановимся лишь на ответственности, предусмотренной административным и уголовным законодательством.

Так, например, административная ответственность в соответствии со ст. 5.59 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) наступает за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, установленного законодательством. При этом размер административного наказания в виде штрафа за данное деяние составляет от 5 до 10 тысяч рублей. Интерес также вызывает и тот факт, что дело об административном правонарушении за названное деяние относится к исключительному праву прокурора, который, в свою очередь, в соответствии с положениями ст. 28.4 КоАП РФ должен составить по этому факту постановление. Одним из самых распространенных нарушений, по нашему мнению, при рассмотрении обращений является несоблюдение 30-дневного срока рассмотрения обращений граждан, а равно требований закона об уведомлении заявителей о переадресации обращения для рассмотрения в другой государственный орган, к чьей компетенции относится решение поставленных в нем вопросов. В этом случае следует отметить, что по прошествии трех месяцев с момента совершения правонарушения уже становится невозможно привлечь виновных в правонарушении должностных лиц к ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ. Названное обстоятельство вынуждает граждан самостоятельно отслеживать сроки рассмотрения своих обращений, чтобы не пропустить срок и своевременно обратиться с жалобой в органы прокуратуры. В противном случае виновное лицо не будет привлечено к ответственности.

Данная норма законодательства применяется для обеспечения реализации прав граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, на оказание им предоставляемых государством любых видов услуг, в том числе и «госуслуг».

Деликт, предусмотренный ст. 5.59 КоАП РФ, считается оконченным в момент нарушения должностным лицом хотя бы одного правила из порядка рассмотрения обращения гражданина, предусмотренного ФЗ-59.

По нашему мнению, наказание, за совершение данного деяния, должно быть более существенным.

Но, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), нет смежного состава со ст. 5.59 КоАП РФ. Проведенный нами анализ уголовного законодательства, позволяет сделать вывод о том, что только в рамках двух статей, а именно ст. 293 и ст. 140 УК РФ, мы можем привлечь к ответственности

должностных лиц, в том числе и за нарушения, связанные с порядком рассмотрения обращений граждан.

В широком смысле – это ст. 293 УК РФ. Халатность, ею предусмотрена ответственность за «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей», при этом такое исполнение должно быть результатом «недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности», а также причинить либо «крупный ущерб», либо «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государств». Данная статья состоит из трех частей, а максимальное наказание предусмотрено в виде семи лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Состав данной статьи, лишь частично можно отнести к рассматриваемому нами вопросу. Естественно, когда не рассмотрение, или нарушение сроков рассмотрения обращений приводит к тяжким последствиям, правоприменитель может привлечь к ответственности должностное лицо, нарушившее порядок рассмотрения обращений, но конкретной реализации ст. 33 Конституции Российской Федерации нет. Нет ее в полной мере и в ст. 140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации».

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, мы предлагаем:

Во-первых – внести изменения в УК РФ, дополнив его новой статьей, предусматривающей ответственность – «за нарушение порядка и сроков рассмотрения обращений граждан». При этом дабы не подменять понятия, не «подгонять» преступное деяние под уже существующие составы преступлений и не дожидаться каких-либо последствий, например, как в ст. 293 УК РФ – «причинение крупного ущерба» или «существенное нарушение прав и законных интересов граждан», а равно в полной мере применять данные государством возможности «государственного принуждения» для предупреждения и профилактики противоправных деяний, на наш взгляд, возможно воспользоваться уже примененным ранее инструментом – административной преюдиции [2]. Таким образом, мы предлагаем дополнить УК РФ статьей следующего содержания:

«Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»

Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций, предусмотренное ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, – ...».

В то же время вопрос наказания, по нашему мнению, пока стоит оставить открытым, по причине его дискуссионности.

Во-вторых – мы полагаем, что уже настала необходимость разработать и принять единый нормативный правовой акт, регулирующий порядок и сроки

рассмотрения обращений граждан всеми участниками документооборота, в том числе и негосударственными организациями, например, фондами, банками, страховыми компаниями, союзами, комитетами и различными некоммерческими и общественными организациями и т. д. Данный нормативный правовой акт позволит привлекать за нарушение рассмотрения обращений граждан ответственных лиц данных организаций ко всем видам ответственности, что будет способствовать в большей мере соблюдению конституционных прав граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ.
2. Википедия. Преюдиция. URL: [/https://ru.wikipedia.org/wiki](https://ru.wikipedia.org/wiki).

Азаренкова Е. А.¹,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Осипов В. А.²,

*заместитель начальника кафедры уголовного права,
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Уголовный закон запрещает незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

Таким образом, объектом исследуемого посягательства выступают общественные отношения, обеспечивающие право каждого человека на неприкосновенность частной жизни, личную или семейную тайну. Использование в анализируемой норме таких понятий как «частная жизнь», «личная и семейная тайна» затрудняет деятельность правоприменителя, поскольку их легальной дефиниции уголовный закон не содержит. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна М.Н. на нарушение его конституционных прав ст. 137 УК РФ», частная жизнь определяется как область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит не противоправный характер. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не признается преступным, если сведения о жизни лица уже были общедоступными или общались самим гражданином или по его волеизъявлению, также не наказуемо собирание или распространение сведений в государственных, общественных, иных публичных интересах. Постановление дает разъяснение, что не может признаваться тайной информация о лице, которая уже была опубликована или другим способом распространена, а также сведения о противоправной деятельности, поскольку они затрагивают права других лиц, общества и государства [1].

К личной тайне (которая в отличие от семейной тайны может храниться в секрете и от близких лиц) могут относиться сведения о состоянии здоровья, привычках, взаимоотношениях, связях, интимных подробностях жизни человека. К сведениям, составляющим семейную тайну, относится информация о взаимоотношении членов семьи, досуге, бытовых условиях, финансовых вопросах [2, с. 183].

¹ © Азаренкова Е. А., 2021.

² © Осипов В. А., 2021.

Лицо самостоятельно определяет, какая информация о нем составляет тайну, то есть не подлежит раскрытию третьим лицам. В тех случаях, если лицо не скрывает определенные сведения о себе, они теряют статус тайны. Таким образом, необходимо определять, давал ли человек согласие на распространение сведений о себе, посвящая другое лицо в свою частную жизнь. Если нет – имеется состав преступления.

Еще один дискуссионный момент – если потерпевший страдает психическим расстройством, способен ли он в полной мере осознавать, что распространяет сведения о себе другим лицам и выражать согласие на собирание другими лицами сведений о его частной жизни. Мы согласны с теми авторами, которые считают, что потерпевшим от данного преступления может выступать любой человек. Независимо от психического состояния лица, каждому основным законом государства гарантировано право на неприкосновенность частной жизни.

Объективная сторона анализируемого состава преступления выражается в альтернативных действиях по собиранию или распространению сведений, в этой же части отдельно отмечено распространение таких сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. На наш взгляд, признак публичности повышает степень общественной опасности совершаемого преступления, в том числе в силу того, что действия, особенно те, которые совершаются с использованием средств массовой информации и сети Интернет ориентированы на неограниченный круг лиц. Можно провести аналогию с нормами, содержащимися в ст. 128.1 УК РФ – а именно, клевета, совершенная публично или с использованием средств массовой информации образует квалифицированный состав (ч. 2) и наказывается строже (вплоть до лишения свободы сроком на два года, хотя по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ наказание в виде лишения свободы вообще не предусмотрено); в п. «д» ч. 3 ст. 110.1 вышеназванный признак также повышает общественную опасность посягательства, переводит преступление в категорию средней тяжести, а п. «д» ч. 2 ст. 110 и ч. 2 ст. 110.2 – в разряд особо тяжких преступлений.

Отдельно стоит отметить, что в ст. 137 УК РФ нет упоминания о совершении преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). На наш взгляд, необходимо устранить данный пробел законодательства. Как верно отмечено Генеральной прокуратурой Российской Федерации, очень часто именно в средствах массовой информации (особенно с помощью социальных сообществ в сети Интернет), совершаются противоправные деяния, связанные с умышленным распространением фотографий, видеороликов (носящих порочащий характер), нарушающие право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [3].

Данная позиция подтверждается примерами из судебной практики. Так, Толоконский, на почве личных неприязненных отношений к Т. из-за разрыва отношений с последней, используя находящийся в его пользовании мобильный телефон, имеющий техническую возможность выхода в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, разместил в социальной сети «Одноклассники», на открытых страницах ее знакомых и близких лиц – Г., Б., а также самой Т. видеоматериал интимного характера с изображением Т. в обнаженном

виде, содержащий сведения о частной жизни Т., составляющий ее личную тайну, сделав доступным для обозрения неопределенному кругу лиц. Разместив указанный видеоматериал, И. Н. Толоконский фактически рассчитывал на последующее ознакомление с ним неограниченного количества пользователей указанной социальной сети, в том числе близких и знакомых Т., и на то, что размещенные им без согласия последней сведения о частной жизни подорвут авторитет Т., негативно отразятся на ее личной репутации [4].

В качестве примера приведем еще одну выдержку из судебного решения. Мукайлов из чувства личной неприязни к Геворгян, без разрешения последней, с целью незаконного распространения и демонстрации неопределенному кругу лиц сведений о ее частной жизни, используя принадлежащий ему и подключенный к информационно-телекоммуникационной сети Интернет мобильный телефон, создал в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» страницы, где разместил не менее 10 фотографий потерпевшей Геворгян в обнаженном виде, а также через систему обмена сообщениями для мобильных и иных устройств отправил матери потерпевшей 19 фотографий Геворгян в обнаженном виде [5].

Решение данной проблемы видится в видоизменении ст. 137 УК РФ и выделении незаконного распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации в ч. 1.1, а также дополнении следующего содержания: «... либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет»

Стоит отметить, что ранее состав данного преступления был материальным, и для привлечения виновного к ответственности требовалось, чтобы наступало последствие в виде вреда правам и законным интересам граждан. Формулировка последствий с помощью оценочной категории значительно усложняла применение нормы на практике. К тому же обязательно требовалось установление таких субъективных признаков как корыстная или иная личная заинтересованность. Некоторые авторы критиковали такую позицию законодателя и отмечали, что вряд ли само нарушение неприкосновенности частной жизни без наступления последствий в виде вреда правам и законным интересам граждан не обладает такой степенью общественной опасности, чтобы признаваться преступлением [6, с. 189]. С внесением изменений в УК РФ в 2003 г. состав преступления по ч. 1 и ч. 2 признается формальным.

Тем не менее, некоторые авторы продолжают считать преступление оконченным с момента причинения имущественного, морального или иного вреда правам и законным интересам. К тому же, судебная практика свидетельствует о том, что правоприменитель по-прежнему относит данный состав к материальным.

Например, гражданин Н. вопреки воле потерпевшей и без ее согласия, осознавая, что от его действий распространяются сведения о частной жизни, составляющие ее личную тайну, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения неприкосновенности частной жизни потерпевшей, и желая этого, распространил полученные в ходе совместной жизни с потерпевшей, не менее 5 графических файлов с ее изображением в об-

наженном виде путем размещения указанных фотографий на странице в социальной сети «ВКонтакте» [7]. И такой пример не единичный.

Отдельно остановимся на субъективной стороне рассматриваемого состава. Так, ранее мотив признавался конструктивным признаком состава и необходимо было доказывать наличие у лица корыстной или иной личной заинтересованности при нарушении неприкосновенности частной жизни. В действующей редакции УК РФ мотив не является составообразующим, однако суды обращают внимание на данный признак в приговорах. Например, Гаджиханов из корыстных побуждений, с угрозой применения насилия и угрозой распространения сведений, позорящих Б. в виде распространения в социальной сети глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет фотографий интимного характера с изображением оголенных частей тела Б. потребовал у Б. передачу денежных средств [8]. Еще пример – Волков, действуя незаконно, с прямым умыслом, по мотиву мести за разрыв личных отношений с потерпевшей, с целью опорочить ее честь и достоинство, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники, а также «Instagram», разместил сведения о личных данных потерпевшей а именно: ее фамилию, имя, дату рождения, а также 16 фотоснимков с изображением ее в нижнем белье [9].

В соответствии с ч. 1 ст. 137 УК РФ субъектом преступления может выступать любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Часть вторая анализируемой статьи устанавливает ответственность для специального субъекта – лица, использующего свое служебное положение. Им может признаваться любое лицо, чье служебное положение облегчает совершение данного преступления. Например, Сычева, являясь специалистом 1 разряда Управления Пенсионного Фонда России в Новосергиевском районе Оренбургской области, используя свое служебное положение, а именно возможность получения сведений о частной жизни граждан – информации из индивидуального лицевого счета застрахованного лица, незаконно передала данную информацию своей знакомой, совершив, тем самым, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну [10]. Еще один пример – Григоревский, используя свое служебное положение охранника, в силу которого он имел беспрепятственный доступ в туалетную комнату, расположенную в подсобном помещении магазина, куда вход лицам, не являющимся персоналом магазина, категорически воспрещен, незаконно установил видеозаписывающее устройство с целью собирания сведений о частной жизни сотрудниц магазина [11].

Таким образом, рассмотрение некоторых проблем применения ч. 1 и ч. 2 ст. 137 УК РФ позволяет нам заключить, что требуется комплексное и глубокое исследование вопросов уголовной ответственности нарушения неприкосновенности частной жизни. Кроме того, в целях совершенствования уголовно-правового противодействия рассматриваемому преступлению, представляется необходимым внести изменения в редакцию ст. 137 УК РФ, в частности, обозначить на законодательном уровне понятие частной жизни, дополнить норму ч. 1.1, выделив из ч. 1 ст. 137 УК РФ признак совершения данного преступления путем распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия в публичном выступлении, пуб-

лично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, дополнив словами «либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет...».

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 12.05.2021).
2. Уголовное право России : учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. С. 117–118.
3. Курс уголовного права. Особенная часть : учебное пособие. М. : Проспект, 2020. С. 183.
4. Кадников, Б. Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни : научно-практическое пособие. 2-е изд., доп. М. : Юриспруденция, 2017.
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1788698/> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Приговор Среднеканского районного суда (Магаданская область) № 1-18/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 1-18/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).
7. Приговор Курского гарнизонного военного суда № 1-2/2020 1-74/2019 от 24 января 2020 г. по делу № 1-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).
8. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права : избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославский государственный университет. Ярославль, 1999. С. 189.
9. Приговор Оренбургского районного суда № 1-49/2020 от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-49/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).
10. Приговор Няганского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) № 1-230/2019 от 24 декабря 2019 г. по делу № 1-230/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).
11. Приговор Торжокского городского суда (Тверская область) № 1-107/2019 от 21 мая 2019 г. по делу № 1-107/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).
12. Приговор Новосергиевского районного суда (Оренбургская область) № 1-88/2020 от 9 июля 2020 г. по делу № 1-88/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).
13. Приговор Новосергиевского районного суда (Оренбургская область) № 1-88/2020 от 9 июля 2020 г. по делу № 1-88/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.05.2021).

Боровикова В. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Боровиков В. Б.²,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ ТЕМЫ КУРСА УГОЛОВНОГО ПРАВА «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА»

Среди разделов Особенной части курса российского уголовного права теме «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» традиционно отводится немного учебного времени (максимум – 2 часа лекции; 2 часа семинар или практическое занятие). Не очень велик и интерес у курсантов (слушателей) к изучению вопросов этой темы. Как правило, обучающиеся не показывают глубоких знаний на зачетах и экзаменах по вопросам применения норм, предусмотренных гл. 19 УК РФ.

Вместе с тем эта тема имеет важное значение для выработки профессиональных качеств сотрудников правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел. Например, знание положений, сформулированных в ст. 138.1 УК РФ (Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации) и ст. 139 УК РФ (Нарушение неприкосновенности жилища) является обязательным требованием служебной подготовки сотрудников оперативных подразделений ОВД. Нельзя не отметить и политическое значение уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 19 УК РФ, поскольку они выступают своеобразными гарантиями реализации закрепленных Конституцией Российской Федерации прав каждого, например, на неприкосновенность частной жизни, личные и семейные тайны (ч. 1 ст. 23), тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), неприкосновенности жилища (ст. 25) и других подобных прав. Их нарушение болезненно воспринимается населением, отражается на качестве правопорядка в стране, стабильности государства в целом.

Стоит отметить и объективные сложности в изучении обучающимися статей, включенных в гл. 19 УК РФ. Многие из них содержат бланкетные диспозиции, что требует от исследователя поиска соответствующих нормативных актов, позволяющих уяснить смысл признаков состава преступления (например, для применения ст. 139 УК РФ нужно знать положения Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-

¹ © Боровикова В. В., 2021.

² © Боровиков В. Б., 2021.

розыскной деятельности»; для раскрытия содержания ст. 138.1 УК РФ – ФЗ РФ от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»; для уяснения смысла ст. 140–142.2 УК РФ – положения Федерального закон РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Есть и другие трудности, связанные с уяснением содержания в названных выше уголовно-правовых нормах. Некоторые статьи, включенные в гл. 19 УК РФ носят громоздкий характер, содержат большой объем информации, что затрудняет их изучение (см.: ст.ст. 141.1, 142, 142.1 УК РФ).

Существует еще один аспект, усложняющий усвоение содержания рассматриваемых уголовно-правовых норм. Дело в том, что отдельные статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за названные выше деяния имеют свои аналоги в КоАП РФ. Так, усвоение содержания ст. 140 УК РФ (Отказ в предоставлении гражданину информации) предполагает ознакомление со ст. 5.39 КоАП РФ (Отказ в предоставлении информации); изучение ст. 141 УК РФ (Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий) требует учета положений, содержащихся в ст. 5.2 КоАП РФ (Вмешательство в работу избирательной комиссии референдума), ст. 5.16 КоАП РФ (Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдуме); анализ признаков состава преступления, указанного в ст. 148 УК РФ (Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий) невозможно осуществить без знания признаков административного правонарушения, указанного в ст. 5.26.1 КоАП РФ (Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях).

Конечно, преподавателю, учитывая незначительный объем учебного времени, выделенного на изучение данной темы, нужно при чтении лекции и проведении семинарских или практических занятий определить круг вопросов, имеющих особое значение для сотрудников ОВД. Это позволит придать аудиторным формам учебных занятий по данной теме конкретность, практическую направленность (к числу таких вопросов, на наш взгляд, следует выделить признаки преступления, предусмотренные ст.ст. 138, 138.1, 139, 141, 143, 144, 148 УК РФ). Другие же статьи, содержащие уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, целесообразно рекомендовать обучающимся для самостоятельного изучения.

Конечно, при этом надо учитывать особенности контингента обучающихся. Очевидно, что, по возможности, более углубленное изучение вопросов, названной выше темы, целесообразно для лиц, обучающихся для будущей работы в оперативных и следственных подразделениях, а также структурах по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. На других факультетах, осуществляющих подготовку по не юридическим специальностям (где нередко данная тема изучается совместно с другими темами курса уголовного права), главной задачей для преподавателя является раскрытие общей ха-

рактеристики этих преступлений и ориентирование курсантов (слушателей) на изучение учебного материала в форме самоподготовки.

Особый случай – изучение указанной темы на факультете заочного обучения. Здесь крен обучения делается на освещение материала в процессе семинарских и практических занятий с учетом специальности слушателя. В зависимости от этого обстоятельства и определяется круг вопросов, подлежащих рассмотрению в ходе учебного занятия. Традиционно – это вопросы, связанные с применением ст.ст. 138, 138.1, 139 УК РФ.

Разумеется, приобретение курсантами (слушателями) прочных знаний по теме «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» предполагают наличие соответствующего методического обеспечения. По данной теме целесообразно использование соответствующего набора тестов на знание норм, включенных в главу 19 УК РФ. Это оправданно в связи с нехваткой учебного времени на обстоятельное изучение ряда вопросов темы. Тесты, желательно подготовить в нескольких вариантах: для текущего контроля и самостоятельной работы (их также можно использовать в работе с курсантами (слушателями), пропустившими учебные занятия и получившие неудовлетворительные оценки).

Конечно, способствуют усвоению знаний по данной теме и другие методические материалы, например,: практикум, альбом-схем по уголовному праву, методические рекомендации по изучению данной темы, мультимедийное обеспечение, сборники (практикумы) задач по уголовному праву, сборники постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам, обобщения материалов судебной практики по данной категории уголовных дел (например, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в практике Верховного Суда РФ/Сост. В. Б. Боровиков, В. В. Демидов, А. В. Галахова. Норма, 2012), учебники по уголовному праву (в том числе кафедральные под ред. Н. Г. Кадникова, В. Б. Боровикова), комментарии к УК РФ (под ред. Н. Г. Кадникова), сборники тестов по Общей и Особенной частям уголовного права (под ред. В. А. Осипова), соответствующий лекционный фонд.

В принципе надо вспомнить советский опыт, когда в вузах МВД СССР функционировали учебно-методические кабинеты, которые занимали центральное место в организации учебно-методической работы на кафедрах. В настоящее время как-то в следствие объективных и субъективных причин, нехватки помещений для проведения учебных занятий, неоправданных надежд на то, что использование информационных технологий может само по себе, без разработки надлежащих методик стать главным звеном учебно-методической работы на кафедрах, гигантоманией, связанной с созданием учебно-методических комплексов, требующей значительных затрат личного времени преподавателя, роль такого учебно-методического кабинета снизилась. Думается, его возможности далеко не исчерпаны в организации на кафедре учебно-методической и самостоятельной работы с курсантами (слушателями).

О содержательной составляющей учебных занятий по теме «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Собственно, раскрытие содержания уголовно-правовой материи, имеющей отношение к данной теме учебного курса, требует учета ряда обстоятельств.

Поскольку, как уже ранее было отмечено, на изучение указанной темы отводится сравнительно немного учебного времени, в процессе лекции преподавателю целесообразно уделить особое внимание вопросу, посвященному общей характеристике названных выше преступлений. Здесь важно показать социальную обусловленность уголовно-правовых норм, включенных в гл. 19 УК РФ, особенности уголовно-правовой политики в сфере борьбы с названными выше преступлениями. Для этого надо обрисовать реальную картину их применения. Например, в 2019 г. в России не было зарегистрировано ни одного случая осуждения по ст.ст. 136, 140, 141, 142, 141.1, 144.1, 147, 149 УК РФ. Два человека были осуждены по ст.144 УК РФ и ст.148 УК РФ. Наибольшее количество лиц были осуждены по ст.139 УК РФ – 6 309, ст.146 УК РФ – 224; ст.145.2 УК РФ – 183; ст.137 УК РФ – 171. Всего по статьям, включенным в главу 19 УК РФ, в 2019г. были осуждены 7 137 человек [1].

Анализ указанных данных свидетельствует о неравномерности реального применения уголовно-правовых норм об ответственности за названные выше преступления. Преподавателю надо объяснить причины этого явления. В частности, разъяснить, что ряд из этих норм имеет общепреентивное значение, сам факт их существования уже предупреждает нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем полезно показать, что обилие оценочных признаков, содержащихся в отдельных статьях, предусматривающих ответственность за анализируемые деяния, порождает немало сложностей в их применении. Например, трудно понять смысл дискриминации (ст. 136 УК РФ), т. е. нарушения прав, свобод, или законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам.

В чем выражается эта дискриминация? Ответа нет, тем более, что признаки данного преступления совпадают с признаками административного правонарушения, предусмотренного ст.5.62 КоАП РФ.

Такие вопросы возникают и в отношении содержания диспозиции ч. 1 ст. 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни). Главный из них: что следует понимать под частной жизнью? Понятие достаточно широкое, но не получившее своего развития нив тексте уголовного закона, ни в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [2].

Все это привело к тому, что стали возникать ситуации, связанные с установлением понятия частной жизни, а также общественной опасности анализируемого деяния. Дело в том, что ч. 1 ст. 137 УК РФ содержит формальный состав преступления при наличии которого сам факт незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, либо распространения этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или сред-

ствах массовой информации достаточен для признания деяния оконченным. Если бы законодатель избрал в данном случае конструкцию материального состава преступления, то, по крайней мере более четким был бы предмет доказывания по уголовному делу. Сейчас этого нет, что постоянно приводит при реализации рассматриваемой уголовно-правовой нормы к вопросу разграничения анализируемого преступления с малозначительным деянием, о котором идет речь в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Эта проблема возникает и при применении ст.ст. 136, 138 и 139 УК РФ. Пока четких рекомендаций на этот счет в судебной практике на этот счет нет.

При изложении материала применительно к ст. 139 УК РФ (Нарушение неприкосновенности жилища) преподавателю нужно обязательно показать, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации по-новому, в отличие от ранее сложившейся судебной практики еще в советские времена, подошел к понятию жилища – необходимого признака состава преступления.

В известном его постановлении от 25 декабря 2018 г. № 46 (п. 11) отмечается, что уголовная ответственность за незаконное проникновение в жилище наступает в случае подобного проникновения в индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями (например, верандой, чердаком, встроенным гаражом); в жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания (квартира, комната, служебное жилое помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т. п.). При этом судебная практика не признает жилым помещением строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т. п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюта судна и т. п.).

В дополнение к рекомендациям Пленума Верховного Суда Российской Федерации можно отметить, что целесообразно относить к жилым помещениям не только собственно квартиры, но и входящие в него балконы и лоджии.

При изучении состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ (Нарушение требований охраны труда), полезно обратить внимание на круг потерпевших по уголовным делам об этом преступлении. Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» к ним могут относиться не только работники, с которыми в установленном порядке заключены трудовые договоры, но и те лица, с которыми такой договор не заключался либо не был оформлен надлежащим образом, но они приступили к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя [3, с. 467]. Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации расширяет круг потерпевших по данной категории уголовных дел.

Следует отметить, что в процессе преподавания названной выше темы курса российского уголовного права можно использовать разнообразные частные ме-

тодики: от классических традиционных до содержащих иные оригинальные подходы. Например, активно проходили занятия по данной теме на различных факультетах МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя в форме групповых упражнений, неплохо зарекомендовали себя занятия на базе контент-анализа информационных материалов в печатных СМИ и Интернете. Есть перспективы, связанные с использованием в процессе занятий по теме «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» фрагментов из кино-телефильмов, посвященных данной тематике (например, из фильмов «Глухарь», «Карпов», «Место встречи изменить нельзя», «Шеф», «Гражданин начальник», «Ликвидация», «Марьяна роца»), элементов викторины. Возможностей для педагогических поисков в этом направлении немало. Нужно только их реализовать.

Список литературы

1. Данные о назначении наказания по статьям УК РФ за 2019 г. URL: [//stat.api-пресс. РФ/stats/](https://stat.api-press.ru/stats/) (дата обращения: 04.05.2021)
2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / Сост. А. Г. Хлебушкин. 4-е изд. М. : Проспект, 2020. С. 472–479.
3. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. С. 467.

Габдрахманов Р. Л.¹,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Кужиков В. Н.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 145.1 УК РФ

Конституция Российской Федерации (ст. 37) закрепляет право каждого на вознаграждение за труд. Работник имеет право на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы в соответствии со своей квалификацией, сложностью труда, количеством и качеством выполненной работы, а работодатель обязан выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату в сроки, установленные трудовым законодательством и локальными правовыми актами.

Обеспечение права работника на выплаченную заработную плату является одним из краеугольных *принципов* регулирования трудовых отношений.

Государство в обеспечение реализации прав работников устанавливает различные виды юридической ответственности работодателей.

Невыплата заработной платы часто становится распространенным явлением в условиях экономического кризиса. Предприниматели зачастую не оплачивают труд работников из-за финансовых проблем, возникающих по различным причинам. Однако следует заметить, что любая экономическая деятельность субъектов связана с рисками. В периоды экономических кризисов многие предприниматели могут столкнуться с такими рисками.

Суммарная задолженность по заработной плате началу 2020 г. составила 2114,2 млн рублей [1]. Во многих субъектах Российской Федерации в настоящее время распространенным явлением стали факты невыплаты заработной платы. Однако лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных по этой статье, в прошлом году было всего 208 (по 1 ч. – 25; по ч. 2 – 183). Еще больше было число лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены 740 (по 1 ч. – 98; по ч. 2 – 642).

Действующая ст. 145.1 УК РФ имеет бланкетную диспозицию, которая в свою очередь, вызывает трудности в применении данной нормы.

Для правильной квалификации изучаемого преступления, на наш взгляд, следует уточнить понятия «объект», «субъект», «предмет» и проанализировать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ.

¹ © Габдрахманов Р. Л., 2021.

² © Кужиков В. Н., 2021.

Объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения, в рамках которых обеспечивается право каждого работника на своевременную в полном размере выплату заработной платы, а также право на социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, по возрасту и в иных случаях, установленных законом [2, с. 114, 115].

Заработную плату, пенсию, стипендию, пособия и другие выплаты законодатель рассматривает в качестве предмета преступления. В административном законодательстве (ч. 6, 7 ст. 5.27 КоАП РФ) предметом правонарушения, признается только заработная плата или другие выплаты, осуществляемые в рамках трудовых отношений. То есть в преступлении (ст. 145.1 УК РФ) предмет преступления рассматривается шире.

Заработная плата-вознаграждение за труд в соответствии со своей квалификацией, сложностью труда, количеством и качеством выполненной работы, в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (ст.ст. 21, 22), локальными правовыми актами. Нетрудоспособным лицам по инвалидности либо имеющих огромный трудовой стаж работы или выслугу лет выплачивается денежное обеспечение – пенсия. Денежная помощь в виде пособия оказывается лицам, которые находятся в тяжелом материальном положении (одиноким матерям, многодетным).

Для лиц, обучающихся в высших или среднеспециальных учебных заведениях, назначается и выплачивается ежемесячно стипендия в виде определенной сумм денег. Под иными выплатами следует понимать единовременные выплаты гражданам, находящимся в бедственном положении, например гибель родственников при катастрофах или авариях.

Чаще всего работодатели несут ответственность за полную или частичную невыплату заработной платы.

При этом необходимо определить сроки, в течении которого заработная плата фактически не выплачивалась полностью или частично. При этом двухмесячный или трехмесячный срок задержки исчисляется со дня, следующего за установленный датой выплаты. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, к сожалению, на практике воспринимаются по-разному. На наш взгляд, для уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ, срок должен исчисляться в течении двух месяцев *подряд* за полную невыплату заработной платы, и в течении трех месяцев *подряд* за частичную невыплату.

Анализ судебной практики показал, что выяснение задолженности по оплате труда работников, состоявших с работодателем в трудовых отношениях, у правоохранительных органов не вызывает трудностей.

В качестве примера можно сослаться на дело, по которому был осужден Халиуллин Л. С., за совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ [3]. Несмотря на реальную возможность выплатить в полном объеме задолженность по заработной плате, с учетом поступлений на расчетный счет организации денежных средств, Халиуллин Л.С., не выплатил частично свыше трех месяцев заработную плату работнику ООО «Белая столица». Кроме того, несмотря на реальную возможность выплатить в полном объеме

задолженность по заработной плате, с учетом поступлений на расчетный счет организации денежных средств, Халиуллин Л.С не выплатил заработную плату полностью, в связи с чем образовалась задолженность по ее выплате свыше двух месяцев в общей сложности в сумме 86 174 рубля.

В практике правоохранительных органов возникают сложности, когда руководитель предприятия, организации или учреждения не оформляет трудовые отношения с работником либо заключает гражданско-правовой договор.

На основании искового заявления работника суд в таких случаях вправе гражданско-правовой договор переqualифицировать в трудовой с вытекающими отсюда правами и обязанностями сторон. Есть и судебная практика по таким делам. Например, судом г. Каспийска Республики Дагестан руководитель ООО «Кристалл» был осужден по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ при следующих обстоятельствах. Так руководитель привлек к выполнению трудовых обязанностей на кирпичном заводе работника без заключения с ним трудового договора. В течение длительного времени руководитель не выплатил работнику заработную плату за отработанный период [4]. Как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, если трудовой договор не заключался либо не был надлежащим образом оформлен, но работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя, то в таких случаях уголовная ответственность за невыплату заработной платы наступает.

Субъектом преступления по ч. 1 ст. 145.1 УК РФ могут быть руководители организаций и учреждений, которые выплачивают различные пособия и стипендии. К ним можно отнести руководителя центра занятости, директора института или другого учебного заведения. Конкурсный и внешний управляющий может быть признан субъектом рассматриваемого преступления, поскольку при осуществлении своей работы он выполняет организационно-правовые и административно-хозяйственные функции руководителя предприятия, в том числе связанной с выплатой заработной платы работникам.

Определяющим фактором, по мнению специалистов, при определении состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, наряду с наличием обязанности по оплате труда, является и реальная возможность выплаты.

Одним из обязательных признаков субъективной стороны анализируемого преступления, помимо прямого умысла является наличие корыстной или иной личной заинтересованности. Корыстная заинтересованность заключается в желании виновного лица получить для себя имущественную выгоду. Под личной заинтересованностью следует понимать стремление виновного лица извлечь выгоду неимущественного характера. Именно вышеуказанные мотивы указывают на прямой умысел лица на полную или частичную невыплату заработной платы работникам.

В соответствии с судебным толкованием, если работодатель из корыстной или иной личной заинтересованности совершил неправомерное деяние, в результате которого он не может реально осуществить выплаты заработной платы работникам, то в этом случае он подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ. Например, генеральный директор АО «Финнград» Д. В. Лазарев не имел доступа ко всем арестованным расчетным счетам

Общества, в пределах арестованных денежных средств не имел права владения, пользования, распоряжения денежными средствами. Представители МИФНС № 0 по Санкт-Петербургу подтвердили факт наличия в 2018 г. арестованных денежных средств на счетах и об отсутствии возможности генерального директора иметь доступ к расчетным счетам. Следовательно, при наличии ареста денежных средств на счетах Общества и вытекающих последствий, сводного исполнительного производства и принудительного взыскания заработной платы Службой судебных приставов, сама невыплата заработной платы не образует признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ [5].

В ходе изучения судебной практики было выявлено, что часто действия лица, совершающего преступление из корыстной или иной личной заинтересованности, дополнительно квалифицируются по ст. 160 УК РФ. Например, руководитель МУП, который систематически получал под отчет денежные средства предприятия (на общую сумму более 1,8 млн руб.) и тратил на свои личные нужды. Хищения он совершал в период, когда работникам предприятия не выплачивалась заработная плата. Судом Юстинского района Амурской области руководитель МУП был осужден по ч. 4 ст. 160 и ч. 2 ст. 145.1 УК РФ [6].

Также иногда действия лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ, дополнительно квалифицируются по ст. 199.2 УК РФ, связанной с неуплатой налогов.

Таким образом, на практике часто действия лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ, требует дополнительной квалификации по другим статьям УК РФ.

Список литературы

1. Данные по задолженности заработной платы на 1 января 2020 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/8.htm (дата обращения: 01.04.2021).
2. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. С. 114, 115.
3. Приговор Салаватского городского суда Республики Башкорстан от 20.07.2020 г. // НПП «Гарант-сервис».
4. Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан от 16 сентября 2014 г. // НПП «Гарант-сервис».
5. Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 6 июля 2020 г. // НПП «Гарант-сервис».
6. Приговор Юстинского районного суда Республики Калмыкия от 19 июня 2018 г. по уголовному делу № 120/2018 // НПП «Гарант-сервис».

Кужиков В. Н.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Габдрахманов Р. Л.²,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ

С появлением мобильных устройств и интернета общение между различными лицами стало гораздо проще и доступней. Такие процессы благоприятно влияют на все общественные процессы в стране. Помогают в трудовой деятельности, поддержания семейных отношений и т. д. С другой стороны, остро стоит вопрос по защите тайну переписки и иных сообщений в различных видах мессенджеров и на других устройствах связи. На сегодняшний день складывается ситуация, когда не представляет особого труда прослушать переговоры граждан, прочитать в различных социальных и в других сетях переписку. По трудовым отношениям порой работодатели считают, что они имеют право читать сообщения сослуживцев или контролировать их электронную переписку.

По данной проблематике в последнее время в обществе ведется полемика среди различных слоев населения, особенно среди адвокатской среды и других юридических сообществах, о полномочиях сотрудников правоохранительных органов при проведении личного досмотра граждан после их задержания. В частности, имеет ли право сотрудники полиции от гражданина, после его задержания, затребовать смартфон или другое устройство и посмотреть переписку, которая храниться в этих устройствах. Соответственно, у граждан возникают вопросы по соблюдению их конституционных прав. На сегодняшний день нет единого подхода по правовой оценке данных отношений.

В п. 16 ст. 13 Федерального закона «О полиции» говорится о том, что сотрудник полиции имеет право, в том числе на досмотр вещей находящиеся у гражданина [1].

Часть 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации закрепляет, что «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

Действующее УПК РФ однозначно не определяет, что в таких случаях обязательно наличие решение суда. Так же на наличие обязательного разрешения суда по таким случаям не оговаривается и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотре-

¹ © Кужиков В. Н., 2021.

² © Габдрахманов Р. Л., 2021.

ния судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)».

Как известно, в правоприменительной практике достаточно часто изымаются без разрешения гражданина и суда средства мобильной связи. Несмотря на то, что гл. 25 УПК РФ прямо не закрепляет обязанность получать судебное разрешение на осмотр СМС-переписки, эта обязанность вытекает из других норм как уголовно-процессуального закона и положений Конституции Российской Федерации, так и из международных норм. Например, в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [2].

Можно констатировать, что просмотр переписки граждан в мессенджерах или изучение простых телефонных сообщений фактически идентичен осмотру почтово-телеграфных отправок либо телеграмм в соответствии со ст. 185 УПК РФ, то в таком случае обязательно требуется решение суда.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5], разъясняется, что под иным сообщением следует понимать «сообщения граждан, передаваемые по сетям электрической связи, например: СМС и ММС – сообщения, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети Интернет мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом».

В то же время необходимо указать, что судебная практика электронные письма не всегда относит к нарушениям тайны переписки в связи с тем, что для создания почтового ящика требуется введение логина и пароля, при этом конкретный пользователь физическое лицо не обязан указывать в адресе электронной почты свои персональные данные, например: Ф.И.О., год рождения, телефонный номер, паспортные данные и т. д.

На сегодняшний день, с участием различных заинтересованных государственных структур, в том числе МВД и ФСБ и иных негосударственных структур, разработан законопроект. Данный документ предусматривает, что владельцы различных технологических сетей связи обязаны обеспечить на территории Российской Федерации хранение информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео, или иных сообщений пользователей. При этом такая информация должна храниться на серверах компаний три года с момента осуществления таких действий. Выполнение таких требований затребуют огромных финансовых средств и в связи с этим известные сети мобильной связи уже давно заявили, что у них нет таких возможностей. Сервера по хранению этих сведений выпускаются иностранными компаниями и поэтому такие затраты могут возложить на пользователей мобильной связи.

В законопроекте отмечается, что разрешение суда для получения необходимой информации о конкретном гражданине, о том, что он подозревается в совершении преступления, не требуется.

Такие подходы связаны в соответствии Федерального закона «О противодействии терроризму» и внесением изменений отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. Прежде всего,

сохраненные данные, впоследствии должны помочь противодействовать по преступлениям террористической направленности. Доступ к этой информации предоставляется в первую очередь сотрудникам правоохранительных органов, которые имеют право на осуществление оперативно-разыскной деятельности. С учетом развития технологий в разы увеличиваются возможности совершения преступлений со стороны отдельных граждан, так как резко расширяются способы их совершения. С другой стороны, преступники оставляют следы совершения преступлений в виде зафиксированных предоставленных услуг через технологические средства.

Исходя из вышеизложенного, следует сказать о том, что с учетом развития технологий во многих сферах деятельности государство будет активно вмешиваться в частные интересы, и в том числе в тайну переписки и иных сообщений. Видимо такое положение вещей необходимо оценивать, как вынужденная необходимость. Для государства стоит первостепенная задача, – обеспечение безопасного развития страны. Вмешательство в частные интересы вполне можно обосновать, с точки зрения уголовного закона, как ситуация крайней необходимости, когда, причиняя меньший вред предотвращаем более масштабные последствия. Например, защита общества от террористических проявлений или любых других проявлений преступности, связанных с охраной жизни, здоровья, общественной безопасностью, общественным порядком и т. д.

Список литературы

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения: 25 мая 2021).
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения: 25 мая 2021).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

Бугаевская Н. В.¹,
*доцент кафедры уголовного права и процесса
Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН ОТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коррупция – одна из наиболее опасных форм криминального поведения, подрывающая не только авторитет государственной власти, но и причиняющая ущерб иным, наиболее значимым благам и ценностям, конституционным правам и законным интересам граждан, находящихся под охраной уголовного закона. История развития человечества показала, что на различных этапах становления и функционирования государственности страны уделяли особое внимание противодействию коррупции. Не является исключением в этом процессе и Российская Федерация, ее законодательство в последнее десятилетие активно пополняется новыми нормами, направленными на противодействие различным формам коррупционных проявлений.

Федеральным законом от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» уголовный закон дополнен статьей 200⁷, устанавливающей ответственность за новый вид преступлений коррупционной направленности – подкуп арбитра (третейского судьи) и незаконное получение вознаграждения арбитром (третейским судьей). Появление новеллы обусловлено международными обязательствами Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.

В российском уголовном законодательстве криминализован ряд коррупционных деяний, совершаемых в виде пассивного и активного подкупа (взятничество, коммерческий подкуп др.), в том числе, где субъектами являются иностранные должностные лица и должностные лица публичных международных организаций (ст.ст. 290, 291, 291² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Однако арбитры (третейские судьи) в виду невозможности их признания ни должностными лицами, ни лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных некоммерческих организациях, не могли быть привлечены к уголовной ответственности за коррупционные действия, при том, что Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) настоятельно рекомендовала устранить данное несоответствие национального законодательства конвенционным нормам. В виду этого российский законодатель пошел не по пути расширения круга субъектов уже устоявшихся составов преступлений, а избрал метод создания отдельной статьи в УК РФ, посвященной подкупу арбитров (третейских судей).

¹ © Бугаевская Н. В., 2021.

Третейские судьи – это физические лица, которые избраны сторонами для разрешения споров третейским судом (ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Они не представляют государственные судебные органы, поэтому не являются представителями власти. Рассматривая дело по существу, арбитры выносят постановление, обязательность которого определяется через добровольность его исполнения сторонами, не подкрепленного никаким принуждением. Возникает вопрос – обладают ли они организационно-распорядительными полномочиями? Учитывая то, что выносимые третейскими судьями решения обязательны для исполнения, служат основаниями для выдачи исполнительных листов, то они совершают действия, имеющие юридическое значение. Конституционный суд, вынося свое постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П [1], также поддержал, счел соответствующими закону и конституционным принципам полномочия третейских судов выносить решения, следствием которых является переход прав на имущество, их государственную регистрацию, обращение взыскания на заложенное имущество и др. Тем самым, они выполняют организационно-распорядительные функции путем совершения юридически значимых действий [2, с. 44], что является признаком должностных полномочий, но при этом организационно-правовой статус третейского суда не соответствует тем видам государственных, муниципальных структур, перечисленных в примечании к ст. 285 УК РФ. Таким образом, арбитры (третейские судьи) не могут быть признаны ни должностными лицами, ни лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, для чего и потребовалось введение новой статьи. В этом отношении создание специальной нормы, предусматривающей ответственность третейских судей, может служить примером для разрешения многолетних споров относительно таких субъектов, как преподаватели, медицинские работники, учителя относительно того, являются ли они должностными лицами, путем введения самостоятельного состава, где не будет подвергаться сомнению наличие или отсутствие у них организационно-распорядительных полномочий, так как они просто будут там названы в качестве специальных субъектов.

Тем не менее новое преступление вызывает отдельные вопросы. Во-первых, законодатель решил смоделировать его по типу коммерческого подкупа, объединив в рамках одной статьи разные деяния – активный и пассивный подкуп, то есть соответственно незаконную передачу арбитру (третейскому судье) денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе, когда по указанию арбитра (третейского судьи) имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию) (ч. 1–4 ст. 2007 УК РФ), одновременно с незаконным получением арбитром (третейским судьей) денег, ценных бумаг, иного имущества,

а также незаконным пользованием им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе, когда по указанию арбитра (третейского судьи) имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию) (ч. 5–8 ст. 2007 УК РФ). В то же время, более удобно было бы создать две отдельные статьи, где были бы подробно и рельефно изложены действия, указаны субъекты, их ответственность. В данном отношении можно было бы использовать пример норм о взяточничестве, включающих также отдельный вид преступления – посредничество. В ст. 2007 УК РФ посредничество, также как и обещание, предложение посредничества не предусмотрено, что означает, что посредник будет нести ответственность как соучастник, в то время как минимальным порогом квалификации посредничества во взяточничестве является наличие признака предмета взятки, сумма которого превышает 25 тысяч рублей [3, с. 44]. Представляется, что такой подход не является справедливым, так как лицо, выполняющее посреднические функции в подкупе третейского судьи, будет нести ответственность, даже если сумма подкупа менее 25 тысяч рублей.

Во-вторых, присутствует дифференциация ответственности за подкуп арбитра в виду получения или передачи предмета подкупа, признанного значительным, крупным или особо крупным, но не введен аналогично взяточничеству (коммерческому подкупу) мелкий размер, что также означает возможность назначения более строгого наказания за подкуп арбитра по сравнению с аналогичными коррупционными деяниями гл. 23 и 30 УК РФ.

Кроме этого, относительно размера предмета преступления следует указать, что крупный, особо крупный размеры в их твердой денежной сумме были определены в таком формате (150 тысяч рублей, один миллион рублей) более 15 лет назад (в 2003 г.). За это время уменьшилась покупательная способность рубля, произошел рост инфляции, в виду чего было бы целесообразно пересмотреть данный признак преступления и в отношении подкупа арбитров, и в отношении иных преступлений, совершаемых путем подкупа, например, повысив нижнюю границу крупного размера подкупа, чтобы закон отражал социально-экономические реалии [4, с. 48].

В-третьих, относительно взяточничества законодатель установил возможность привлечения иностранных должностных лиц к уголовной ответственности. Относительно исследуемой нормы – нет информации о том, являются ли иностранные арбитры субъектами подкупа, так как подобное прямое указание отсутствует в ст. 2007 УК РФ.

В завершении следует также остановиться на объекте вновь криминализированного деяния и его расположении в УК РФ. Статья 2007 УК РФ введена в гл. 22 УК РФ раздела VIII, соответственно родовым объектом преступления являются интересы в сфере экономики, то есть производства, распределения, потребления материальных благ и услуг; видовым объектом выступают интересы

в сфере экономической деятельности. Действительно, третейские суды рассматривают в основном споры между коммерческими организациями, занимающимися предпринимательской, экономической деятельностью и преследующими цель получения прибыли. Третейские суды даже могут быть созданы при коммерческих организациях («Газпром», «Лукойл»), но при этом они должны быть автономны и независимы, по своему статусу не являться коммерческими структурами, а гонорары судей в силу указания закона – не должны быть прибылью, так как сама деятельность судей не является предпринимательской (ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Таким образом, деятельность третейских судов не может быть умышленно нацелена на причинение имущественного ущерба, ущерба интересам в сфере экономики. В виду этого более логично было бы помещение данной нормы в гл. 23 УК РФ или создание новой главы в рамках раздела VIII, куда могли бы войти все преступления коррупционной направленности, пополнившие в последние годы гл. 22 УК РФ (ст.ст. 2004, 2005, 2006, 2007).

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2011 № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».
2. Корчин А. А. Борьба с «карманными» третейскими судами и вопросы независимости и беспристрастности арбитров в российской судебной практике // Вестник международного коммерческого арбитража. 2013. № 1. С. 42–52.
3. Бугаевская Н. В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2 (81). С. 41–43.
4. Иванчин А. В. Подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200⁷ УК РФ): проблемы совершенствования закона // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. 2020. № 4 (54). С. 44–49.

Густова Э. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

Марков Е. И.²,

заместитель командира взвода

Института подготовки сотрудников

для органов предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Вопросы религии на протяжении истории человечества являются актуальными и довольно проблемными для общества и государства. В соответствии со ст. 14 Конституции Российской Федерации наше государство является светским, что предполагает, что никакая религия, вера не могут быть установлены в качестве государственной и религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Однако государство ставит перед собой задачу охранять религиозные чувства верующих. В первую очередь, в ст. 28 Конституции Российской Федерации содержится право человека на свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. В свою очередь, в УК РФ содержится ст. 148 УК РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания. По нашему мнению, указанная норма является довольно проблемной как в плане законодательного закрепления, так и применения. В самой статье расположены два самостоятельных состава преступления, предусмотренные ч. 1 «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» и ч. 3 «Незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний». К ним относятся также квалифицирующие признаки, содержащиеся в ч. 2 и ч. 4 соответственно. Представляется, что основные проблемы толкования и применения данной статьи связаны с использованием в диспозиции большого количества оценочных терминов.

Так, стоит определиться, что мы вкладываем в понятие «свобода», которое является не уголовно-правовой категорией, да и вообще не юридической, а философской. Обратимся к толковому словарю Ожегова, в соответствии с которым под свободой понимается возможность проявления субъектом своей воли на

¹ © Густова Э. В., 2021.

² © Марков Е. И., 2021.

основе осознания законов развития природы и общества [1]. Обратимся также к толковому словарю Даля, из которого следует, что под свободой можно понимать возможность действовать по-своему, отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле [2].

Свобода совести и вероисповедания предполагает, что человек может самостоятельно выбрать для себя вероисповедание, которого он будет придерживаться, либо не выбирать себе такового.

Таким образом, преступление, которое предусмотрено данной уголовно-правовой нормой, должно ограничивать свободу, то есть принуждать к избранию вероисповедания или, наоборот, отречься от уже исповедуемого. В связи с этим само название статьи не коррелируется с составами преступлений, которые в ней закреплены. Объект уголовно-правовой охраны, который находится в сфере охраны права человека на свободу совести и вероисповедания не соответствует самому содержанию статьи. Полагаем, законодатель ошибочно поместил рассматриваемую норму в гл. 19, в которой содержатся преступления, устанавливающие ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Думается, что нормы, которые предусмотрены ст. 148 УК РФ, должны содержаться в гл. 17 УК РФ, в которой расположены нормы, предусматривающие ответственность за преступления против свободы, чести и достоинства личности. Таким образом, необходимо либо изменить название статьи и перенести ее в гл. 17 УК РФ, либо же скорректировать диспозиции ч. 1 и ч. 3 исследуемой статьи. Считаем, что в этом случае законодатель ведет речь не об ограничении права на свободу вероисповедания человека, путем создания препятствий в реализации этой свободы, а о внутреннем духовном мире человека, о его чувствах в процессе восприятия тех или иных поступков, как оскорбляющих его личность в сфере религиозных убеждений. В этом смысле человек испытывает в большей степени моральные страдания, так как совершенные действия унижают его достоинство и честь. В уголовном законе отдельная глава посвящена такому объекту уголовно-правовой охраны, как свобода, честь и достоинство личности (гл. 17 УК РФ).

Обязательным признаком данного состава преступления выступает публичность, которая упоминается и в других статьях уголовного закона, но до сих пор Верховным Судом Российской Федерации не разъяснено, как ее оценивать и из каких критериев она складывается. Зачастую, при определении публичности касаясь применения различных уголовно-правовых норм данный признак меняется. Так, остается проблематичным определение, считается ли публичным распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, совершенное в целях оскорбления религиозных чувств верующих, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Так как сама отправка сообщения в группу или чат в социальной сети является действием, то с какого количественного критерия оно может считаться именно публичным.

Само оскорбление не является общественно опасным последствием, так как состав формальный. Момент окончания преступления связан не с наступлением последствий, а лишь с выполнением деяния (оскорбления).

Довольно интересная и необычная трактовка уголовной ответственности, предусмотренной ст. 148 УК РФ, содержится в решении Ленинского районного суда г. Грозного (Чеченская Республика), в котором суд указал, что по смыслу действующего законодательства под указанное поведение подпадает выступление атеиста на каком-либо собрании либо в средствах массовой информации, который будет отстаивать свою точку зрения о том, что бога нет. Чувства верующих могут затронуть рисунки, картины, барельефы на зданиях, песни, танцы и многое другое. Целью таких деяний может являться разжигание религиозной розни, под которым понимаются действия (угрозы, подстрекательство, высказывания и иные деяния), направленные в отношении лиц определенной конфессии (религиозной принадлежности), которые ведут к возникновению конфликтов между ними [3].

Возникает вопрос, могут ли заявления атеиста о том, что бога нет, оскорблять чувства верующего? И является ли выражение своей позиции публично преступлением? В таком случае публичное заявление верующего человека о боге также может оскорбить атеиста. Так, например, бывший преподаватель Оренбургского государственного медицинского университета Сергей Лазаров оштрафован на 35 тысяч рублей в связи с публикацией в социальной сети статьи под названием «Злой Христос». Он признан виновным в публичных действиях, совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ). Судом установлено, что в тексте статьи, опубликованной Лазаровым, были приведены негативные эпитеты по отношению к Иисусу Христу – «убийца», «бог-каратель», «тиран» и другие [4].

Также проблемой является то, что понятия, использованные как в названии статьи, так в ее диспозиции не закреплены на законодательном уровне. Речь идет о совести и религиозных чувствах верующих. Сложность заключается в том, что данная диспозиция не является бланкетной, да и вообще не может ею быть, так как подобного нормативного правового акта не существует. Такое явление в юридической литературе называют отсутствующим юридическим содержанием. Стоит отметить, что существует Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором также отсутствует категориально-понятийный аппарат.

В связи с вышеизложенным толкование оскорбления религиозных чувств верующих ложится на плечи правоприменителя, который по своему внутреннему убеждению принимает решение при квалификации. Подобное положение дел не в полной мере соответствует принципу законности. Оскорбление является понятием морали, причем довольно субъективным. Кроме того, понятие «оскорбление» претерпевает определенные изменения, связанные с изменением общественной морали. Так происходит и в случае с нарушением прав верующих, по заявлению которых поведение лиц наносит им сильную обиду и моральный ущерб, в то время как для других вообще не является оскорбительным.

Таким образом, в настоящее время возникает большое количество вопросов и проблемных моментов как при толковании, так и при применении ст. 148 УК РФ. По нашему мнению, данная уголовно-правовая норма в 2013 г. (ФЗ № 136) была переработана и изменена законодателем «впопыхах», так как этому способ-

ствовал случай с действиями группы Pussy Riot [5], подтверждением этому является и скудный анализ судебной статистики.

По нашему мнению, ч. 1 ст. 148 УК РФ необходимо декриминализовать, часть же 3 перенести в ч. 1 ст. 213 УК РФ под пунктом «г». В таком случае диспозиция ч. 3 будет полностью соотноситься с названием самой статьи, а также с родовым объектом. Кроме того, законодателю стоило бы в примечании раскрыть понятийный аппарат данной нормы с учетом моральных и философских аспектов.

Список литературы

1. Значение слова «свобода» // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Значение слова «свобода» // Толковый словарь Даля. URL: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения: 10.05.2021).
3. Решение по делу № 2А-626/2020 от 17 июля 2020 г. Ленинского районного суда г. Грозного (Чеченская Республика) // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/case1621027763283> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Бывший преподаватель медицинского университета в Оренбурге оштрафован за публикацию под названием «Злой Христос» // Медиазона. URL: <https://zona.media/news/2016/16/04/zloy-hristos> (дата обращения: 10.05.2021).
5. Дело Pussy Riot // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/Pussy_Riot (дата обращения: 10.05.2021).

Семочкина А. А.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

О НАРУШЕНИИ РАВЕНСТВА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Равенство прав и свобод человека предполагает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах [1]. Согласно Конституции Российской Федерации (далее Конституция РФ) – права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью.

Человек – это разумное психофизиологическое или биосоциальное существо, живущее в обществе.

Как отмечают специалисты, гражданин – это личность, действующая в политической жизни. Права человека определяются естественными правами, которыми он обладает от рождения. Права гражданина обусловлены принадлежностью человека к государству и носят позитивный характер, т. е. устанавливаются последним [2, с. 37–39].

В Российской Федерации права и свободы человека и гражданина реализуются на основе равноправия. В ст. 19 Конституции Российской Федерации принцип равноправия является важнейшим признаком основ правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации. Данный принцип закрепляет равноправие граждан независимо от социального происхождения, рода занятий, имущественного и должностного положения и др.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) обеспечивает соблюдение конституционного принципа равноправия, предусматривает уголовную ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ).

Объектом этого преступления являются установленное в Конституции Российской Федерации право каждого человека на равенство в правах и свободах. Потерпевшими могут быть граждане, чье равноправие нарушено. Факультативными объектами могут быть честь, достоинство человека, его трудовые права, свобода вероисповеданий и т. д., т. е. те закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы, в отношении которых нарушается равенство человека и гражданина.

Объективная сторона преступления характеризуется действием, которые выражаются в дискриминации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам [3, с. 100, 101].

¹ © Семочкина А. А., 2021.

Право это установленная или санкционированная государством возможность действовать предписанным образом (совершать поступки или воздержаться от их совершения, обладать какой-либо ценностью и благом). Свобода это установленная законом возможность лица действовать либо бездействовать по собственному усмотрению, избирать то или иное поведение. Дискриминация означает ущемление.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла, при котором виновный осознает, что нарушает равноправие граждан, и желает так действовать. Мотив выступает как обязательный признак этого преступления. И выражается в ненависти к другой национальности, расы, языка и т. д.

Субъект преступления специальный. Лицо, использующее свое служебное положение (должностное лицо, государственный служащий, работник органов местного самоуправления и др.).

Впервые в России уголовное дело по ст. 136 УК РФ («Нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его отношения к религии, совершенное лицом с использованием своего служебного положения») было возбуждено в 2008 г. в Хабаровске, в отношении преподавателя философии. Студенты колледжа написали заявление на своего преподавателя В. Радченко. На занятиях он просил поднять руки вверх, кто верит в Бога. Почти половина третьекурсников так и сделала. А вслед прозвучало: «Зачета не будет, если вы не откажетесь от своей веры». Радченко своей вины не признал, опираясь на то, что лишь пытался дискутировать со студентами на тему религии. Он был оправдан: суд счел, что в его действиях не было дискриминации по религиозному признаку, однако из образовательного учреждения его уволили [4].

В 2017 г. в Мурманске накануне Дня защиты детей администратор не пропустила в кафе трех детей на инвалидных колясках в сопровождении родителей. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ст. 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина). 2 июня 2018 г. по результатам расследования принято решение о прекращении уголовного дела на основании ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ, в действиях администратора. Следственный Комитет Российской Федерации решил, что администратор в этом случае – не должностное лицо, и потому ответственности не подлежит [5].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что дискриминационные правонарушения в Российской Федерации – это очень распространенное явление. Однако практика применения ст. 136 УК РФ отсутствует, в силу ее правовой неопределенности, потому жертвы дискриминации сталкиваются с ее скрытыми формами, при которых очень трудно доказать нарушение закона. Также причиной неприменения ст. 136 УК РФ является невысокий уровень правосознания как граждан, так и самих сотрудников правоприменительных органов, которые не всегда осознают значимость конституционных прав и свобод граждан.

К сожалению, в статистической отчетности правоохранительных органов практически нет информации о преступлениях, нарушающих равенства прав и свобод человека и гражданина, так как заявления от потерпевших о дискрими-

нации их прав и свобод они практически не регистрируют. Поэтому для более всесторонней защиты конституционных прав граждан возможно следует придать данной статье бланкетный характер, это позволит более точно раскрыть формы дискриминации людей (объективную сторону деяния).

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (от 10 декабря 1948 г.) // Международные акты о правах человека) : сборник документов. М., 2000.
2. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти : учебник. М. : Академия управления МВД России, 2020. С. 37–39.
3. Уголовное право России : учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. С. 100–101.
4. URL: <https://www.hfinancy.ru> В Хабаровске возбудили уголовное дело в отношении преподавателя философии (дата обращения: 10.05.2021).
5. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/sledovateli-zakryli-ugolovnoe-delo-o-narushenii-prav-detey-invalidov-kotoryh-ne-pustili-v-chayhanu-v-murmanske> Следователи закрыли уголовное дело о нарушении детей инвалидов, которых не пустили в Чайхану (дата обращения: 10.05.2021).

*Хлебницына Е. А.¹,
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О ПОТЕРПЕВШЕМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 145 УК РФ

В ст. 145 Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель предусмотрел ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. Обратим внимание, что в современной следственно-судебной практике за анализируемое преступление лица осуждаются не часто. Так, в 2016 г. состоялся лишь один обвинительный приговор, в 2017 г. и 2018 г. – по два, в 2019 г. и 2020 г. лица, осужденные по ст. 145 УК РФ, отсутствуют [1].

Отметим, что Трудовой кодекс Российской Федерации выступает в качестве основного гаранта исполнения положений Конвенции МОТ № 156 от 23.07.1981 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин; трудящихся с семейными обязанностями» [2]. Нормы указанного нормативного правового акта применимы как к трудящимся женщинам, так и мужчинам, имеющим детей. Действующая редакция исследуемой нормы не является совершенной и охраняет меньший круг лиц по сравнению с теми, которым право на труд гарантируется нормами международного права, Конституцией Российской Федерации и трудовым законодательством.

Пункт 2 ст. 64 ТК РФ гласит, что отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей, запрещено. Похожая ситуация и с расторжением трудового договора. По общему правилу не допускается расторжение трудового договора по инициативе работодателя (ст. 261 ТК РФ):

- 1) с беременной женщиной;
- 2) с женщиной, имеющей ребенка в возрасте до трех лет;
- 3) с одинокой матерью, воспитывающей ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет или малолетнего ребенка (в возрасте до четырнадцати лет);
- 4) с другим лицом, воспитывающим указанных детей без матери;
- 5) с родителем (иным законным представителем ребенка), являющимся единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет;
- 6) с родителем (иным законным представителем ребенка), являющимся единственным кормильцем ребенка в возрасте до трех лет в семье, воспитывающей трех и более малолетних детей, если другой родитель (иной законный представитель ребенка) не состоит в трудовых отношениях.

Из буквального толкования диспозиции ст. 145 УК РФ следует, что потерпевшим может быть только:

- беременная женщина;

¹ © Хлебницына Е. А., 2021.

– женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет.

Законодатель при конструировании уголовно-правовых норм, закрепляет признаки потерпевшего лишь в тех случаях, когда есть необходимость сузить круг лиц, которые могут быть признаны таковыми [3, с. 76–78].

Также составообразующим признаком выступает мотив увольнения либо отказа в приеме на работу – беременность женщины или наличие у нее ребенка в возрасте до трех лет. Так, судом апелляционной инстанции рассмотрена жалоба Ч., который был не согласен с вынесенным обвинительным приговором суда первой инстанции по ст. 145 УК РФ. Из материалов уголовного дела следует, что потерпевшая П., занимающая должность менеджера по работе с клиентами, была поставлена на учет по беременности, о чем уведомила генерального директора ООО «Х» Ч. Дважды по причине болезни П. отсутствовала на рабочем месте. О своем состоянии здоровья и выдаче ей листка нетрудоспособности поставила в известность Ч. Последний, желая избежать для себя негативных последствий проверок и в дальнейшем нести дополнительные обязанности в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации по обеспечению гарантий по предоставлению П. отпуска по беременности и родам, а также по уходу за ребенком, принял решение об увольнении П., в связи с чем издал приказ о расторжении с П. трудового договора на основании пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (прогул). Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения, а апелляционная жалоба без удовлетворения [4].

Пленум ВС РФ в п. 16 постановления № 46 от 25.12.2018 г. разъяснил, что в случае если трудовой договор с работником был расторгнут по его инициативе, однако по делу имеются доказательства того, что работодатель вынудил работника подать заявление об увольнении по собственному желанию именно в связи с беременностью женщины или наличием у женщины детей в возрасте до трех лет, то такие действия также образуют состав преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ [5].

Представляется, что незначительная следственная и судебная практика применения ст. 145 УК РФ во многом связана с тем, что правоохранительным органам не всегда удастся получить сведения, подтверждающие, что женщина уволена либо по мотиву ее беременности, либо наличия у нее малолетних детей. В связи с этим, если мотив не доказан, то виновный может быть привлечен лишь к ответственности в рамках административного законодательства (ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), что не соответствует характеру и степени общественной опасности содеянного. Следовательно, мнение ученых, обосновывающих целесообразность исключения мотива из обязательных признаков состава ст. 145 УК РФ, представляет научный и практический интерес.

Вместе с тем, как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности установление признака беременности не вызывает затруднений, поскольку таковой признается женщина в период развития в ее организме плода. Полагаем, что виновный должен заведомо знать о беременности женщины либо быть в этом убежден. В связи с этим увольнение женщины по мотиву ее бе-

ременности, когда фактически в таком состоянии она не находилась, следует квалифицировать как неоконченное преступление со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. Однако в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому, наличие фактической ошибки в потерпевшем от преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ, исключает ответственность лица по указанной норме [6, с. 474].

Прерывание беременности после увольнения на квалификацию не влияет, что следует из ч. 2 ст. 9 УК РФ.

По нашему мнению, некоторых пояснений требует вторая группа потерпевших от анализируемого преступления. В указанном выше постановлении Пленум ВС РФ поясняется, что к женщине, имеющей детей в возрасте до трех лет, следует относить: мать, женщину-усыновителя, женщину-опекуна или приемную мать, воспитывающую одного или более ребенка в возрасте до 3 лет (п. 16). Возникает вопрос, как же быть с иными лицами, подлежащими особой социальной защите, круг которых определен трудовым законодательством, но которые не могут быть признаны потерпевшими по анализируемой статье в силу отсутствия у них признаков потерпевшего. Предлагаем разрешить обозначенную проблему путем редакции нормы, в которой имеет смысл предусмотреть ответственность за увольнение или отказ в приеме на работу не только женщины, но и мужчины, если он является единственным родителем ребенка в возрасте до трех лет. Для этого необходимо расширить круг потерпевших от этого преступления. В частности, ст. 145 УК РФ следует изложить следующим образом:

«Статья 145. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины, женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, мужчины, имеющего детей в возрасте до трех лет и являющегося единственным родителем

Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение женщины по мотивам ее беременности, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, а равно мужчины, имеющего детей в возрасте до трех лет и являющегося единственным родителем, по этим мотивам».

При этом в п. 16 постановления Пленума ВС РФ разъяснить, что под «мужчиной, имеющего детей в возрасте до трех лет и являющегося единственным родителем, следует понимать отца, мужчину-усыновителя, мужчину-опекуна, приемного отца, имеющего одного или нескольких детей в возрасте до трех лет и являющегося единственным родителем».

Список литературы

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Данные судебной статистики. URL: <http://www.cddep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2021).
2. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-ой сессии

Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2021).

3. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 16–37.

4. Фаргиев И. А. Терминология о потерпевшем в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 76–78.

5. Постановление Шахтинского городского суда Ростовской области № 10-1/2017 10-41/2016 от 9 января 2017 г. по делу № 10-1/2017. URL: [//sudact.ru/regular/doc/zE9ESeQLYCNg/](https://sudact.ru/regular/doc/zE9ESeQLYCNg/) (дата обращения: 03.05.2021).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2021).

7. Мачковский Л. Необоснованный отказ в приеме на работу и увольнение беременной женщины и женщины, имеющей малолетних детей. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/8425-neobosnovannyj-otkaz-prieme-rabotu-uvolnenie-beremennoj-zhenshhiny> (дата обращения: 17.05.2021).

8. Курсаев А. В. Коллизии статьи 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» и трудового законодательства Российской Федерации по признаку потерпевшего // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 474–482.

Курсаев А. В.¹,

главный эксперт-специалист

Договорно-правового департамента МВД России,

кандидат юридических наук

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

По делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности на производстве (ст.ст. 143, 216 и 217 УК РФ) установление причинной связи между действиями субъектов данных преступлений и наступившими в результате их действий общественно опасными последствиями выступает необходимым условием для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

Конечно, в большинстве случаев установление и доказывание причинной связи не представляет особой сложности в силу того, что причина возникновения преступного вреда очевидна. Однако в судебно-следственной практике встречаются и такие преступления в сфере обеспечения безопасных условий труда, по которым установление причин наступивших последствий вызывает существенные сложности.

Проблемы при установлении причинной связи по делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности обусловлены тем, что в силу множественности факторов причинения вреда и сложным, многоэтапным развитием самой причинной связи, включающей в себя несколько опосредующих звеньев, последствия носят во многом ситуативный характер и не всегда адекватны степени тяжести нарушения специальных правил.

С точки зрения В. Б. Малинина, если поведение лица в этом отношении не являлось нарушением, то вопрос о причинной связи возникнуть не может [1, с. 309].

Данная рекомендация основывается на позиции Верховного Суда Российской Федерации, который прямо требует указывать не только нормативные правовые акты, которыми предусмотрены соответствующие требования и правила, но и конкретные нормы (пункт, часть, статья) этих актов, нарушение которых повлекло предусмотренные уголовным законом последствия, а также указывать, в чем именно выразилось данное нарушение [2].

Как правильно отмечается в литературе, нарушение специальных правил и требований чаще всего выражается в форме бездействия, то есть в невыполнении или ненадлежащем выполнении действия, совершение которого обязательно для обеспечения безопасности данных работ либо для процесса их выполнения.

Так, К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ. К., являясь машинистом экскаватора, в процессе осуществления работ по извлечению пласта в траншее не принял мер к возведению предохранительного вала, необходимого при осуществлении данного вида ра-

¹ © Курсаев А. В., 2021.

бот. В результате кусками пласта был засыпан помощник машиниста экскаватора, что привело к его смерти [3, с. 86].

Необходимо учитывать, что самого по себе установления факта нарушения каким-либо лицом специальных правил безопасности еще недостаточно для вывода о том, что наступившие деяния явились следствием поведения именно данного лица. Наличие обязанности действовать определенным образом имеет существенное значение в первую очередь для оценки противоправности при возложении ответственности за бездействие, а не для оценки причинной связи. Практике известны случаи, когда нарушение специальных правил не находится в причинной связи с наступившим вредом, так как наступившее последствие явилось результатом действия иных причин.

Например, слесарь М., не имевший квалификации газосварщика, с помощью личного газосварочного аппарата производил сварочные работы, во время которых на холодильном агрегате, не очищенном от азота и фреонового масла, произошел взрыв и двоим рабочим был причинен вред здоровью. Подсудимый мастер В. был оправдан судом в связи с тем, что он М. к сварочным работам не допускал, не давал поручение об их производстве и не разрешал пользоваться личным газосварочным аппаратом. Сварочные работы организовывались мастером Г., осужденным по этому же делу. Действия же В., связанные с тем, что он не запретил М. хранение на рабочем месте личного газосварочного аппарата, хотя и знал о его существовании, не находятся в причинной связи с наступившими последствиями [4, с. 86].

Таким образом, при установлении причинной связи между деянием и наступившими последствиями должно устанавливаться наличие следующие трех критериев: 1) критерий времени – деяние должно предшествовать наступлению общественно опасного последствия; 2) критерий реальности – деяние должно содержать реальную возможность наступления общественно опасного последствия и 3) критерий непосредственной причины – главной причиной наступления преступного последствия должно являться именно деяние, а не какие-либо привходящие факторы.

И действительно, практике известны случаи влияния таких привходящих факторов на механизм развития преступления. Такие факторы могут как нейтрализовать (прерывать) развитие причинной связи, так и способствовать ее дальнейшему развитию. Природа названных факторов может быть различна: вина потерпевшего, техническая неисправность орудий труда, действие сил природы и прочее. Подобные случаи достаточно часто встречаются на практике и служат основанием для отмены обвинительного приговора. Причина наступления преступного последствия связана в определенной степени с сопутствующими условиями, которые также необходимо исследовать при разрешении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

В литературе наиболее часто встречающееся такое условие – противоправное поведение потерпевшего – предлагается рассматривать через категорию психического отношения к содеянному, «вину потерпевшего» [5, с. 17]. Нам же данное предложение представляется ошибочным, так как влияние на уголовную ответственность оказывает преимущественно не психическое отношение

потерпевшего к содеянному, а значение его поведения на процесс развития причинной связи.

Недаром Верховный Суд Российской Федерации, специально разъясняя в п. 6 постановления Пленума № 41, что если будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел только вследствие небрежного поведения самого пострадавшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора, поместил данное указание в пункт, касающийся необходимости установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 143, 216 и 217 УК РФ.

В частности, С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ. Противоправность поведения потерпевшего, выразившаяся в нарушении дисциплины труда и требований безопасности при выполнении работ на электроустановках, судом была учтена в качестве обстоятельства, смягчающего его наказание. Между тем суд кассационной инстанции указал, что данный факт свидетельствует о том, что фактически рассматриваемый несчастный случай произошел из-за собственной небрежности потерпевшего, что противоречит выводу о виновности С. [6].

Фактически в данном случае следует говорить о том, что поведение потерпевшего по делам о нарушении требований охраны труда и техники безопасности может иметь определенную градацию, от которой зависит возможность освобождения лица, допустившего нарушение специальных правил безопасности, от привлечения к уголовной ответственности.

Такое поведение потерпевшего может быть полностью правомерным, не разрывающим цепочку причинной связи, и в этом случае виновное лицо привлекается к ответственности по ст.ст. 143, 216 и 217 УК РФ.

Поведение потерпевшего может быть неправомерным, выступающим в качестве одного из условий наступления вреда. Причинная связь в этом случае не разрывается и ответственность виновного лица не исключается. Виновный, ответственный за соблюдение правил безопасности, должен был сделать все от него зависящее, чтобы избежать причинения вреда и в результате неверных действий третьих лиц. В связи с этим данное виновное лицо привлекается к уголовной ответственности, однако поведение потерпевшего рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), и обязательно учитывается при определении меры наказания.

Наконец, поведение потерпевшего может выражаться грубой неосторожностью («небрежностью»), которая полностью прервала развитие причинной связи и выступила в качестве самостоятельной и непосредственной причины наступления вредоносного последствия.

Таким образом, помимо полного установления всего количества причиняющих факторов необходимо и произвести качественный анализ каузальных зависимостей с тем, чтобы определить, какая же именно причина находится в непосредственной и реальной связи с наступившим последствием. На данном этапе необходимо дать конкретную оценку роли привходящих сил, имевших место между нарушением специальных правил и преступным вредом с тем, чтобы

оценить, насколько сильно влияние данных привходящих сил могло изменить цепочку развития причинной связи.

Более того, оценка таких привходящих сил может иметь значение и при рассмотрении вопроса о том, только ли действия виновного явились непосредственной причиной совершения преступления, или же в наступлении вредного результата своими действиями способствовали и другие лица.

Так, например, Г. был осужден по ч. 3 ст. 143 УК РФ. Судом было установлено, что Г., обязанный осуществлять контроль за выполнением требований законодательства, не только не принял мер к устранению нарушений требований охраны труда, но и дал указания, противоречащие этим требованиям, не обеспечив выполнение требований по охране труда в ходе разбора аварийного здания. Данные действия были признаны непосредственной причиной несчастного случая. Судом также было отмечено, что Г. надлежащее обследование общего состояния демонтируемого здания и его элементов в соответствии с требованиями Правил охраны труда в строительстве не проводилось, проект производства работ не составлялся, меры к укреплению неустойчивой стены здания не принимались. Несмотря на это потерпевшие были допущены к работе на опасном объекте [6].

Определенные сложности с установлением причинной связи связаны с теми ситуациями, когда нарушения названных специальных правил допущены сразу несколькими субъектами (ситуация неосторожного сопричинения вреда).

Например, М., осуществляя работы по ремонту асфальтобетонного покрытия, привлек А. для управления самоходной машиной, а сам, сославшись на плохое самочувствие, покинул объект производства работ, не оставив после себя замену. Результатом этого явился наезд самоходной машины под управлением А. на Б., в результате чего последнему был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший смерть. Судом к ответственности был причинен только М. как непосредственно ответственный за соблюдение правил безопасности при ведении работ. А., не имеющий права на управление самоходными машинами на территории Российской Федерации, следственными органами к уголовной ответственности не привлекался [7].

В случае же если в действиях виновной стороны нарушение правил безопасности не усматривается, однако названные действия способствовали таким нарушениям, то содеянное может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 109 или ч. 2 ст. 118 УК РФ как связанное с ненадлежащим выполнением лицом своих профессиональных обязанностей [8].

В связи с этим при оценке действий нескольких лиц следует руководствоваться следующим. Если действия таких лиц выступали в цепочке развития причинной связи в качестве сопутствующего элемента, их действия могут влечь уголовную ответственность (по ст.ст. 143, 216 и 217 в случае нарушения специальных правил безопасности, находящихся в причинной связи с наступившим последствием, либо по ст.ст. 109 или 118 УК РФ при отсутствии этого). Если же действия лица являются нейтрализующим причину условием либо в механизме совершения преступления не играют значительной роли, уголовная ответственность данных лиц должна быть исключена.

Список литературы

1. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб. 2000. С. 309.
2. Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кравченко Р. М. Уголовно правовая охрана безопасности работ и услуг. М. 2020. С. 86.
4. Кравченко Р. М. Уголовно правовая охрана безопасности работ и услуг. М. 2020. С. 86.
5. Гаджиева А. Отрицательное поведение потерпевшего и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2004. № 1. С. 17.
6. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2021 г. № 77-1586/2021; аналогичная правовая позиция высказана в кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. № 77-20/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 июля 2020 г. № 77-1539/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23 сентября 2014 г. № 1-330/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 17 июля 2015 г. № 1-28/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Доценко Е. А.¹,

начальник кабинета специальных дисциплин

кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений

Тверского филиала Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН НА РЫНКЕ ТОВАРОВ И УСЛУГ

4 июля 2020 г. в Конституцию Российской Федерации было внесено 206 поправок, одной из которых является ст. 75.1, в которой провозглашено, что, в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан.

Экономический потенциал страны, безусловно, должен быть направлен на удовлетворение социальных потребностей его населения, обеспечивать производство товаров и услуг. Переоценить роль государства в экономике достаточно трудно, потому что им создаются условия для экономической деятельности, реализуются мероприятия по защите предпринимательской деятельности со стороны монополий, обеспечиваются потребности общества в необходимых товарах, а также социальная защита малообеспеченных слоев населения.

Как показывает время, современная российская экономика не может существовать без государственной хозяйственной деятельности, но при этом возникает вопрос о размерах интервенции государства в экономику. В тоже время, государство находится в состоянии постоянного поддержания равновесия данной сферы, то увеличивая, то уменьшая степень своего вмешательства в экономику.

В связи с этим противодействие преступной деятельности в сфере экономики было и остается одним из приоритетных направлений в деятельности МВД России [1, с. 37–43].

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2021 г. № 497-р введен постоянный мониторинг цен на отдельные виды потребительских товаров и услуг, согласно которому органы исполнительной власти должны осуществлять мониторинг цен на товары и услуги и предоставлять данные в Министерство экономического развития, который, в свою очередь будет их анализировать с дальнейшей передачей данных в Правительство Российской Федерации и предоставлением предложений по мерам их регулирования [2]. Из этого следует, что на протяжении длительного времени государственные органы будут заниматься сбором и анализом информации без конкретного реагирования на нарушения в данном направлении, что позволит недобросовестным участникам экономических отношений пользоваться возможностями законодательного отсутствия ответственности за подобные нарушения. Таким образом, государственное регулирование цен на рынке товаров, работ и услуг введено, а

¹ © Доценко Е. А., 2021.

дифференцированная ответственность за нарушения в указанном направлении в настоящее время отсутствует.

Для того, чтобы более точно подойти к вопросу о возможной дифференциации ответственности за нарушения в области регулируемых государством цен необходимо понять, что же все-таки входит в цену об ответственности в области регулирования какой именно цены нужно вести речь и нарушения ценообразования на какие товары (услуги) можно считать общественно-опасным деянием.

Согласно п. 1 ст. 424 Гражданского кодекса Российской Федерации – исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. По мнению одних авторов, цена – денежное выражение затрат производителя товара (услуги) на его производство и реализацию [3, с. 123]. Другие специалисты делают вывод о том, что в рыночных отношениях цена зависит от спроса и предложения на товар или услугу [4].

Изучение различных методик формирования цены позволило нам сделать вывод о том, что само понятие «цены» является многогранным и в зависимости от стадии ее образования может быть различной. Для нас «цена» сложилась в следующие составляющие:

1. Начальная цена – это то понятие цены, которое сформулировано большинством исследователей и включает в себя затраты на производство товара и его реализацию. В данной случае цена может быть окончательной только при непосредственной продаже товара (услуги) производителем конечному потребителю (например, фермерские товары; оказание услуг по ремонту и т. д.).

2. Оптовая цена – в нашем понимании указанная цена включает в себя начальную цену товара (услуги), а также затраты покупателя (оптовика) на его реализацию и его прибыль.

3. Рыночная цена – это цена, которую видит конечный потребитель и которая включает в себя оптовую цену, затраты продавца на реализацию товара, прибыль продавца и налоги продавца (что, по нашему мнению, не должно являться частью цены). Кроме этого, на формирование именно рыночной цены может влиять спрос и предложение на товар или услугу.

Таким образом, возвращаясь к вопросу государственного регулирования цен необходимо говорить о контроле именно над рыночной ценой, в отдельных случаях над начальной ценой.

В настоящее время в нашей стране такое регулирование цен не предусмотрено, но если обратиться к законодательству стран Евразийского экономического союза, то, например, в Республику Беларусь Постановлением Министерства антимонопольного регулирования определен предельный максимальный норматив рентабельности, используемый для определения суммы прибыли, подлежащей включению в отпускные цены производителей на социально значимые товары, реализуемые на территории Республики Беларусь: [5]. Указанное ограничение не позволяет производителям и продавцам социально значимых товаров поднимать их цену, повышая свою прибыль. Кроме того, в этом же документе дан исчерпывающий список продовольственных и хозяйственных товаров, отнесенных к социально значимым. При этом в Республике Беларусь за нарушения в ценообразовании предусмотрена уголовная, административная

и иная ответственность, закрепленная в законодательных актах. В частности, уголовная ответственность применяется в случаях установления или поддержания монопольных цен (ст. 245 УК РБ), распространения ложной информации о товарах и услугах (ст. 250 УК РБ) и обмана потребителя (ст. 257 УК РБ).

Полагаем, что опыт Республики Беларусь можно было бы использовать и в России, установив исчерпывающий перечень социально значимых товаров, включающих в себя продовольственные товары и хозяйственные товары первой необходимости, контроль над ценообразованием которых могло бы осуществлять государство.

Однако в отличие от Республики Беларусь в Российской Федерации отсутствуют ограничения по проценту прибыли, которую производитель, оптовик, продавец закладывает в цену своего товара. Именно процент прибыли, которая не опирается ни на уровень инфляции, ни на социальный уровень населения, чаще всего является основанием для поднятия цены на товар. По этой причине, по нашему мнению, осуществлять государственное регулирование цен на рынке будет непросто, либо необходимо на законодательном уровне решить вопрос об установке предела получаемой прибыли. При этом необходимо учитывать, что установка указанного предела только на социально значимые товары может привести к их дефициту из-за снижения уровня доходности продавца, что в свою очередь отрицательно скажется на экономике и населении страны. В связи с этим верхний предел рентабельности необходимо устанавливать для всего внутреннего рынка страны.

Представляется, что в российском обществе существует запрос на введения жесткого государственного контроля над потребительскими ценами. Согласно социальным опросам, граждане Российской Федерации с тревогой относятся к изменениям цен на потребительском рынке. Комментируя результаты исследования «Рост цен на товары повседневного спроса: оценки россиян», проведенного в 2015 г., руководитель исследовательских проектов Управления социально-политических исследований ВЦИОМ отметила: «Несмотря на замедление темпов роста цен, товары и продукты продолжают дорожать. Более заметен рост цен в столице, но и уровень жизни здесь выше. Более важно, что рост цен замечают, в первую очередь, малообеспеченные группы населения – те, кто уже не может переходить на более дешевые продукты питания и товары. Для них заметны даже небольшие на первый взгляд изменения – просто потому, что на счету каждый рубль. Проблема в том, что это очень широкий слой россиян – треть опрошенных, кому хватает денег только на еду и кто с трудом сводит концы с концами» [6].

В Российской Федерации уже сформирована нормативно-правая основа для осуществления контроля и надзора за ценообразованием. Так, в соответствии с Положением о государственном контроле (надзоре) в области регулируемых государством цен (тарифов), утвержденном Положением Правительства Российской Федерации от 27.06.2013 (в ред. от 17.08.2020) государственный контроль осуществляется Федеральной антимонопольной службой и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования цен (тарифов). В случае выявления нарушений в данной

сфере одной из принимаемых мер является привлечение должностных и (или) юридических лиц, допустивших нарушения, к административной ответственности в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Ответственность за указанные правонарушения предусмотрена ст. 14.6 Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации. Однако в административном законодательстве не предусмотрена ответственность за неоднократные правонарушения, совершенные в данной сфере.

Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за деяния в области антимонопольного законодательства, заключающиеся в ограничении конкуренции (ст. 178 УК РФ). Вместе с тем данная норма имеет ограниченный спектр действия, так как распространяется только на участников картелей, «ограничивающих конкуренцию соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами» [7, с. 305]. При этом, исследование практики в области ценового регулирования показывает, что решение антимонопольных органов не реализуются несмотря на то, что нарушения в данной сфере являются распространенными, потому что дают возможность хозяйствующему субъекту получить сверхприбыль с наименьшими затратами, необходимыми для анализа цен потребителей.

Кроме того, при квалификации преступлений, совершенных на рынке товаров, работ и услуг, возникает вопрос об отнесении отдельных деяний в сфере ценообразования к мошенническим действиям, которые подразумевают в себе «обман в цене». По мнению Смирнова О. О. и Елагина Е. А., говорить в данном случае о мошенничестве можно только в том случае, если есть непосредственный обман человеческого сознания (введение в заблуждение о качестве товара, его изготовлении и т. д.) при продаже товара (услуги), а обман в цене не может являться деянием по своей сути, потому что даже завышая цену и предлагая ее потребителю, у последнего есть право выбора приобретать указанный товар (услугу) или найти иной, если только на него не будет оказано психологическое воздействие, связанное с введением его в заблуждение, но тогда в этом случае мы можем говорить либо о мошенничестве, либо о возвращении в уголовный кодекс ответственности за обман потребителя [8, с. 56].

Общественная опасность преступлений на потребительском рынке заключается не столько в причинении какого-либо вреда конечным потребителям товаров или услуг, сколько в создании такой экономической среды, в которой и предпринимателям (легальным и нелегальным), и потребителям создаются условия относительного благоприствования с точки зрения преодоления трудностей конкурентной борьбы, снижения стоимости предлагаемой продукции, обхода административных и фискальных барьеров.

Таким образом, мы полагаем, что в Российской Федерации существуют определенные предпосылки для установления уголовной ответственности за нарушения в области ценообразования. При этом, рассматривать ужесточение ответственности в указанной области целесообразно только на товары и услуги социально значимые для населения, список которых необходимо закрепить в законодательстве. Вместе с тем, учитывая, что степень общественной опасности деяний, связанных с нарушением порядка ценообразования на социально значи-

мые товары и услуги, не является высокой (в силу наличия соответствующей нормы об административных правонарушениях), но при этом указанные деяния могут совершаться одним и тем же хозяйствующим субъектом неоднократно, то мы полагали бы возможным установление за подобные повторные правонарушения уголовной ответственности при наличии у лица административной наказуемости за аналогичные деяния. В перспективе, такие деяния можно будет отнести к категории уголовного проступка, если закон о его введении будет все-таки принят [9].

Список литературы

1. Жилкин М. Г., Доценко Е. А. Вопросы формирования единого статистического учета преступлений на потребительском рынке. Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 37–43.
2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378654/
3. Экономика: курс лекций / под ред. А. В. Минакова. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 123.
4. URL: <https://gufo.me/dict/accounting/%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0>
5. Постановление Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 15 апреля 2020 г. № 30 «О регулировании цен на социально значимые товары». URL: <https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/2030.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).
6. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rost-czen-na-tovary-povsednevnogo-sprosa-oczenki-rossiyan> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Юридическая Фирма Контракт, 2020. С. 305.
8. Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: М, 2019. С. 56.
9. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_151020_24.pdf.

Горенская Е. В.¹,

старший научный сотрудник

Института законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве РФ,

кандидат юридических наук, доцент

Денисов Н. Л.²,

старший научный сотрудник

Института законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве РФ,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Согласно Стратегии национальной безопасности, *экономическая безопасность* – это состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [1].

Основные объекты экономической безопасности: личность, общество, государство. Помимо этого, к указанным объектам относятся элементы экономической системы, включая институциональные элементы государственного регулирования экономической деятельности. Если говорить конкретнее, то к таким объектам можно отнести национальную экономику, экономический суверенитет, единство экономического пространства, стратегические национальные приоритеты и национальные интересы в экономической сфере.

Помимо перечисленных объектов, специалисты выделяют определенную структуру экономической безопасности, включая ряд показателей:

1) прикладные аспекты: информационная, научно-техническая, финансовая, инвестиционная и инновационная виды безопасности;

2) гуманитарные аспекты: миграционная политика, а также социальная, экологическая и продовольственная виды безопасности [2, с. 107–109].

Правовой основой экономической безопасности является Конституция Российской Федерации, федеральный закон «О безопасности», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия экономической безопасности Российской Федерации, Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. и т. п. [3].

Поиск баланса между экономическими интересами личности, общества и государства, между экономическими интересами разных государств, создание благоприятных условий для реализации таких интересов – вот основные це-

¹ © Горенская Е. В., 2021.

² © Денисов Н. Л., 2021.

ли обеспечения экономической безопасности. И здесь необходимо отметить, что на протяжении многих лет обеспечение экономической безопасности России тесно связано с топливно-энергетическим комплексом (далее также – ТЭК). Для экономического роста страны важным условием является наличие топливно-энергетических ресурсов [4, с. 61–63]. В России они есть, и спрос на них **можно оценить как стабильный**. Доля ТЭК в объеме российского ВВП составляет 25,4 %. Таким образом, надежность экономики Российской Федерации зависит от эффективности регулирования оборота топливно-энергетических ресурсов, обеспечения баланса интересов государства, хозяйствующих субъектов, потребителей указанных ресурсов, а также их защиты от преступных посягательств.

Предлагаем следующее определение экономической безопасности топливно-энергетического комплекса (далее также – ЭБ ТЭК) – это состояние защищенности топливно-энергетического комплекса как ведущей отрасли национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются национальные интересы Российской Федерации в сфере экономики и энергетики, обеспечивается бесперебойное снабжение топливно-энергетическими ресурсами потребителей по экономически обоснованным ценам, действуют правовые гарантии защиты прав и интересов участников экономических отношений в топливно-энергетическом комплексе.

Обеспечение ЭБ ТЭК включает элементы институционального характера, такие как субъекты экономической безопасности и система мер по защите ТЭК от внешних и внутренних угроз и деятельность по их реализации.

Основным субъектом ЭБ ТЭК является государство, которое осуществляет функции в этой области через органы государственной власти (например, на Минэнерго России возложены функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере топливно-энергетического комплекса, в том числе по вопросам электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, магистральных трубопроводов нефти, газа и продуктов их переработки, возобновляемых источников энергии, освоения месторождений углеводородов на основе соглашений о разделе продукции...., а также функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере производства и использования топливно-энергетических ресурсов; Минприроды России выполняет функцию государственного управления ТЭК в части безопасного ведения работ, связанных с пользованием недрами, промышленной безопасности и т. д.).

Каждый из субъектов обеспечения экономической безопасности ТЭК выполняет свои функции в определенной сфере экономической, в том числе предпринимательской деятельности, а также реализует обеспечивает указанную безопасность путем разработки мер экономического, аналитического, правового, оперативно-разыскного и иного характера в пределах своей компетенции.

Поэтому, на наш взгляд, можно уверенно говорить о существовании целого ряда элементов системы обеспечения экономической безопасности топливно-энергетического комплекса, таких как: выявление вызовов и угроз экономиче-

ской безопасности ТЭК, а также факторов, детерминирующих данные вызовы и угрозы, носителей угроз в современных условиях (как реальных, так и потенциальных); определение объектов защиты в топливно-энергетическом комплексе: общих (отрасль, сектор, экономические права и интересы, например, инвесторов, и т. д.) и специальных (предприятие, производитель, потребитель и др.); изучение возможностей и средств нанесения ущерба экономическим интересам участников отношений в топливно-энергетическом комплексе; противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности топливно-энергетического комплекса и нейтрализация их последствий.

Таким образом, обеспечение ЭБ ТЭК – это деятельность, направленная на создание условий для стабильного развития сферы топливно-энергетических ресурсов, выявления и предупреждения вызовов и угроз, соблюдения баланса экономических интересов государства и других участников отношений в ТЭК.

Следует отметить, что одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности в области экономики (экономической безопасности) является повышение уровня *энергетической безопасности*. Доктрина энергетической безопасности определяет указанную безопасность как «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливно-и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации». Например, Ю. Г. Лесных пишет: «...В настоящее время проблемы энергетической безопасности имеют глубокий и масштабный характер. Актуальность этой проблемы связана с уменьшением имеющихся запасов природных энергоносителей, а также с постоянным увеличением потребности человечества в топливе и различных видов энергии. Для стабильного развития экономики любой страны необходима энергетическая безопасность как составляющая национальной безопасности страны. Деятельность производственной и непроизводственной сфер народного хозяйства основано на потреблении энергетических ресурсов, как первичных (уголь, нефть, природный газ, уголь, торф, горючие сланцы), так и преобразованных (электрическая и тепловая энергия, биотопливо и др.).» [5, с. 4].

Таким образом, повышение эффективности государственного управления топливно-энергетическим комплексом становится необходимым условием обеспечения энергетической безопасности. В 2018 г. Россия занимала 12 место из 25-ти стран – крупнейших потребителей энергии – по уровню энергетической безопасности. Первое место отдано Норвегии, второе – США, третье – Великобритании [6]. Рейтинг энергетической безопасности был опубликован Институтом мировой энергетики Торговой палаты США. При оценке уровня энергетической безопасности аналитики института учитывают двадцать девять параметров, в том числе: соотношение импорта нефти, газа и угля с их потреблением в стране; безопасность и разнообразие источников энергии; соотношение расходов на импорт энергоносителей с ВВП страны; потребление энергии в целом и на душу населения; цены на нефть и электроэнергию; потребление энергии транспортным сектором страны и т. д.

Энергетическую безопасность России признали *средней*. Однако следует отметить, что наша страна нацелена на повышение уровня такой безопасности.

Обеспечение энергетической безопасности, в том числе ее топливно-энергетического комплекса, от любых преступных посягательств, будь то акты незаконного вмешательства либо экономические преступления, является важной задачей государства и общества в целях обеспечения экономической безопасности и – еще более глобальной цели – обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел [7, с. 21–23]. Субъектами энергетической безопасности являются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, хозяйствующие субъекты топливно-энергетического комплекса и смежных отраслей экономики, реализующие комплекс мер, направленных на управление рисками и реагирование на вызовы и угрозы энергетической безопасности.

Задача обеспечения экономической безопасности топливно-энергетического комплекса в системе ОВД возложена на Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ГУЭБиПК МВД России) и подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов внутренних дел МВД России (ТО МВД России). В связи с этим, приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел МВД России в топливно-энергетическом комплексе являются [8]: проведение мероприятий, направленных на выявление, пресечение, предупреждение и раскрытие хищений углеводородного сырья (далее – УВС) из трубопроводной системы, и их незаконной переработки; нейтрализация угроз энергетической безопасности, связанных с развитием производства СПГ; противодействие преступлениям в области поставок и оплаты природного газа и электроэнергии, незаконному перемещению стратегических топливно-энергетических ресурсов через государственную границу; выявление и пресечение фактов производства и сбыта контрафактных топлива и горюче-смазочных материалов; активизация мероприятий по установлению и возмещению ущерба от преступлений.

Огромную роль в обеспечении экономической безопасности в топливно-энергетическом комплексе играет организация и проведение органами внутренних дел оперативно-профилактических операций и иных оперативно-профилактических мероприятий по декриминализации сфер добычи, транспортировки нефти, газа, угля (особое внимание уделяется пресечению и предупреждению хищений УВС путем незаконного присоединения к трубопроводным системам), а также по проверке мест хранения и распределения УВС, нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), автозаправочных станций (АЗС) – на предмет выявления производства, хранения и реализации фальсифицированного моторного топлива.

Следует также отметить, что одним из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК ОВД является возмещение причиненного ущерба в бюджет государства. Ведется активная работа в

данном направлении. Так, в 2016 г. ГУ МВД России по СКФО совместно с ГУ-ЭБиПК МВД России был выявлен факт незаконного возмещения НДС из федерального бюджета в особо крупном размере генеральным директором ООО «Газпром межрегионгаз Пятигорск» Д. в сговоре с Т. – руководителем ИФНС России по г. Пятигорску Ставропольского края, которые путем предоставления в налоговый орган заведомо ложных сведений об уплате НДС за 2011-2014 гг. незаконно возместили ООО «Газпром межрегионгаз Пятигорск» денежные средства в размере свыше 5 млрд рублей. В 2016 г. СЧ ГУ МВД России по СКФО в отношении Д. и Т. возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ. В 2018 г. возмещено в бюджет более 5,1 млрд рублей [9].

Таким образом, обеспечение экономической безопасности топливно-энергетического комплекса и энергетической безопасности Российской Федерации тесно взаимосвязаны. Поэтому, в целях совершенствования правового регулирования топливно-энергетического комплекса, на наш взгляд, необходимо разработать и принять федеральные законы, устанавливающие порядок отнесения участков недр к объектам федерального значения, в том числе к федеральному фонду резервных месторождений полезных ископаемых, условия пользования ими, порядок отнесения их к федеральной собственности.

На наш взгляд, следует усилить ответственность недропользователей, которые выборочно отрабатывают только богатые участки месторождений полезных ископаемых [10, с.106-119] и предоставлять исключительные права на добычу нефти для субъектов, открывших месторождение. Еще одним шагом к совершенствованию регулирования отношений в ТЭК может послужить разработка и внедрение методик расчета ущерба, причиненного государству при самовольном пользовании недрами, при несоблюдении правил разработки месторождений, и инструкции о формах и порядке взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (ОВД, прокуратуры, Роснедра, Ростехнадзора) по вопросам выдачи лицензий на недропользование. В антимонопольной сфере перспективными направлениями являются совершенствование механизма доступа независимых производителей энергоресурсов к транспортной инфраструктуре и перерабатывающим мощностям, развитие топливно-энергетических бирж. Для повышения эффективности обеспечения органами внутренних дел ЭБ ТЭК необходимо периодически осуществлять мониторинг причин преступлений, совершаемых в ТЭК, анализировать состояние правового, организационного, тактико-технического обеспечения ОВД на предмет соответствия современным реалиям и потребностям практики. Также представляется перспективным внедрение методов дистанционного контроля за основными объектами добычи, переработки и транспортировки углеводородного сырья и угля, в том числе для целей выявления и (или) предотвращения фактов незаконного недропользования (на вооружении органов внутренних дел имеется большой опыт ГУ МВД России по Кемеровской области по организации авиарейдов, использованию беспилотных летательных аппаратов с целью выявления незаконных угольных мини-разрезов) [11, с. 26]. Хорошие результаты дает привлечение к выявлению и пресечению экономических преступлений в ТЭК населения муниципальных образований, на территории которых расположены

топливно-энергетические объекты, а также магистральные трубопроводы, путем организации работы телефонов доверия, по которым от населения принималась бы информация о фактах совершения таких преступлений (призывать сообщать о ставших им известными случаях проведения строительных, ремонтных, озеленительных и других работ вблизи охранных зон магистральных трубопроводов, прокладки отводов от трубопроводов, перевозке емкостей с запахом нефти, особенно в ночное время, и т. п.).

Одновременные поступательные меры по совершенствованию законодательства, регулирующего отношения в топливно-энергетическом комплексе, активизации деятельности федеральных органов исполнительной власти, в том числе органов внутренних дел, в пределах своей компетенции будут способствовать повышению уровня правового, организационного и тактического обеспечения ОВД экономической безопасности ТЭК и в целом национальной безопасности России.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Экономическая безопасность: учебник для студентов, обучающихся по специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность» / И. В. Манахова [и др.]. Саратов: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 107–109.
3. Все перечисленные нормативные правовые акты см.: URL: www.kremlin.ru
4. Степанов О. А., Нудель С. Л., Печегин Д. А. Обеспечение безопасности в системе антитеррористической защищенности объектов угольной промышленности // Уголь. 2019. № 3(1116). С. 61–63.
5. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3663177> (дата обращения: 10.06.2020).
6. URL: [kommersant.ru/doc/3663177](https://www.kommersant.ru/doc/3663177) (дата обращения: 10.06.2020).
7. Денисов Н. Л. Проблема оперативно-разыскного предупреждения преступлений с административной преюдицией как пробел, требующий изучения современной оперативно-разыскной наукой // Оперативник (сыщик). 2018. № 1(54). С. 21–23.
8. URL: ria.ru/20190819/1557646663.html?in=t
9. Нудель С. Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 106–119.
10. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В. Ю. Артемов [и др.]. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Издательский Дом Инфра-М, 2020.
11. Беседин М. Ю., Горенская Е. В. Практика борьбы с экономическими преступлениями в угольной промышленности // Профессионал. 2019. № 3. С. 26.

Абызова Е. Р.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КОРРУПЦИИ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Взятничество является наиболее опасным и наиболее часто совершаемым должностным коррупционным преступлением, связанным с реализацией служебных полномочий. По мнению Я. Н. Ермолович, его общественная опасность заключается в том, что оно подрывает авторитет государственной власти, искажает политику, которая проводится органами местного самоуправления и государством, превращает государственные должности в так называемую «кормушку» для недобросовестных служащих [1, с. 79]. Важно отметить и то, что дача взятки обладает еще и высокой степенью латентности, т. е. скрытости от учета правоохранительными органами.

В настоящее время в науке уголовного права вопрос относительно уголовной ответственности за дачу взятки является одним из дискуссионных.

В первую очередь дискуссия касается предмета дачи взятки. В диспозиции ст. 291 УК РФ указание на предмет дачи взятки отсутствует. В этой связи закономерно возникает вопрос относительно того, что именно следует считать предметом взятки.

Так, одни ученые склонны полагать, что в качестве предмета взятки может выступать исключительно имущество, принадлежащее взяткодателю на праве собственности. Некоторые ученые полагают, что в качестве предмета взятки может выступать информация. Другие ученые, полагают, что ввиду отсутствия у информации каких-либо экономических или потребительских свойств она не может выступать в качестве предмета взятки.

На наш взгляд, в качестве предмета взятки могут выступать только вещи и ценности материального мира, прежде всего, денежные средства. Также мы склонны полагать, что мнение ученых относительно того, что информация не может выступать в качестве предмета взятки, является справедливым.

Как отмечает А. В. Грошев, в качестве предмета взятки выступает не сама информация и информационные услуги, а услуги по их оплате за счет средств взяткодателя, вследствие чего взяткополучатель приобретает выгоду имущественного характера [2, с. 27]. Если же оплата информационных услуг отсутствует, то и отсутствует предмет взятки. Вместе с тем, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в качестве предмета взятки наравне с деньгами и иным имуще-

¹ © Абызова Е. Р., 2021.

ством могут выступать незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Незаконное оказание услуг следует рассматривать как предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, например, строительство дома или дачи, предоставление кредита с пониженной процентной ставкой и др. Предоставление имущественных прав предполагает возникновение у взяткополучателя возможности вступить в право владения или распоряжения чужим имуществом как своим собственным, а также права требования исполнения должником имущественных обязательств, а также использования бездокументарных ценных бумаг и др.

Следует подчеркнуть, что переданное в качестве взятки имущество, оказанные услуги имущественного характера, либо предоставленные имущественные права должны иметь денежную оценку, основанную на предоставлении сторонами доказательств, в том числе заключение специалиста или эксперта.

Немаловажным признаком предмета взятки является ее размер. В настоящее время ни в законодательстве, ни в вышеназванном постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации не содержится указания законодателя на минимальный размер взятки. В этой связи на практике нередко возникает вопрос относительно разграничения взятки и благодарности.

Вопрос, касающийся размера взятки, также является одним из дискуссионных в науке уголовного права. Так, по мнению ряда специалистов, указанную в законе сумму следует рассматривать как критерий разграничения благодарности (подарка) и взятки. Кроме того, данный критерий необходимо учитывать при назначении наказания [3, с. 103].

Согласно позиции Б. В. Волженкина подарок-благодарность отличается от взятки не только размером. Он полагает, что незаконное вознаграждение должностного лица независимо от размера должно расцениваться как взятка в следующих случаях:

- 1) имеет место быть вымогательство вознаграждения;
- 2) вознаграждение или соглашение о нем имеет характер подкупа, которым, в свою очередь, обусловлено соответствующее поведение должностного лица;
- 3) вознаграждение передано должностному лицу за совершение незаконных действий или воздержание от их совершения [4, с. 89].

На наш взгляд, с позицией Б. В. Волженкина следует согласиться. Благодарность не должна носить принудительный характер. Вышеуказанные случаи демонстрируют желание взяткодателя получить в свой адрес имущественную выгоду, что нельзя рассматривать как добровольное вознаграждение.

В 2016 г. в УК РФ был внесен ряд изменений, одним из которых стало введение ст. 291.2 (мелкое взяточничество). Данная норма предусматривает уголовную ответственность за дачу взятки в размере, не превышающем 10 тыс. рублей.

Ввиду того, что в ст. 291.2 отсутствует указание на то обстоятельство, что дачу взятки следует считать мелким взяточничеством только при отсутствииотягчающих обстоятельств, данная норма рассматривается как привилегированный состав по отношению к ст. 291 УК РФ. Говоря иными словами, создает-

ся конкуренция общей и специальной норм уголовной ответственности за дачу взятки. Кроме того, имеет место быть отсутствие равнозначности санкций за совершенное преступление. Таким образом, разница в степени тяжести преступного деяния и размере санкций существенна, а в размере взятки – нет. Из этого следует, что обстоятельства, которые не учтены законодателем в рамках ст. 291.2 УК РФ будут рассматриваться как обстоятельства, отягчающие наказание по ст. 291 УК РФ. Однако не стоит забывать о том, что ст. 63 УК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание, т. е. расширительному толкованию не подлежит. Анализ ст. 63 УК РФ свидетельствует об отсутствии в рамках данной нормы вымогательство и совершение должностным лицом незаконных действий как обстоятельства, отягчающие наказание.

По поводу введения ст. 291.2 УК РФ есть различные мнения ученых. Так, например, В.Н. Борков полагает, что признание мелкого взяточничества в виде дачи взятки преступлением небольшой степени тяжести неизбежно влечет за собой декриминализацию приготовления к данному преступлению [5, с. 53].

По мнению П. Е. Лиханова и Д. В. Валентова, ст. 291.2 УК РФ следует рассматривать как специальную норму по отношению к ч. 1 ст. 291 УК РФ [6, с. 106]. С позиции данных ученых только отсутствие квалифицирующих признаков следует рассматривать в качестве основания уменьшения объема уголовной ответственности за совершение данного преступления.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается В.И. Михайлов. Согласно его позиции, выделение мелкого взяточничества в отдельный состав преступления утрачивает значение, если рассматривать данное преступление по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ и 291.2 УК РФ [7, 87].

С точки зрения С. В. Анощенковой и С. С. Геворкяна закрепление ответственности за мелкое взяточничество является неоправданным, так как состав преступления, предусмотренный ст. 291.2 УК РФ, отличается от состава преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, только размером взятки. По их мнению, ст. 291 УК РФ должна быть дополнена нормой, предусматривающей уголовную ответственность за дачу взятки в размере, не превышающем 10 тысяч рублей [8, с. 43].

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, уголовная ответственность за дачу взятки в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, наступает по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ независимо от характера совершенных действий, а также наличия либо отсутствия квалифицирующих признаков. Таким образом, только лишь размер взятки не может выступать в качестве основания для дифференциации уголовной ответственности за дачу взятки. В этой связи в процессе регламентации вопросов, связанных с уголовной ответственностью за дачу взятки, возникает многочисленное количество пробелов, существенно затрудняющих правоприменительный процесс [9, с. 25].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что существующий на сегодня механизм привлечения к уголовной ответственности за дачу взятки нуждается в

совершенствовании. В настоящее время в УК РФ закреплён только максимальный уровень взятки. В этой связи возникает немало споров, связанных с отграничением взятки от благодарности. Ввиду отсутствия соответствующей нормы в УК РФ, споры по данной категории подлежат рассмотрению в суде.

Список литературы

1. Ермолович Я. Н. Квалификация должностных преступлений коррупционной направленности: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2017. С. 79.
2. Грошев А. В. Ответственности за посредничество во взяточничестве и в уголовном праве России (эволюция и перспективы) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 1. С. 27.
3. Голубых Н. В., Лепихин М. О. Совершенствование законодательства в области борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 103.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. С. 89.
5. Борков В. Н. Получение взятки: вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 53.
6. Лиханов П. Е., Валентов Д. В. Проблемы отграничения получения взятки от мелкого взяточничества // Дневник науки. 2019. № 5. С. 106.
7. Михайлов В. И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex Russica. 2017. № 6. С. 87.
8. Анощенкова С. В., Геворкян С. С. Взяточничество мелкое – вопросы крупные // Законность. 2017. № 3. С. 43.
9. Бикбаев И. Г. Основания дифференциации уголовной ответственности за взяточничество // Новый юридический вестник. 2019. № 6. С. 25.

Бычкова Е. И.¹,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ДОКУМЕНТОВ РЕФЕРЕНДУМА, ДОКУМЕНТОВ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ: ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Важнейшим политическим правом граждан является право избирать и быть избранным, поскольку именно данное право обеспечивает доступ граждан к участию в осуществлении государственной власти. Во многих международных актах, в частности таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1952 г., Международный пакт о гражданских и политических правах человека 1966 г. закрепляется, что каждый имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через свободно избранных представителей, голосовать и быть избранным на подлинно периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании. Уровень развития избирательных прав граждан и избирательной системы государства в целом может говорить о многом, например о демократичности государства, о степени политической и правовой культуры граждан.

В конце апреля 2021 г. Президент России В. В. Путин провел встречу с Председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э. Памфиловой по вопросам развития избирательной системы России. На встрече Э. Памфилова отметила, что в России в настоящее время делается очень многое, что бы в полной мере обеспечивать избирательные права граждан и чтобы ни у кого не было сомнений в легитимности наших выборов. В результате мы имеем динамично развивающуюся избирательную систему, открытую, прозрачную, доступную и удобную для наших избирателей.

Несомненно, сегодня наблюдается тенденция увеличения интереса граждан нашей страны к процедуре выборов, к голосованию на референдумах, в свою очередь и возросла роль выборов в формировании органов как государственной власти, так и органов местного самоуправления. Проведенное в 2020 г. общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации так же говорит о заинтересованности и увеличении уровня социальной ответственности российского избирателя, поскольку явка на голосование составила 67,97 %. Во многом предпосылки данной динамики созданы обновленным избирательным законодательством. Так, совершенно отпала необходимость оформления открепительных удостоверений, голосование стало возможно в дистанционном формате, допускается возможность проводить голосование в течение нескольких дней подряд. Усилен и увеличен институт наблюдателей,

¹ © Бычкова А. И., 2021

сформировался институт общественных наблюдателей. Голосование становится более мобильным и удобным.

Конечно, нельзя забывать, что важнейшей характеристикой демократических выборов и иных форм прямого волеизъявления граждан является их публичный характер и легитимность.

В ходе избирательного процесса используется множество избирательных документов, документов референдума и общероссийского голосования, на разных его стадиях, фальсификация которых чаще всего и вызывает в последствии вопрос о легитимности той или иной формы прямого волеизъявления. Уголовным кодексом Российской Федерации установлена ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования, что подчеркивает важность для государства и общества создания и поддержания таких условий, при которых выборы, референдум и голосование считались бы состоявшимися и прошли без нарушений установленной процедуры.

Следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует исчерпывающий перечень избирательных документов и легальное определение. Кроме того, учитывая «цифровизацию» избирательного процесса, появление в избирательном законодательстве нового способа голосования – электронное голосование – представляется необходимым ввести понятие «избирательный электронный документ», фальсификация которого также стала бы уголовно наказуемым деянием. Поскольку существуют абсолютно различные подходы к пониманию термина и содержанию понятия «избирательного документа» требуется его юридическое оформление. Кроме того, это упростит работу правоприменителей при определении предмета преступления ряда составов Уголовного кодекса.

Как представляется, избирательный документ представляет собой бумажный или электронный носитель юридически значимой информации, установленной формы, содержание которого будет способствовать наступлению соответствующих правовых последствий (установление итогов голосования, выдвижение и регистрация кандидата и т. п.).

Классифицировать избирательные документы можно по различным основаниям, например, зависимости от субъекта, ответственного за его подготовку, однако наиболее полной и широкой классификация будет в зависимости от стадии избирательного процесса, поскольку избирательные документы сопровождают каждый этап избирательной процедуры от назначения выборов (референдума, голосования) до опубликования их итогов.

К избирательным документам, как предмету преступления, предусмотренного ст. 142 УК РФ, следует относить [1]:

- документы о выдвижении кандидата или документы, наделяющие правами участников избирательного процесса;
- подписной лист с подписью избирателя (участника референдума или общероссийского голосования);
- избирательный бюллетень (бюллетень для голосования на референдуме или общероссийском голосовании);

- открепительное удостоверение;
- список избирателей или участников референдума;
- протоколы избирательных комиссий (комиссий референдума, общероссийского голосования);
- протокол об итогах голосования;
- сводная таблица об итогах голосования.

Определить полный и исчерпывающий перечень избирательных документов, как представляется, возможно силами Пленума Верховного Суда Российской Федерации, путем издания соответствующего постановления «О преступлениях против избирательных прав граждан», где в целях обеспечения единства судебной и следственной практики по данной категории дел была бы отражена терминологическая база [2, с. 26–29].

Список литературы

1. Багмет А. М., Антонов О. Ю., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты: Монография. М.: Юрлитинформ, 2014.

2. Бычкова Е. И. Фальсификация избирательных документов, документов референдума (ст. 142 УК РФ): особенности предмета преступления // Российский следователь. 2014. № 7. С.26-29.

Гринберг С. А.¹,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЙ МЕГАПОЛИС КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследование состояния преступности должно осуществляться в соответствии с историческими, демографическими, географическими, геополитическими, социально-экономическими и другими особенностями регионов и с учетом административно-территориального устройства государства, что, по мнению С. В. Иванцова, является залогом эффективности ее предупреждения [1, с. 122–127]. Современный мегаполис, как один из наиболее сложных и высоко-развитых видов людских поселений, является центром социальной, финансовой, политической активности и культурной жизни региона или всей страны, центром концентрации больших масс населения, что сопряжено с колоссальными разноплановыми (по видам и уровням) миграционными нагрузками, центром концентрации значительных интеллектуальных и экономических ресурсов, разнопрофильным рынком труда (включающим нелегальные и полупо-легалы сектора трудоустройства), обладает развитой социальной и транспорт-ной инфраструктурой и рядом иных специфических характеристик.

Указанные характеристики существенным образом определяют кримино-генный «облик» современного мегаполиса, формируя условия и обстановку осуществления различных видов преступной деятельности, в том числе органи-зованных форм профессиональной преступной деятельности.

Качественно-пространственные особенности преступности, по мнению А. Н. Игнатова и С. В. Пахомова, могут обуславливаться взаимосвязью совер-шения отдельных преступлений с характеристиками (географическими и про-странственно-геометрическими) определенных точек пространства, в пределах которых они совершаются [2, с. 145–146]. Географические и функционально-топографические особенности современного мегаполиса определяют специфи-ку криминогенной обстановки на данной территории, анализ которой позволяет определять криминогенность конкретных точек пространства и целых террито-риальных комплексов.

Изучая закономерности выбора и реализации способа совершения преступ-ления в условиях определенной внешней среды, можно вывести конкретную взаимосвязь. Как отмечают А. Н. Игнатов и С. В. Пахомов, познание данной связи преследует определенную цель – наполнить поисково-познавательную деятельность субъекта расследования сведениями о том, что конкретное пре-ступление может быть совершено только в данных условиях внешней среды. Изучение сущности приведенной взаимосвязи важно и с точки зрения разра-

¹ © Гринберг С. А., 2021.

ботки средств предупреждения преступлений, принятия конкретных профилактических мер.

Как отмечает Б. В. Баранов, тенденции развития преступности в столичном мегаполисе связаны, как с социальными условиями жизни его населения, ее историей, волнами миграции населения так и с генеральными планами реконструкции города [3, с. 8].

Качественно-пространственные особенности мегаполиса, с точки зрения характеристик его внутригородского пространства, определяются:

1) топографическими особенностями и неоднородностью городского пространства, обусловленной сочетанием различных типов пространства между собой, а также наличием различных топографических объектов;

2) спецификой его планирования и проектирования (наличие зданий и сооружений, плотность застройки, наличие инфраструктуры и пр.);

3) социально-функциональным контекстом (жилые территории, промышленные территории, пространство сферы досуга и отдыха, транзитное пространство и пр.).

Внешние качественно-пространственные особенности мегаполиса определяются его географическим и геополитическим положением на территории страны.

Оценка криминогенности конкретных точек пространства и территориальных комплексов мегаполиса позволяет получать, систематизировать и использовать соответствующую информацию в криминалистических, оперативно-разыскных и превентивных целях.

Рассматривая социально-демографические и социально-психологические особенности современного мегаполиса как криминогенных фактор организованных форм профессиональной преступной деятельности, следует учитывать следующие условия жизнедеятельности: 1) высокая концентрация и плотность населения мегаполиса; 2) высокая мобильность населения (внутренняя, межрайонная, внешняя, сезонная, маятниковая, транзитная и пр.); 3) повышенный ритм жизни и повышенные психологические нагрузки, стрессогенность и конфликтогенность; 4) социальная отчужденность, закрытость и психоэмоциональная индифферентность окружающих; 5) повышенная частота межгрупповых, межличностных контактов; 6) анонимность социальных контактов, межличностного общения и поведения людей; 7) неравномерный социальный контроль, неформализованность социальных отношений и пр.

Как известно, мобильность и транспорт традиционно являются ключевыми факторами в структуре большого города. Именно такие условия, как мобильность населения и наличие развитой транспортной инфраструктуры, наряду с социально-психологическими условиями жизнедеятельности современного мегаполиса, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве специфических криминогенных факторов организованных форм профессиональной преступной деятельности.

Осовремененный мегаполис обладает развитой транспортной инфраструктурой и является крупным транспортным узлом, что обуславливает значительные масштабы грузоперевозок и пассажироперевозок. Огромный пассажиропо-

ток характерен в мегаполисе как для внутреннего, городского и пригородного транспорта, так и для вокзалов (авто, авиа, железнодорожных) междугороднего и международного сообщения.

Криминогенность обстановки и условий современного мегаполиса как крупного транспортного центра обусловлена, во-первых, перемещением больших масс людей, что детерминирует как совершение преступлений приезжими лицами, так и совершение преступлений в отношении них. Во-вторых, данный фактор детерминирует совершение преступлений, так называемого «транзитного» характера, как в отношении пассажиров, так и в отношении грузов. В-третьих, сама транспортная инфраструктура является объектом посягательства со стороны организованной преступности при совершении различного рода преступлений в сфере экономики и других преступлений. В-четвертых, транспортная инфраструктура может использоваться профессиональными преступниками в целях совершения преступлений (мошенничество с проездными документами, страховыми выплатами и др.).

Отдельного внимания заслуживает автотранспортная инфраструктура мегаполиса. Степень развития автотранспортной инфраструктуры коррелирует с уровнем преступности в данной сферы. С одной стороны, огромные капиталовложения и технологические инновации детерминируют различного рода экономические преступления (хищения бюджетных средств, мошенничество и пр.). Однако перенасыщенность мегаполиса транспортными средствами детерминирует рейдерские захваты паркингов, автостоянок, хищения транспортных средств, профессиональные «автоподставы» и прочие преступления.

Транспортная инфраструктура современного мегаполиса и прилегающие к ней территории требуют особого внимания, как с точки зрения выявления их криминогенности, так и с точки зрения обеспечения их безопасности.

Мобильность населения мегаполиса несет криминогенный потенциал, выступая фактором латентности многих видов преступлений. Быстротечность пребывания в городе и убытия из него делают, с точки зрения жертвы преступления, нецелесообразным обращение в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении. В то же время данный фактор объективно затрудняет, по мнению специалистов, раскрытие и расследование преступлений, как совершенных (прежде всего, преступниками-профессионалами) в отношении приезжих, так и преступлений преступников-гастролеров [4, с. 93–97].

Таким образом, многие, объективно присущие современному мегаполису характеристики определяют условия и обстановку, выступающие криминогенным фактором организованных форм профессиональной преступной деятельности. Пространственно-территориальные особенности мегаполиса, обусловленные наличием различного рода производственно-территориальных и социально-территориальных комплексов и их компонентов, являющихся предметом (сферой) криминальных интересов организованных форм профессиональной преступной деятельности определяют специфику обстановки осуществления данной деятельности. В качестве специфических криминогенных факторов организованных форм профессиональной преступной деятельности выступают социально-демографические и социально-психологические условия жизнеде-

тельности современного мегаполиса, катализатором проявления которых выступает наличие развитой инфраструктуры.

Список литературы

1. Иванцов С. В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 122–127.
2. Игнатов А. Н., Пахомов С. В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 145–146
3. Баранов Б. В. Предупреждение преступности в сверхкрупном городе с учетом ее территориальных различий: на материалах г. Москвы: автореферат дис. ... кандид. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2005. С. 8, 15.
4. Иванцов С. В., Несмелов П. В., Назаров М. В. Миграционные процессы и миграционная безопасность в странах СНГ //Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 93–97.

*Дегтерев А. А.¹,
доцент кафедры уголовного права
Астраханского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ РОССИИ

Исследуя проблемы посягательств против основ политического строя России, вначале следует рассмотреть три общетеоретических и ряд частных вопросов. Необходимо установить, что определяет, во-первых, социальную обусловленность уголовно-правовых норм как таковых и уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против основ политического строя России, в частности; во-вторых, какие деяния входят в круг данных посягательств. И в-третьих, выявить правовую природу уголовно наказуемого нарушения законодательства о выборах и референдуме, а следовательно, и место соответствующих норм в системе Особенной части УК РФ, которые предусмотрены ст. 141–142² УК РФ, а также воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 144 УК РФ).

По мнению автора, уголовное право обеспечивает функционирование не всей политической системы, а только отдельных ее элементов, а именно: 1) легитимность государственной власти, т. е. конституционную основу ее функционирования; 2) институционально-субъектную, информационную подсистему (средства массовой информации), обеспечивающую поиск, получение, производство и распространение информации; 3) беспрепятственное осуществление своих политических функций государственными и общественными деятелями.

В научной литературе высказано несколько точек зрения, но теоретический анализ имеющихся мнений и всего уголовно-правового массива норм показал, что уголовно-правовой запрет в абсолютном большинстве своем имеет одно основание, которое охватывает ряд факторов, детерминирующих необходимость его появления. Однако в основании уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть и деятельность средств массовой информации, лежат несколько обстоятельств. Это обусловлено спецификой рассматриваемых деяний. Нормы о них вызваны к жизни рядом факторов: общественной опасностью последних; обязательствами России по ратифицированным международным договорам; нормативной предопределенностью функционирования политической системы и ее отдельных структурных систем.

На основании этого можно сделать вывод, что в уголовно-правовой механизм, обеспечивающий функционирование основ политической системы России, входят уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 141–142², 144, 277–279 УК РФ.

Исходя из назначения выборов, объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, предлагается признавать общественные отношения, характери-

¹ © Дегтерев А. А., 2021.

зующие *условия легитимности* государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства. Выделение объекта применительно к каждому из деяний, предусмотренных ч. 1 данной статьи, как это встречается в литературе, методологически ошибочно; преступления, указанные в диспозиции одной нормы, не могут посягать на различные, хотя и очень близкие, общественные отношения.

Потерпевшим по указанной статье является гражданин Российской Федерации, чье избирательное право, право на участие в референдуме нарушено. Им также может быть член избирательной комиссии или комиссии референдума. Вместе с тем, вопреки имеющимся утверждениям, потерпевшим не является близкий указанных лиц, как таковой он не указан в уголовно-правовой норме.

Ограничивать цель воспрепятствования участия в выборах только реализацией права избирать или быть избранным необоснованно и не соответствует законодательному определению понятия избирательных прав. Избирательные права граждан – это конституционные права граждан России избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определения результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации, федеральным законом, иными федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации.

Признавая в качестве объекта уголовно-правовой охраны названные выше права, законодатель и многие ученые упускают из виду главное – назначение выборов и референдума. В частности, выборы – это технология обновления политической системы. Существует несколько путей, механизмов, технологий такого обновления: изменение политических институтов, формирование новых партий и иных субъектов политической деятельности; трансформация партийной системы; коррективы, вносимые по необходимости во взаимодействие ветвей власти; поправки к Конституции; референдум по основным вопросам развития государства и общества; договоры о согласии, взаимоотношениях; существенные изменения в ориентации и ангажированности средств массовой информации; выборы как законодательной, так и исполнительной власти и др. Одним словом, возможные изменения во всех подсистемах политической системы: институциональной, нормативной, функциональной и т. д. Выборы – одна из важнейших политических технологий такого обновления [1 с. 359–360].

Именно исходя из этого преступные нарушения, предусмотренные ст. 141, 141¹, 142, 142¹, 142² УК РФ, рассматриваются как деяния, посягающие на *условия легитимности государственной власти*.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 141¹ УК РФ, являются общественные отношения, характеризующие условия легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан при соблюдении принципа их равноправия [2 с. 72].

Непосредственный объект преступления и в первую очередь его дополнительный и факультативный виды, предусмотренного ст. 142 УК РФ, по мнению автора, следует определять дифференцированно. Дело в том, что объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и 3 ст. 142 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие условия легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов. Факультативным объектом следует признавать нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума.

Согласно содержанию деяния, факультативный объект преступления в ч. 2 ст. 142 УК РФ представлен более широко: им могут быть отношения, характеризующие нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума; физическое или психическое здоровье личности; собственность; иные права и законные интересы граждан, охраняемые законом интересы организаций и государства. Это обусловлено спецификой объективной стороны преступления, содержащего различные способы его совершения.

При определении предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, надо исходить из его признаков. Им выступает документ, во-первых, изготовление (предоставление) которого входит в круг полномочий члена избирательной комиссии, комиссии референдума; уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; кандидата или уполномоченного им представителя; во-вторых, который оказал или мог оказать влияние на реализацию гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, на результаты выборов или референдума.

В ч. 2 указанной статьи речь идет о двух предметах преступления: подписях избирателей и других названных в уголовно-правовой норме лиц; подписных листах с заведомо подделанными подписями; в ч. 3 – избирательных бюллетенях; бюллетенях для голосования на референдуме; открепительных удостоверениях.

Вопреки имеющимся в литературе позициям в ст. 142¹ УК РФ закреплён один состав преступления, характеризующийся сложной структурой. В ней альтернативно указан лишь ряд деяний. Остальные же признаки состава преступления изложены одномерно. Объектом данного преступления выступают общественные отношения, характеризующие условия легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов и законодательства Российской Федерации, обеспечивающего точное определение итогов голосования и результатов выборов. Эти отношения нарушаются путем использования: 1) неучтенных бюллетеней; 2) неверных сведениях об избирателях, участниках референдума; 3) списков избирателей, участников референдума; 4) подписей избирателей, участников

референдума; 5) действительных бюллетеней с отметками избирателей; 6) бюллетеней; 7) протоколах об итогах голосования.

Преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, имеет иную правовую природу, нежели это определено законодателем. Совершение указанного преступления посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование профессиональной работе журналиста, законодателем определено в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Данный состав преступления является сложным по своей структуре, и характеризуется двумя непосредственными объектами. Основным объектом выступают средства массовой информации как подсистема – структурный элемент политической системы. Дополнительным объектом выступает неприкосновенность личности.

Статья 277 УК РФ предусматривает преступление, который имеет специфический механизм его совершения; в частности, последний предполагает включенность потерпевшего в конституционно-правовые отношения, характеризующие основы политической системы страны. Виновный, исключая государственного или общественного деятеля из указанных отношений, устраняет один из его элементов, тем самым нарушает указанные основы, определенные в Конституции Российской Федерации.

Государственный деятель – это лицо, занимающее должность, установленную: 1) Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 15.01.1995 № 32 (в ред. от 20.04.2021); 2) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента Российской Федерации от 04.12.2009 № 1381 (в ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» [3 с. 175].

Под общественным деятелем как потерпевшим в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ, понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в России политических партий, общественных объединений, профессиональных и иных союзов на федеральном или региональном уровнях.

В ст. 278 УК РФ указанные деяния посягают на два взаимосвязанные, но самостоятельные видовые объекты. Так первые два из них направлены на основы политической системы Российской Федерации, основным феноменом которой является государственная власть. Непосредственным объектом в этом случае выступают отношения, характеризующие легитимность последней, понимаемой как конституционную основу ее существования и функционирования, создания и деятельности органов государственной власти. Третье преступление

посягает на конституционный строй Российской Федерации, что непосредственно вытекает из сущности указанного в законе деяния.

Имеющееся в литературе ограничение ветвей государственной власти, на насильственный захват или удержание которых направлено рассматриваемое преступление, не основано на Конституции Российской Федерации, не вытекает из сути уголовно-правовой нормы. Уголовный закон одинаково охраняет как законодательную и исполнительную, так и судебную власть.

Окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно: первое будет считаться завершенным с момента совершения деяния, направленного на захват власти; второе – с момента совершения деяния, направленного на удержание власти; третье – с момента совершения деяния, направленного на изменение конституционного строя. Для наличия состава преступления не требуется совершения деяния, собственно, по захвату или удержанию власти, изменение конституционного строя. Надо особо подчеркнуть, что законодатель вообще не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменение конституционного строя.

Вопреки имеющимся утверждениям, специальная цель не является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, признание ее таковым не вытекает из описания уголовно-правового запрета, не согласуется с особенностями конструкции диспозиции нормы уголовного закона.

За совершение деяния, направленного на насильственный захват власти, и деяния, направленного на насильственное изменение конституционного строя России, несет ответственность общий субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет. Ответственность за действия, направленные на удержание власти, несет специальный субъект преступления – представитель органов государства, сформированных в соответствии с конституционными принципами, но обязанных согласно Конституции Российской Федерации, передать государственную власть политическим силам, пришедшим к власти конституционным путем.

Мы полагаем, что своевременность сообщения, о которой говорится в примечании к ст. 275 УК РФ (это примечание распространяется и на ст. 278 УК РФ), необходимо спрягать с такой стадией, как приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить. В рамках же приготовительных действий «своевременность» принципиального значения не имеет.

Объект преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, необходимо определять исходя из формулировки целей деяния: изменения конституционного строя Российской Федерации; нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Таким образом, объектом мятежа следует признавать конституционный строй и территориальную целостность Российской Федерации.

Мятеж как преступление должен обладать рядом объективных и субъективных признаков. К первым относятся: значительная группа лиц (в этом случае формализация вряд ли возможна в принципе); совершение насильственных

действий; наличие оружия; отказ подчиниться требованиям властей. К субъективному признаку относится указанная в законе цель.

Свержение конституционного строя России как цель мятежа заключается в стремлении виновных насильственным путем упразднить положения, закрепленные в гл. 1 Конституции Российской Федерации. Цель изменения конституционного строя предполагает трансформацию системы социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и охраняемых Конституцией Российской Федерации и другими конституционно-правовыми актами государства. Цель нарушения территориальной целостности охватывает либо нарушение суверенитета, либо федеративного устройства Российской Федерации.

Уголовно-правовые нормы, обеспечивающие функционирование основ политической системы России, требует совершенствования. Потребность в этом обусловлена рядом обстоятельств. Так, в ст. 141 УК РФ воспрепятствование осуществлению прав или полномочий и вмешательство в деятельность соответствующих комиссий и работу ГАС «Выборы» из-за существенных различий в сути указанных деяний следует предусмотреть в различных статьях Особенной части УК РФ. При этом надо иметь в виду, что нарушение тайны голосования вряд ли достигает того уровня общественной опасности, который присущ преступлению; для противодействия с этим деянием достаточно административно-правовых мер.

Принуждение, насилие и угроза применения насилия – перекрещивающиеся понятия, при этом первое из них имеет более широкое содержание, полностью охватывает второе. Указание в законе на эти оба способа совершения воспрепятствования явно некорректно, создает искусственные сложности в определении содержания каждого из них. Признание в качестве самостоятельного преступления так называемую продажу голосов ни социально, ни криминологически необоснованно. И наконец, слово «комиссия» следовало использовать в единственном числе, так как множественное число по общим правилам законодательной техники используется тогда, когда единственное число не образует соответствующего состава преступления.

Как известно, в законодательство о выборах и референдуме всесторонне и детально регламентируются вопросы финансирования избирательной кампании и кампании референдума. В связи с этим законодатель, формулируя уголовно-правовую норму (ст. 141¹ УК РФ), мог отразить суть уголовно-правового запрета, применив бланкетный способ описания диспозиции нормы, а для снижения уровня бланкетности указать такие криминообразующие признаки, как финансовые нарушения, обусловленные с незаконной поддержкой соответствующего лица (избирательного блока и т. д.); финансовые нарушения, связанные с расходованием средств избирательных фондов и фондов референдума; цель – оказание влияния на результаты выборов или референдума.

По мысли законодателя, термины «использование» и «расходование» в ч. 2 ст. 141¹ УК РФ означают разные по смыслу деяния, но слова, которыми они отражаются, являются синонимами. В связи с этим можно утверждать, что законодателем нарушено одно из важных правил законодательной техники: нельзя

одно и то же обозначать в норме разными словами либо придавать последним одинаковое лексическое значение.

В ст. 142¹ УК РФ нарушена логическая последовательность описания деяний, она не согласуется с процедурой подготовки и проведения голосования на выборах или референдуме, с очередностью осуществления соответствующих действий. Кроме того, перечень их видов характеризуется пробельностью.

Нужен принципиально другой подход, охватывающий иную оценку юридической природы преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. Указанную статью, в частности, предлагается сконструировать, предусмотрев в ней три уголовно-правовые нормы: одну для обеспечения функционирования институционально-субъектной, информационной подсистемы – важного структурного элемента политической системы, в том числе характеризующей состоянии демократии в стране; а остальные две нормы – для обеспечения безопасности журналиста в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей и его близких.

В Уголовном кодексе Российской Федерации имеется противоречие между сущностью закрепленного в ст. 279 УК РФ уголовно-правового запрета и названием гл. 29 УК РФ. Согласно данной статье, преступление посягает на конституционный строй Российской Федерации, в названии же главы говорится об основах конституционного строя. Заголовок, частично и текст ст. 279 УК РФ как вооруженный мятеж тавтологичен, поскольку мятеж и есть вооруженное выступление против законной власти.

По мнению автора, указанные предложения способны повысить эффективность уголовно-правовых норм, в том числе их предупредительный потенциал, стимулировать позитивное постпреступное поведение и обеспечить охрану политического строя России.

Список литературы

1. Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М., 2003. С. 683.
2. Дегтерев А. А. Нарушение условий легитимности государственной власти: уголовно-правовая характеристика: монография. Астрахань : Астраханский государственный университет, 2018. С. 129.
3. Дегтерев А. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против основ политической системы России: монография. М. : Проспект, 2020. С. 224.

*Лимарь А. С.¹,
адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ИГРОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Игорный бизнес как вид предпринимательской деятельности в России на протяжении всего времени существования привлекал к себе внимание широкого круга лиц. В настоящее время деятельность по организации и проведению азартных игр, обладающая высокой латентностью, представляет серьезную угрозу как экономической безопасности России, так и социальную угрозу для общества.

Незаконная деятельность по организации и проведению азартных игр способствует вовлечению различных социально-демографических категорий граждан, в частности, ее особой возрастной группы – несовершеннолетних, в игорную деятельность. Развитие патологической зависимости от участия в азартных играх представляет серьезную угрозу для общественной нравственности граждан Российской Федерации.

С целью защиты населения от вовлечения в азартные игры, а также защиты нравственности, прав и законных интересов граждан 29 декабря 2006 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон Российской Федерации № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Принятию данного Федерального закона способствовало выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с инициативой запрета азартных игр, охарактеризовав свою точку зрения на данную проблему как «нетерпимую в связи с засильем игровых автоматов».

Аналогичного мнения придерживается большинство ученых-криминологов, отмечая, что причины социально-негативных явлений, в том числе и таких как азартные игры, возникают на основе существующих противоречий социально-экономического, идеологического, нравственного и правового порядка [1, с. 122–127]. При этом среди негативных последствий деятельности по организации и проведению азартных игр особое место занимает проблема возрастания количества преступлений и правонарушений.

Незаконные игорные заведения, несмотря на существующий запрет деятельности по организации азартных игр вне определенных законодательством игорных зон, продолжают функционировать, что способствует получению незаконных доходов с последующей легализацией (отмыванием) преступного капитала. Стремительное развитие незаконной игорной деятельности, повлекшее рост числа преступлений в данной сфере, создает реальную опасность экономической стабильности государства.

¹ © Лимарь А. С., 2021.

Как справедливо отмечают многие исследователи, сфера деятельности по организации и ведению игорного бизнеса является благоприятной средой для распространения преступлений в силу большого количества наличных денег и кажущейся возможности сравнительно легкого способа получения денежных средств [2, с. 127, с. 61]. Преступления могут быть обусловлены как законной игорной деятельностью, так и незаконными организацией и проведением азартных игр.

Преступления, связанные с игорной деятельностью, довольно многочисленны и разнообразны как с точки зрения характера и степени общественной опасности, так и с точки зрения субъектов, их совершивших. Это преступления: против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти.

С точки зрения криминологии, преступления, связанные с незаконными организацией и проведением азартных игр, можно классифицировать следующим образом: насильственные преступления (ст.ст. 105, 110, 111, 112, 115, 119, 295, 317, 318 УК РФ), преступления против собственности (ст.ст. 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167 УК РФ), сопутствующие (сопровождающие) преступления (ст.ст. 126, 127, 146, 173¹, 174, 174¹, 175, 180, 199–199², 201, 204, 210, 213, 222, 222¹, 223, 223¹, 226, 228, 228¹, 228³, 228⁴, 229, 272, 273, 274, 285, 286, 290, 291, 291¹, 292, 293, 316, 319, 327 УК РФ).

Незаконные организация и проведение азартных игр поражают, в частности, общественные отношения в сфере охраны конституционных прав и свобод граждан. Среди преступлений, сопровождающих игорную деятельность, следует выделить общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав». Объективная сторона данного деяния выражается в незаконном использовании объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретении, хранении, перевозке контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенных в крупном размере. Применительно к незаконным организации и проведении азартных игр это выражается в незаконной установке и использовании программного обеспечения для игровых автоматов.

Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, по фактам незаконных организации и проведению азартных игр в 2019 г. было изъято 4 234 игровых автоматов (в 2018 г. – 8 969), 23 рулетки (в 2018 г. – 30), 294 игровых стола (в 2018 г. – 205) и 11 453 системных блока (в 2018 г. – 18 210) [3].

В большинстве выявленных случаев в игровом оборудовании были установлены игровые электронные платы с имеющимися на них игровыми программами, правообладателем которых являлась компания «Novomatic AG». Так, например, приговором Октябрьского районного суда г. Уфы от 26 мая 2020 г. Валиев Р. И. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 171², п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ. Судом установлено, что с октября 2018 г. до 16 января 2019 г. Р. И. Валиев, осознавая противоправность своих действий, выступая в роли администратора игрового клуба, действуя умышленно, с целью извлечения незаконного дохода, незаконно организовал и проводил азартные игры с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, то есть на

территории г. Уфы Республики Башкортостан. 16 января 2019 г. в ходе проведенного сотрудниками полиции осмотра места происшествия были обнаружены и изъяты 6 единиц игрового оборудования. Согласно заключениям экспертов установлено, что изъятые электронные платы из игрового оборудования, соответствуют оригинальным игровым программам «Novomatic AG» и ООО «Игро-софт» (Россия). Имея умысел на нарушение авторских прав компании «Novomatic AG», Валиев Р.И. не обращался в компанию «Novomatic AG» и не заключал с ней договоров, дающих право использовать игровые программы и товарные знаки, исключительные права на которые принадлежат компании «Novomatic AG», приобрел не менее 23 игровых автоматов со встроенными в них электронными платами с программным обеспечением для этих игровых автоматов, которые разместил в арендованный им жилой дом для незаконного использования при проведении азартных игр и извлечения незаконного дохода от данной деятельности [4].

Незаконные организация и проведение азартных игр представляют собой сегмент теневой экономики, поэтому нейтрализация криминогенной ситуации в сфере игровой деятельности и экономической деятельности в целом должны стать стратегическим, приоритетным направлением государственной политики в области борьбы с преступностью. Сегодняшняя политика в сфере игорного бизнеса демонстрирует нам, с одной стороны, целенаправленную деятельность государства на искоренение азартных игр и, с другой стороны, невозможность противодействия данным негативным явлениям.

Незаконные организация и проведение азартных игр посягают не только на сферу экономической деятельности, но и обладают способностью детерминировать другие виды преступлений (убийства, кражи, грабежи, разбои и др.). Таким образом, преступления в виде незаконных организации и проведения азартных игр самым неблагоприятным образом влияют на уровень общей преступности. К тому же, увлечение азартными играми представляет реальную угрозу для общественной нравственности. В результате распространения нелегальных игорных заведений и игровых автоматов в обществе возникла и получила широкое распространение новая болезнь – лудомания (влечение к азартным играм), представляющая опасность для лиц, попавших в долговую и психологическую зависимость от азартных игр. Эти обстоятельства позволяют сделать вывод о высокой общественной опасности незаконной игровой деятельности, и необходимости реализации комплексных криминологических мер, направленных на предупреждение преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр.

Список литературы

1. Иванцов С. В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. 2015. №. 3. С. 122–127.
2. Севостьянов Р. А., Просвирин Е. В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса: монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 127.

3. Орлова Л. А. Факторы, снижающие эффективность правового регулирования игровой деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 61.

4. Состояние преступности в России за 2018–2020 гг. Сведения о преступлениях экономической направленности, а также о причиненном, возмещенном материальном ущербе и стоимости имущества, на которое наложен арест Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС и ведомственного отчета МВД России формы 1-А. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.04.2021).

5. Приговор № 1-129/2020 Октябрьского районного суда г. Уфы от 26 мая 2020 г. по делу № 1-129/2020 URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

Алимирзаев Э. А.¹,

аспирант кафедры уголовного права и процесса

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 244 УК РФ

По последним данным, представленным на сайте МВД России, количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, занимает 0,018 % от всех зарегистрированных в 2020 г. в Российской Федерации преступлений, что показывает малый удельный вес этих уголовно-наказуемых деяний в структуре преступности [1].

По мнению Р. Б. Осокина, общественная опасность надругательства над телами умерших и местами их захоронения преступления обусловлена умалением нравственных ценностей, принципов, правил и моральных норм в отношении умерших, нарушением памяти о них [2, с.74–78; с. 271–273; с. 214–217].

Анализ диспозиции ст. 244 УК РФ свидетельствует, что согласно его содержанию, упор делается на такой признак объективной стороны состава преступления, как «надругательство над телами умерших». Ряд ученых считает, что объективная сторона анализируемого преступления включает другие, менее оценочные признаки, а именно: уничтожение, повреждение, осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий. Данное противоречие вызывает трудности при квалификации совершенного преступления. По мнению А. С. Шокель, совершение иных, отличных от надругательства над телами умерших, действий, закрепленных в качестве альтернативных в диспозиции ст. 244 УК РФ, наряду с самим надругательством, могут квалифицироваться по совокупности преступлений [3, с. 20]. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. указала, что надругательство над телами умерших направлено на совершение таких безнравственных, оскверняющих или циничных действий в отношении человеческих останков, как извлечение из могилы, нанесение повреждений, расчленение трупа, обнажение, похищение одежды, находящейся на теле умершего, ценных украшений, зубных коронок, несанкционированное перезахоронение останков и т. д. [4, с. 47, 48].

Напротив, Р. Б. Осокин и А. В. Курсаев считают, что похищение предметов при теле умершего не является конститутивным признаком надругательства, а следовательно, не может быть его формой [5, с. 55].

Стоит уделить внимание при изучении надругательства словосочетанию «грубое издевательство». На основании выше представленных мнений экспертов стоит заметить, что оно означает не только поведение по отношению к кому

¹ © Алимирзаев Э. А., 2021.

или чему либо, но и дерзкий (оскорбительный) поступок в отношении чего-либо [6, с. 135; с. 240; с. 250].

По мнению В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной, надругательство над телами умерших в ст. 244 УК РФ состоит в оскорбительных действиях, выраженных в уничтожении, осквернении, повреждении места захоронения и кладбищенских зданий, иных действиях, направленных на глумление над трупом человека [7, с. 286].

На основании анализа толковых словарей само понимание «уничтожение» раскрывается с одинаковой смысловой нагрузкой и отражается в прекращении существования чего-либо или кого-нибудь. Повреждение в данном случае состоит в причинении вреда (испортить, поранить, поломать).

Осквернение включает в себе позор, подвергание или поругание, уничтожение, ломание в отношении чего-либо или кого-либо [8, с. 509; с. 529; с. 162].

Учитывая вышеизложенное, следует резюмировать, что надругательство над телами умерших нуждается в расширительном толковании, доктринальное не всегда коррелирует с судебным с учетом отсутствия легального толкования анализируемого признака объективной стороны состава самоуправства.

Учитывая вышеизложенное, в результате исследования объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, следует резюмировать, что надругательство над телами умерших является родовым понятием и включает в себя уничтожение, повреждение и осквернение, иные действия, совершаемые в отношении умерших и (или) в местах их захоронения. Судебная практика характеризуется неточностью казуального толкования термина «надругательство» применительно к ст. 244 УК РФ, что ведет к ошибочной квалификации действий виновных и избеганию ими уголовной ответственности.

Список литературы

1. Состояние преступности. Сайт МВД URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 09.06.2021).
2. Осокин Р. Б. Общественная нравственность: опыт теоретико-инструментального анализа // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. №. С. 74–78.
3. Осокин Р. Б. К вопросу о предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6 (110). С. 271–273.
4. Осокин Р. Б. К вопросу о природе чести и достоинства как нравственных категорий // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 214–217.
5. Шокель А. С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20.
6. Право в Вооруженных Силах. 2005. № 3. С. 47–48.

7. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 55.

8. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. С. 135, 232.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2007. С. 240.

10. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2014. С. 250.

11. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. С. 286.

12. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. С. 509.

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2007. С. 529.

14. Словарь русского языка: в 4. Т. 3. П-Р / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз. 1983. С. 162.

Черепенников Р. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

МОТИВ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 145¹ УК РФ

Право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера труда относится к социально-экономическому праву и входит в особую группу основных прав человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Реализуя это конституционное право, законодатель конкретизирует положения по защите прав работника на получение вознаграждения за труд в административном, трудовом и уголовном законодательстве.

Одна из форм воздействия на общественные отношения в сфере порядка выплаты вознаграждения за труд – это обеспечение уголовно-правовой охраны этих отношений, путем установления уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

Особенность квалификации преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, состоит в том, что субъективная сторона состоит из двух обязательных признаков – вины и мотива, где в качестве последнего законодателем указывается корыстная или иная личная заинтересованность. Такая законодательная конструкция субъективной стороны приводит к сложностям применения данной нормы, что неоднократно отмечалось исследователями в данной области.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, показал, что: в 2015 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 145¹ УК РФ, было осуждено 146 лиц; в 2016 – 225 лиц; в 2017 – 273 лица; в 2018 – 269 лиц; в 2019 – 208 лиц; в 2020 – 158 лиц [1].

Согласно этим же статистическим данным, все решения судов были вынесены по делам о невыплате заработной платы. В связи с этим в данной статье нами рассматриваются признаки преступления в отношении исключительно невыплаты заработной платы.

При огромных объемах денежных средств невыплаченных по заработной плате работникам различных предприятий, учреждений, обществ, столь малое количество выявленных преступлений и осужденных лиц за совершение преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 145¹ УК РФ, свидетельствует о том, что правоприменителем неоднозначно понимается смысл данной уголовно-правовой нормы.

Сравнительный анализ статистических данных о поступивших в суд дел в порядке гражданского судопроизводства, поражает объемом заявленных иско-

¹ © Черепенников Р. В., 2021.

вых требований о взыскании невыплаченной заработной платы. Так в: 2015 г. в суд поступило 373 325 дел, суммы денежных средств, присужденные к взысканию по удовлетворенным искам, включая моральный вред составили 14 390 772 104 рублей; 2016 г. в суд поступило 497 850 дел, суммы, присужденные к взысканию по удовлетворенным искам, включая моральный вред, составили 19 160 714 492 рублей. Окончено в порядке гражданского судопроизводства о взыскании заработной платы в 2017 г. – 474 692 дела, суммы, присужденные к взысканию по удовлетворенным искам, включая моральный вред, составили 15 937 609 738 рублей. В 2018 г. в суд поступило 341 541 дело, сумма заявленных исковых требований составила 18 282 163 746 рублей; в 2019 – поступило 266 969 дел, сумма заявленных исковых требований составила 33 830 673 041 рублей; в 2020 – поступило 190 881 дело, сумма заявленных исковых требований ставила 42 955 202 353 рублей [2].

Таким образом, возбуждение уголовных дел за совершение преступлений, предусмотренных ст. 145¹ УК РФ, носит единичный характер, а лица, совершившие общественно опасное деяние, уходят от уголовной ответственности и наказания.

Анализ проверочных материалов по сообщениям о преступлениях, предусмотренных ст. 145¹ УК РФ, показывает, что в возбуждении уголовного дела отказывается в связи с отсутствием в действиях лица корыстной или иной личной заинтересованности при невыплате заработной платы.

Корысть в общепринятом понимании всегда ассоциируется с низменным побуждением человека. Так, лексическое значение слова «корысть» означает стремление к наживе, жадность к деньгам; выгода, материальная польза. В. А. Владимиров и Ю. И. Ляпунов точно замечали, что корысть – «это всегда порицаемое аморальное, низменное побуждение, характеризующее поведение человека как частнособственническое, стяжательское, узкоэгоистическое. Побуждаемый корыстью, человек стремится к получению материальной выгоды паразитическим путем, вразрез с общественными интересами, за счет труда других членов общества» [3, с. 50, 51]. Исследователями предлагались различные решения вопроса о содержании субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ [4, с. 9; с. 289].

Вопрос о содержании мотива, выступающего обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, остается нерешенным.

Принятое 25 декабря 2018 г. постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» не внесло ясности в вопросы оценки мотивации при невыплате заработной платы. Так в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъясняется, что деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 145¹ УК РФ квалифицируются соответственно по ч. 1 или 2 ст. 145¹ УК РФ лишь при совершении указанных деяний умышленно, из корыст-

ной или иной личной заинтересованности. В разъяснении не конкретизируется, что понимать под корыстной или иной личной заинтересованностью [5].

Систематический анализ постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации показывает, что высшим судебным органом неоднократно разъяснялись понятия «корыстной» или «иной личной заинтересованности». Так в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в п. 11 предлагается под корыстными побуждениями понимать стремление к получению материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) [6]. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» в п. 8 корыстные побуждения связываются с целями получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.), а равно с получением исполнителем преступления материального вознаграждения или освобождением от материальных затрат [7].

Наибольшее внимание корыстной или иной личной заинтересованности уделяется в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где в п. 16 при решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) подсудимого состава преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ, под корыстной заинтересованностью следует понимать стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.); а под иной личной заинтересованностью – стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении любого вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п. [8].

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех случаях судебный орган, определяя содержание корыстной или иной личной заинтересованности, приводит открытый перечень в виде стремлений, желаний, побуждений, целей действия или результатов, свидетельствующих о противопоставлении личных интересов интересам общества.

Анализ федеральных законов показывает, что законодатель установил определенную очередность списания денежных средств со счета работодателя, в которой отражается важность приоритета (иерархия ценностей) охраняемых общественных отношений в сфере порядка выплаты заработной платы. Это вытекает из нескольких положений законодательства.

Во-первых, ст. 855 ГК РФ (Части второй) устанавливает, что списанию денежных средств по исполнительным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств для расчетов по выплате выходных пособий и оплате труда с лицами, работающими или работавшими по трудовому договору (контракту), отдается приоритет перед списанием денежных средств со счета по поручениям налоговых органов на списание и перечисление задолженности по уплате налогов и сборов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, а также поручениям органов контроля за уплатой страховых взносов на списание и перечисление сумм страховых взносов в бюджеты государственных внебюджетных фондов; по исполнительным документам, предусматривающим удовлетворение других денежных требований; по другим платежным документам в порядке календарной очередности.

Во-вторых, ч. 2 ст. 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 20.04.2021), где требованиям об оплате труда лиц, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору, а также требованиям о выплате выходных пособий отдается предпочтение перед требованиями по эксплуатационным платежам.

Таким образом законодатель стоит на твердой позиции, нацеливая работодателей на первоочередное решение вопросов, связанных с выплатой заработной платы.

Ссылки виновных при невыплате заработной платы на их стремление первоначально осуществить выплаты по поручениям налоговых органов на списание и перечисление задолженности по уплате налогов и сборов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, а также поручениям органов контроля за уплатой страховых взносов на списание и перечисление сумм страховых взносов в бюджеты государственных внебюджетных фондов по текущим, коммунальным платежам, платежам по договорам энергоснабжения и иным аналогичным платежам, являются несостоятельными и должны рассматриваться правоприменителем как подтверждение корыстных побуждений.

При установлении в процессе доказывания наличия денежных средств на счетах работодателя в момент срока выплаты заработной платы и производство любых финансовых операций в этот период, исключающих начисления работникам заработной платы, необходимо расценивать как удовлетворение корыстных побуждений.

Список литературы

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт

Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>. (дата обращения: 12.05.2021).

2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>. (дата обращения: 12.05.2021).

3. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М.: Юридическая литература, 1986. С. 50–51.

4. Кокорин Д. Л. Уголовно-правовая характеристика невыплаты заработной платы: автореферат дисс. ...канд. юрид. наук. 12.00.08. Тюменский юридический институт МВД России. Тюмень. 2009. С. 9.

5. Колосова В. И., Батыгина Е. Ю. Мотив как криминообразующий признак преступления, предусмотренного статьей 145¹ УК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012, № 3(1). С. 289.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // «Российская газета», № 1, 09.01.2019, «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», № 2, февраль, 2019.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // «Российская газета», № 24, 09.02.1999, «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», № 3, 1999.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // «Российская газета», № 296, 31.12.2019, «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», № 3, март, 2020.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // «Российская газета», № 207, 30.10.2009, Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 12, декабрь, 2009.

Мурадян С. В.¹,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Налог на добавленную стоимость (далее-НДС) является федеральным налогом, исчисляемым на территории России по всем сделкам при реализации товаров и услуг, а также при импорте товаров и услуг в Российской Федерации. Учитывая столь широкое распространение, можно с точностью оценить высокую роль указанного налога, как источника формирования федерального бюджета, с одной стороны, а с другой стороны, значение его суммы для субъектов налогообложения. В совокупности с тем, что основная ставка НДС в России для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, составляет на сегодняшний день 20 %, вполне объяснимо активное стремление недобросовестных налогоплательщиков всеми возможными способами получать необоснованную выгоду при расчетах и уплате НДС. Каким образом расценивать в этом случае действия предпринимателей вопрос неоднозначный. Бизнес-сообщество предполагает, что степень общественной опасности таких деяний позволяет ограничиваться их квалификацией, как налоговых правонарушений или налоговых преступлений в зависимости от суммы причиненного ущерба. По их мнению, существующая система проверки поступающих деклараций достаточно эффективна, а, следовательно, и претерпеваемые государством риски, минимальны.

На наш взгляд, создание ложных оснований возмещения налога, все-таки, более общественно-опасное деяние и требует квалификации, исходя из особенностей объективной стороны по ст. 159 УК РФ. В этом и заключаются основные сложности при осуществлении юридической оценки случаев незаконного возмещения НДС, когда на первый взгляд одни и те же действия могут быть квалифицированы и как уклонение от уплаты налогов, и как мошеннические действия. На практике это выглядит так. Если компания в декларации указывает сумму НДС, необходимую к уплате за отчетный период в размере 70 тыс. рублей, а должна уплатить 100 тыс. рублей, то действия ответственного лица квалифицируются, как содержащие признаки уклонения от уплаты налогов, то есть по ст. 199 УК РФ. А вот если компания должна уплатить 100 тыс. рублей в качестве НДС, подлежащего к уплате за отчетный период, платит 100 тыс. рублей, а затем возмещает 30 тыс., тогда усматриваем в действиях лица признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. В первом случае, речь идет о недопоступлении денежных средств в федеральный бюджет, во втором же об их хищении из бюджета Российской Федерации.

Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ хищение представляет собой противоправное безвозмездное изъятие и/или обращение чужого имущества в

¹ © Мурадян С. В., 2021.

пользу виновного или других лиц, совершенное с корыстной целью и причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Так вот вынужденные действия государства в виде перевода на расчетный счет юридического лица или индивидуального предпринимателя денежных средств из федерального бюджета в ответ на обращение предпринимателя в форме декларации, содержащей недостоверные сведения, внесенные в целях незаконного возмещения НДС, отвечают всем признакам хищения.

Позиция предпринимателей несколько иная. С их точки зрения ст. 159 и ст. 199 не даром размещены законодателем в разных главах УК РФ. Это сделано в связи с различными объектами посягательства. В случае уклонения от уплаты налогов во всех его видах, объектом посягательства выступает экономическая безопасность страны, а не отношения собственности, как в рамках состава мошенничества. Если правоохранительные органы сумеют доказать наличие в действиях лица признаков мошенничества, то ему будет грозить наказание вплоть до лишения свободы сроком на 10 лет. В случае установления в действиях лица признаков налогового преступления, максимально возможное наказание для предпринимателя составит до 6 лет лишения свободы. Но, что самое главное, в случае возмещения в бюджет назначенного штрафа и причиненного неуплатой налогов ущерба, уголовное дело может быть прекращено без назначения какого-либо наказания вовсе. В принципе, не имеет никакого значения на какой стадии предприниматель принимает решение о возмещении ущерба, это возможно реализовать, как на стадии доследственной проверки, так и уже на стадии возбуждения уголовного дела. Преимущества первого варианта заключаются в том, что до возбуждения уголовного дела еще не могут проводиться следственные действия, которые могут воспрепятствовать осуществлению хозяйственной деятельности субъекта вплоть до ее полной приостановки. Это один из наиболее острых моментов, который возникает в вопросах взаимоотношений предпринимателей и правоприменителей в ходе расследования ряда преступлений в сфере экономической деятельности. Имеются примеры, когда деятельность крупных компаний с многомиллиардным доходом блокировалась из-за установления факта незаконного возмещения НДС на небольшие суммы. Что в итоге влекло за собой полное приостановление деятельности данного хозяйствующего субъекта с потерей огромного числа рабочих мест и нанесение существенного урона экономике государства.

Несмотря на возмещение ущерба, уголовное дело все равно возбуждается, но затем следователь его прекращает на основании ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. При этом лицо освобождается от уголовной ответственности за совершения преступлений, предусмотренных ст. 198-199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, если оно впервые совершает налоговое преступление и полностью возмещает ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления.

Второй спорный момент связан со сложностью реального установления умысла генерального директора, например, большого межрегионального холдинга на совершение незаконного возмещения НДС. Холдинги подобного рода функционируют, как правило, следующим образом. Головной офис расположен

в одном городе, компании, непосредственно осуществляющие производственную и иную хозяйственную деятельность в различных субъектах России, а иногда и в других государствах, а ведение учета передано на бухгалтерский аутсорсинг компании, расположенной еще в одном регионе страны. Естественно, в компании осуществляется электронный документооборот, а генеральный директор для поддержания оперативности процесса подписывает электронной подписью представляемые налоговые декларации, в большинстве случаев, де-факто, не имея реальной возможности проверить имеющиеся там сведения. Еще сложнее будут обстоять дела, если директор вовсе не признает, что подписывал данные документы, и что, цифровая подпись на них поддельная.

В первом случае, исходя из материалов судебно-следственной практики, возможно возбуждение уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ в отношении генерального директора, либо группы лиц по предварительному сговору – генерального директора и главного бухгалтера и третий вариант – в отношении неустановленного круга лиц. Третий вариант, хотя и наиболее приемлем с точки зрения реализации принципа вины, но вызывает не меньше сомнений, поскольку возбуждение уголовного дела в отношении неустановленного круга лиц стало возможно несмотря на то, что основанием для такого возбуждения послужили материалы проверки налоговой инспекции, содержащей декларацию, подписанную именно генеральным директором.

В изложенной ситуации правоприменителям иногда удастся вменить генеральному директору холдинга еще и ст. 199.2 УК РФ, поскольку в ходе расследования подобных преступлений всегда проверяется возможное сокрытие денежных средств либо имущества организации, за счет которых должно быть произведено взыскание причиненного ущерба.

Но, пожалуй, самым дискуссионным моментом при квалификации деяний, связанных с незаконным возмещением НДС является недобросовестность одного из контрагентов, когда он не уплачивает НДС с операций по продаже товаров, компании, подающей сумму НДС к возмещению. Допустим к возмещению компания подает сумму в размере 5 млн. рублей, но в ходе проверки налоговой инспекцией устанавливается, что 300 тыс. среди заявленных 5 млн. не были уплачены одним из контрагентов. С точки зрения действующего фискального законодательства, правоприменительная практика признает виновной компанию, которая подала декларацию, но не недобросовестного контрагента. Действия ответственного лица в компании снова расцениваются как мошенничество.

На основании декларации, в которой компания указывает сумму НДС, подлежащую возмещению из бюджета, налоговая инспекция начинает проверку деятельности данной компании и ее контрагентов. В результате которой может, например, прийти к выводу о недобросовестности кого-то из контрагентов и разрыве взаимоотношений, когда контрагент по каким-либо причинам НДС, истребуемый компанией-декларантом к возмещению, не уплатил. Тогда налоговой инспекции необходимо установить, знала-ли компания-декларант об этой неуплате и не была-ли ее инициатором. Если решение положительное, то собранные доказательства налоговая инспекция направляет в следственные орга-

ны для принятия решения о возможности возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ.

И тогда компания вступает в два параллельных процесса защиты своих прав. В рамках арбитражного процесса отстаивает необходимость возмещения ей НДС, а в рамках уголовного судопроизводства доказывает невиновность конкретных лиц в совершении мошеннических действий.

В рамках арбитражного процесса суды оценивают представленные доказательства и принимают решение, руководствуясь правовой позицией, изложенной в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». Например, по заявлению общества о признании недействительным решения Межрайонной инспекции ФНС № 11 по Вологодской области от 20.11.2017 № 13-20/10 в части доначисления 27 621 615 рублей 17 коп. НДС и пеней по НДС в соответствующей сумме, суд, отказав в удовлетворении требований, исходя из доказанности инспекцией невозможности поставки контрагентом (ООО «Прометей») товаров, нереальности хозяйственных операций со спорным контрагентом, не проявления должной осмотрительности при выборе контрагентов, создания формального документооборота с целью получения необоснованной налоговой выгоды в виде незаконного возмещения из бюджета НДС [1].

И если в приведенном примере имеются сомнения, исходя из обоснованности выводов относительно реального умысла уполномоченного лица компании на совершение мошеннических действий, и верности оценки налоговой инспекцией контрагентов, то в следующем примере, в очевидности намерений самой компании-декларанта сомнений не возникает.

В связи с несогласием компании с доначислением управлением ФНС налога на прибыль в сумме 81 822 015 рублей и НДС в сумме 73 639 814 рублей, соответствующих сумм пеней и штрафов, общество обратилось в арбитражный суд.

При рассмотрении дела судами установлено, что между заявителем и обществами «Глобалстрой», «СитиСтройСервис», «Стройсервис», «УралПромСтрой», «Лазурит-ЛТД» заключены договоры на выполнение строительно-монтажных работ. Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, суды согласились с выводами налогового органа о том, что первичные учетные документы не подтверждают реальность спорных хозяйственных операций заявителя с указанными контрагентами, направлены на создание фиктивного документооборота в целях получения необоснованной налоговой выгоды в виде незаконного возмещения сумм НДС из бюджета и включения затрат в расходы, уменьшающие налогооблагаемую базу по налогу на прибыль.

Судебные инстанции указали, что данные контрагенты не могли выполнять обязательства по договорам в силу отсутствия управленческого и технического персонала, основных средств, производственных активов, собственных или арендованных складских и производственных помещений, перечисленные за работы денежные средства обналичивались либо переводились в офшорные юрисдикции, спорные работы выполнялись обществом собственными силами. То есть налицо схема с использованием «фирм-однодневок» [2].

Похожая схема получения необоснованной выгоды при исчислении НДС использовалась в Ростовской области. ФНС № 13 по Ростовской области вынесло решение от 30.03.2018 № 61374 о привлечении общества к ответственности по п. 1 ст. 122 Налогового кодекса Российской Федерации в виде штрафа в размере 2 093 296 рублей 40 копеек, кроме того, начислены 10 466 482 рубля НДС, 1 194 824 рубля 27 копеек пени. Основанием для привлечения к налоговой ответственности и начисления НДС послужил вывод налогового органа о необоснованном применении обществом налоговых вычетов на основании счетов-фактур, оформленных от имени ООО «Х-Спектр». Суд первой инстанции исходил из направленности действий налогоплательщика на получение необоснованной налоговой выгоды в виде незаконного возмещения НДС посредством участия в формальном документообороте в отсутствие реальной хозяйственной деятельности с подконтрольным обществу контрагентом – ООО «Х-Спектр». При этом суд установил, что ООО «Х-Спектр» является подконтрольной обществу организацией; ООО «Х-Спектр» и общество находятся по одному адресу, бухгалтерский учет ведется с одного IP-адреса, закупкой товаров в данных организациях занимается один и тот же сотрудник (Дорошева И. Ю.); заместитель директора ООО «Х-Спектр» Панченко Е. М. является также директором общества; Поздняков Н. Н. и Плотникова О. А. одновременно являются работниками общества и ООО «Х-Спектр»; у поставщиков второго звена отсутствуют необходимые условия для достижения результатов соответствующей экономической деятельности (технический персонал, основные средства, производственные активы, складские помещения, транспортные средства); с расчетного счета контрагента обналичивались денежные средства с использованием различных схем (договор поручительства, выдача займов, снятие наличных денежных средств) [3].

В качестве еще одного примера мошеннических действий в рамках НДС можно привести деятельность завода, который производит оборудование, за реализацию которого получает исходящий НДС. Для производства данного оборудования нужны составляющие, которые завод закупает у контрагента, получая входящий НДС. Если в определенном периоде входящий НДС превысит исходящий, тогда у завода появляются основания для возмещения разницы из бюджета. Реализовать свое право можно путем зачисления на свой счет или же направления в счет уплаты предстоящих платежей по НДС. Соответственно, если в ходе камеральной проверки таких действий завода не будут подтверждены некоторые сделки с контрагентом, и сумма вычета будет уменьшена, тогда появляются основания для возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ. Но данное преступление будет неоконченным, поскольку не наступят последствия в виде получения денежных средств заводом и окончательная квалификация будет по ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Анализ приведенных примеров, подтверждает вывод о том, что преступления в сфере экономической деятельности – это всегда спектр взаимоотношений бизнеса и правоприменителей. Никогда нельзя с уверенностью утверждать, что одно деяние имеет исключительно черный окрас, а другое исключительно белый. И налоговые преступления не являются исключением. На наш взгляд, следует рассмотреть возможность урегулирования такого многогранного спектра с

помощью института медиации. «Лучшая драка – это драка без драки». Пожалуй, это наиболее подходящий девиз при решении вопроса о возможности использования третьей незаинтересованной, но достаточно компетентной и устраивающей обе стороны спора, в вопросах урегулирования налоговых правоотношений, стороны. Безусловно, сначала необходимо решить вопрос, связанный с возмещением ущерба, особенно, если это касается налоговых преступлений. Тем не менее, многогранность и неоднозначность процесса налоговых правоотношений между субъектами предпринимательской деятельности и государственными органами, позволяет сделать вывод, что использование исключительно формальных процедур способно еще больше его усложнить. Медиация же повысит степень доверия предпринимательского сообщества и, в целом, всех граждан к налоговому регулированию в России, а государство, в качестве выгоды, с одной стороны, получит оперативное и полное возмещение ущерба, а с другой, оно не будет нести судебных издержек.

Список литературы

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 307-ЭС20-14530 по делу № А13-6137/2018 Требование: О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании частично недействительным решения налогового органа. Решение: В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отказано, поскольку суды, отказывая в удовлетворении требований, исходили из доказанности инспекцией невозможности поставки контрагентом товаров, нереальности хозяйственных операций со спорным контрагентом, непроявления должной осмотрительности при выборе контрагентов, создания формального документооборота с целью получения необоснованной налоговой выгоды в виде незаконного возмещения из бюджета НДС. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2021).

2. Определение Верховного Суда РФ от 30.04.2020 № 305-ЭС20-4787 по делу № А40-62254/2018 Требование: О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу по заявлению о признании недействительным решения налогового органа об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. Решение: В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано, поскольку суды пришли к выводу о законности решения управления: представленные обществом первичные учетные документы не подтверждают реальность спорных хозяйственных операций заявителя с указанными контрагентами, направлены на создание фиктивного документооборота в целях получения необоснованной налоговой выгоды в виде незаконного возмещения сумм НДС из бюджета и включения затрат в расходы, уменьшающие налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2021).

3. Определение Верховного Суда РФ от 21.10.2020 № 308-ЭС20-17413 по делу № А53-31479/2018 Требование: О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании частично недействительным решения налогового органа. Решение: В передаче дела в Судебную коллегия по экономиче-

ским спорам ВС РФ отказано, поскольку суд первой инстанции пришел к выводу о правомерности произведенных управлением доначислений НДС, сумм пеней и штрафа, исходя из направленности действий налогоплательщика на получение необоснованной налоговой выгоды в виде незаконного возмещения НДС посредством участия в формальном документообороте в отсутствие реальной хозяйственной деятельности с подконтрольным обществу контрагентом. Суд кассационной инстанции поддержал выводы суда первой инстанции // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2021).

*Маркелов С. В.¹,
доцент кафедры Военного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Важную роль в борьбе с преступностью, в том числе и в исправительных учреждениях, играют криминалистические средства и методы. Они позволяют обнаруживать и изымать невидимые и слабовидимые следы, получать розыскную и доказательственную информацию, облегчают отыскание тайников, обеспечивают высокую степень документальности фиксации обстановки, в которой производится следственное действие, способствуют повышению производительности труда следователя.

Под технико-криминалистическим обеспечением понимается организационно-функциональная система (деятельность), направленная, с одной стороны, на создание условий постоянной готовности ее субъектов к применению криминалистической техники, к быстрому и результативному решению технико-криминалистических задач, а с другой – на практическую реализацию этих усилий в целях получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации и ее использование в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений [1, с. 31]. Практика борьбы с преступностью убедительно показывает, что правоохранительные органы без соответствующим образом организованной и эффективно функционирующей системы криминалистического обеспечения их деятельности по предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений удовлетворять предъявляемым обществом требованиям не могут. Следует отметить, что расследование преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, имеет очевидную специфику. Н. Г. Шурухов, анализируя условия, влияющие на расследование преступлений, совершенных в исправительных учреждениях выделяет три основные группы: положительные, отрицательные и смешанные факторы [2, с. 101–107]. К факторам, отрицательно сказывающимся на деятельности следователя и лица производящего дознание, при расследовании преступлений, совершенных осужденными в исправительном учреждении, указанный автор относит: осведомленность большинства осужденных, совершивших преступления в ИУ, о процессуальном порядке расследования; продуманность, ухищренность способов совершения преступлений; особенности психики осужденных; противодействие расследованию со стороны осужденных; затруднительность эффективного использования специальных знаний (преимущественно в форме участия специалистов в следственных действиях) при расследовании преступлений в ИУ; недостаточную оснащенность ИУ научно-техническими средствами, неумение работников ИУ (лиц, производящих дознание) правильно применять их при производстве неотложных следственных действий. Факторы, положительно сказывающиеся на ходе расследования, по его мнению, следующие: ограничен-

¹ © Маркелов С. В., 2021.

ность круга лиц, которых могут заподозрить в совершении преступления в определенном месте, определенным способом; возможность быстрого получения информации о преступлении, совершенном в исправительном учреждении; возможность быстрого получения сведений, характеризующих лицо, совершившее преступление; возможность быстрого задержания и изоляции осужденного, совершившего преступление; возможность широкого и эффективного использования розыскных, режимных и административных мер в раскрытии и расследовании преступлений в ИУ; возможность более эффективного использования организационной и технической помощи при расследовании преступлений, совершенных осужденными в ИУ.

Смешанные факторы могут оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на расследование преступлений в ИУ. К их числу обычно относят: ограниченность территорий ИУ, в пределах которой обычно совершаются преступления; наличие очевидцев совершения преступления [3, с. 103–105].

Непосредственно на применение технико-криминалистических средств оказывает влияние территориальный фактор. Исторически сложилось, что на территории Российской Федерации исправительные учреждения располагаются в основном вдали от крупных населенных пунктов. Удаленность этих исправительных учреждений в сочетании с достаточно сложной процедурой пропуска в них обуславливает существование проблемы привлечения к производству следственных действий различных специалистов, в первую очередь – криминалистов, что, безусловно, может негативно повлиять на качество производства следственных действий [4, с. 152–155]. Вследствие ограниченности территории исправительных учреждений в сочетании с высокой концентрацией осужденных, также имеется значительный риск уничтожения (изменения) осужденными материальных следов преступления. Данная специфика процесса формирования имеющих доказательственное значение материальных следов определяет такое требование, предъявляемое к процессу расследования в условиях исправительного учреждения, как незамедлительность и, по возможности, одновременность производства необходимого комплекса следственных действий, направленных на собирание материальных следов преступления. Следственная практика показывает, что интенсивное использование технических средств, криминалистических способов, приемов и рекомендаций в проведении следственных действий позволяет избежать утраты следов преступления и вещественных доказательств, исключить фальсификацию сведений, упреждает потерю доказательственной информации, тем самым оставляет меньше шансов заинтересованным лицам осуществлять противодействие расследованию.

Использование технических средств, криминалистических способов и рекомендаций дает следователю (другим участникам процессуального действия) возможность получить значительный объем доказательств, сориентироваться в механизме противоправного деяния, деятельности отдельных участников. А также выдвинуть и в последующем проверить обоснованные версии и представить для себя картину произошедшего события.

Выбор технических средств при производстве следственных действий зависит от ряда обстоятельств и прежде всего от вида и характера конкретного

следственного действия, времени года, погодных условий, этапа расследования, сложившейся следственной ситуации.

Вследствие отдаленности многих исправительных учреждений при производстве следственных действий возрастает роль средств для предварительного исследования следов и иных вещественных доказательств.

Предварительное исследование чаще всего проводится с целью решения следующих задач: для определения целесообразности изъятия обнаруженных объектов в качестве вещественных доказательств и последующего их направления на экспертизу, для получения информации для розыска преступников по горячим следам, выработке версий о происшедшем событии.

Объектами предварительного исследования являются следы рук, ног, орудий взлома, транспортных средств, выделения человеческого организма и т. д. Предварительное исследование может проводить следователь самостоятельно или поручать его проведение привлекаемому для участия в следственном действии специалисту. К сожалению, предварительное исследование следов и других объектов на месте происшествия не получило надлежащего применения в следственной и оперативно-разыскной работе.

Для исправительных учреждений, например, весьма актуальными являются средства для экспресс-анализа наркотических веществ, препараты для предварительного исследования следов крови, соответственно сотрудники учреждений должны иметь базовые навыки для обращения с данными тест-системами.

Список литературы

1. Волынский В. А. Техничко-криминалистическое раскрытие преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 31.
2. Шурухнов Н. Г. Факторы, влияющие на расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел. М., 1990. С. 101–107.
3. Петуховский М. А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1979. С. 103–105.
4. Маркелова О. Н. Соотношение процессуального руководства, прокурорского надзора и судебного контроля // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 152–155.

*Маркелова О. Н.¹,
доцент кафедры Военного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ЧЕРЕЗ СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Судебная власть проявляется во многом, полномочия суда являются многогранными. Осуществление судом своих полномочий и есть реализация судебной власти. Безусловно, среди полномочий суда доминантной ролью обладает правосудие. Правосудие является важнейшим проявлением судебной власти, но не единственным. В последнее время ученых интересует судебный контроль, как проявление судебной власти [1, с. 9].

Правовая природа судебного контроля, как указывал И. Я. Фойницкий, первоначально происходит на основе общего закона разделения труда, который отражается на государстве, вызывая разграничение государственных функций и создание для каждой из них особых, наиболее компетентных органов [2, с. 147]. Именно в этом отражено начало принципа разделения властей. Все виды государственной власти стремятся к общим целям, но у каждой ветви имеются специальные цели, направленные на воздействие в определенной сфере. Различие сфер определяет различие задач деятельности.

Судебный контроль является разновидностью судебной власти и направлен на создание надежных гарантий обеспечения прав и законных интересов личности. В теории судебный контроль рассматривают как: а) важнейшую конституционную функцию реализации полномочий судебной власти; б) весомую процессуальную гарантию правосудия и личности в уголовном судопроизводстве; в) эффективное средство по достижению определенных целей и решения задач уголовного процесса. На основе вышеизложенного можно резюмировать, что судебный контроль – на основе присущих ему правовых признаков (свойств) – есть самостоятельная, особая форма осуществления правосудия в судах общей юрисдикции.

Законное, справедливое и обоснованное разрешение дела считается существенным и необходимым признаком судебного контроля. Факт о том, что главной целью определенного вида судебного контроля (в зависимости от его предметного признака) будет являться: защита личности, ее прав и свобод, обеспечение законности и правопорядка. Таким образом, для судебного контроля особым направлением деятельности, согласно положениям Конституции Российской Федерации (ст. 2, 18, 46 и 52), является реализация непосредственно правозащитной функции.

Основная сущность судебного контроля содержит индивидуальное исследование судом фактических обстоятельств дела по определенным вопросам, а так же создание своих внутренних убеждений о юридической и фактической стороне дела, далее используя в качестве основы для принятия соответствующих процессуальных решений по определенному делу. Содержание судебного кон-

¹ © Маркелова О. Н., 2021.

троля отражается системой определенных законодателем и осуществляемых в строгой процессуальной форме действий и решений суда, направленных на рассмотрение и разрешение предмета контроля в определенных целях: предупреждения незаконного нарушения или ограничения прав, свобод и законных интересов личности; восстановления нарушенных прав человека; отмены незаконных решений, которые не соответствуют требованиям законности и обоснованности процессуальных решений.

Судебный контроль может определяться как принцип уголовного процесса, который направлен на осуществление судебной власти в досудебном производстве по уголовным делам, во-первых, при применении мер уголовно-процессуального принуждения или ограничении конституционных прав граждан, во-вторых, при реализации судебной проверки жалоб и заявлений граждан о нарушении их конституционных прав и свобод, в-третьих, судебный контроль является формой судебной власти в досудебном производстве по уголовным делам, правомерно рассматривать как осуществление судебной защиты.

Определение правовой природы судебного контроля в досудебном производстве отражается в определении его конкретных форм. Примечательно, что формы судебного контроля складывались исторически и могут быть представлены следующим образом:

1) судебное обжалование процессуальных действий и (или) решений, которые затрагивают интересы участников уголовного процесса в досудебном производстве (ст. 123 УПК РФ);

2) судебная проверка законности и обоснованности действий и (или) бездействий, а также решений, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного процесса либо затруднить доступ граждан к правосудию в досудебном производстве по уголовному делу (ст. 125 УПК РФ);

3) судебный иммунитет в отношении отдельных категорий лиц в досудебном производстве по уголовному делу (ст. 448 – 450 УПК РФ);

4) судебная проверка законности и обоснованности решений при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (часть V УПК РФ);

5) заявление ходатайства о проведении предварительных слушаний (п. 3 ч. 5 ст. 217 УПК РФ).

Главным аспектом при выявлении правовой природы судебного контроля по уголовным делам является отражение его значимости с точки зрения конституционных принципов судебной власти. Выше отмечалось о том, что Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется право на судебную защиту. Именно конституционный уровень регулирования позволил воплотить идею о верховенстве суда как гаранта законности и охраны прав граждан. Последовательное воплощение провозглашенного Конституцией Российской Федерации права граждан на судебную защиту от незаконных действий любых государственных органов, должностных лиц позволило сформулировать запрет на ограничение ряда конституционных прав граждан (ч. 3 ст. 356 УПК РФ). Профессор Гуськова А. П. отмечает, что государство должно создавать определен-

ный механизм защиты прав и свобод человека для того, чтобы укреплять правовую защищенность граждан. Так же автор говорит, что становление и развитие судебного контроля как формы судебной защиты прав и свобод граждан выступает надежным механизмом обеспечения прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе [3, с. 10].

Судебная деятельность по уголовным делам представляется единой системой, все части которой всегда нацелены на реализацию назначения уголовного процесса, согласно положениям, закрепленным в ст. 6 УПК РФ. Так как суд является вершиной пирамиды органов, которые осуществляют производство по уголовному делу, наделяется значительными по объему и последствиям полномочиями на досудебных стадиях уголовного процесса.

Суд в досудебном производстве в первую очередь должен обеспечивать реализацию прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, защищать их от противозаконных действий должностных лиц и органов, которые выполняют функции уголовного преследования. В специальной научной литературе подобная деятельность суда получила название «контроль за деятельностью органов предварительного расследования» и в последнее время стала актуальной темой для многих научных исследований [4, с. 164].

Судебный контроль за досудебным производством является важным этапом реализации Концепции судебной реформы в РФ, которая нацелена на совершенствование и укрепление судебной власти в стране. Преимуществом суда является право дачи органам расследования разрешения на проведение определенных следственных и иных процессуальных действий, которые связаны непосредственно с ограничением конституционных прав и свобод граждан и которые затрудняют доступ к осуществлению правосудия. Таким образом, данное преимущество суда способствует устранению субъективного критерия при принятии соответствующих процессуальных решений, а также служит эффективной гарантией против неоправданного частого применения принудительных мер и нарушений уголовно-процессуальных прав участников судопроизводства.

В УПК РФ определяется предмет судебного контроля и его распространение на меры принуждения и следственные действия. В соответствии с положением ч. 2 ст. 29 УПК, без судебного разрешения нельзя применить в качестве мер пресечения домашний арест, заключение под стражу, продление его срока, залога. Разрешение суда обязательно и для применения определенных мер принуждения, например, наложение ареста на имущество, включая денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности.

Требуется обязательное разрешение суда на проведение определенных следственных действий, например, осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыск и выемка в жилище, личный обыск, арест, осмотр и выемка корреспонденции, контроль и запись переговоров, и другие следственные действия в соответствии со ст. 29 УПК.

В положениях УПК РФ предусматривается также судебный контроль за помещением обвиняемого, который был помещен в медицинский или психиатрический стационар для проведения экспертизы.

Предметом судебного контроля является возможность обжаловать в суде постановления органов расследования и прокурора, а так же их решения и действия либо бездействия, способствующие причинению ущерба правам и свободам участников судопроизводства, которые гарантированы каждому Конституцией Российской Федерации, те действия либо бездействия, которые способствуют затруднению доступа граждан к правосудию (ч. 3 ст. 29, ч. 1 ст. 125 УПК). Предмет жалобы может основываться на не законном или необоснованном, по мнению лица, оставляющего жалобу, проведение следственного действия [5]. Проанализировав законодательство, можно сделать вывод о том, что судебный контроль бывает двух видов: предварительный и последующий.

Предварительный судебный контроль характеризуется рассмотрением и разрешением судом ходатайств органов расследования и прокурора о получении разрешения на проведение определенного следственного действия. Цели данного вида контроля выражаются в проверке ходатайств, заявленных следователем или прокурором, и непосредственно в принятии по нему обоснованного решения.

Последующий судебный контроль проводится уже после того, когда процессуальное действие было проведено. Данный вид контроля выражается в проверке действий, которые уже были проведены органом расследования, а также в проверке действий и решений, которые были обжалованы заинтересованным лицом, с вероятным нарушением законности органами расследования.

При осуществлении предварительного судебного контроля, суд, если признает ходатайство обоснованным и законным, предоставляет разрешение на проведение определенных процессуальных действий, в противном случае суд может отказать в выдаче разрешения в соответствии с ч. 2 ст. 165 УПК.

Суд при рассмотрении жалобы, приходит к двум выводам: подтвердить законность и обоснованность принятого решения или проведенного действия или признать их незаконными, необоснованными, и обязать орган расследования устранить допущенные нарушения в соответствии с ч. 5 ст. 125 УПК. Стоит отметить, что к действиям, которые уже проведены следственным органом, например, осмотр, обыск, выемка в жилище, личный обыск, решение суда о их незаконности и необоснованности отражает признание таких результатов недопустимыми (ч. 2 ст. 165 УПК).

Последующий судебный контроль может быть двух видов: контроль происходит по желанию подозреваемого, обвиняемого, их защитника, представителя, законного представителя и иных лиц, интересы которых были затронуты решениями или действиями органов расследования, обращение данных лиц в суд осуществлено посредством жалобы на незаконность или необоснованность решений о проведении следственных действий и (или) нарушение процедуры их осуществления. Другой вид последующего судебного контроля за законностью проведения обыска, выемки и других следственных действий производится в соответствии с обязанностью следователя и дознавателя уведомлять суд о про-

ведении следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, без разрешения суда, т. е. при получении судьей извещения.

Нормы УПК определяют порядок судебного контроля. Началом контрольной процедуры при обжаловании действия и решения следователя, является жалоба, поступившая в суд от лица, считающего, что его законные интересы были нарушены. Возбуждается ходатайство о проведении определенных следственных действий в форме мотивированного постановления, которое выносится дознавателем или следователем после согласования с прокурором. Следует отметить, что требования обоснованности и мотивированности постановлений следователя и дознавателя отражено в ч. 3 ст. 7 УПК, а ч. 3 ст. 108 выделяет, что в постановлении, которое содержит ходатайство о заключении под стражу, излагаются мотивы и основания, на основе которых необходимо применить эту меру. Требования об обоснованности постановлений о получении разрешения судьи на проведение конкретных следственных действий, должно быть соблюдено органами расследования для того, чтобы права граждан не были ограничены, а также для того, чтобы судья смог правильно разрешить их ходатайство.

Сама процедура судебного контроля является существенно упрощенной в сравнении с судебным производством, но все-таки имеется возможность у инициаторов проведения контроля обосновать и высказать суду свою позицию или свои доводы.

Согласно ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 115 УПК суд при даче согласия на заключение лица под стражу и на наложение ареста на имущество, должен указать конкретные фактические обстоятельства, на основе которых было принято определенное решение. Следовательно, в таком случае предметом судебного разбирательства будут приниматься во внимания как формальные, так и фактические основания для принятия решения в судопроизводстве [6, с. 245].

Таким образом, контроль проводится в отношении законности, обоснованности решений органов расследования о процессуальном действии, которое будет проведено.

Значение судебного контроля отражается в проверке обоснованности ходатайства, посредством решения вопроса о том, является ли незаконным и неоправданным вмешательство государственных органов охраняемую Конституцией Российской Федерации сферу прав, свобод и законных интересов личности. Обязанностью суда является выяснение наличия либо отсутствия фактических оснований для проведения следственного действия. В качестве оснований могут быть доказательства, которые имеются в распоряжении у органов расследования, которые должны быть указаны в ходатайстве. Примечательно, что если в ходатайстве имеются одни лишь ссылки на данные оперативно-разыскного характера, то это не является основанием для выдачи судом разрешения на проведение следственных действий [7].

Цель последующего контроля согласно ч. 2 ст. 165 УПК заключается в проверке законности постановлений органов расследования о их производстве. Данная проверка производится в качестве изучения постановлений и протоколов следственных действий, которые представляются в суд.

Список литературы

1. Миронова Г. И., Васильев С. М. О судебной власти, правосудии и судебном контроле// Вестник Пензенского государственного университета № 4 (8), 2014. С. 9.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. Т. 1. С. 147.
3. Гуськова А. П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2012. С. 10.
4. Силкин В. П., Лодкин А. Е. Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования// «Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал» №5. 2017. С. 164.
5. Дорошков В. В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования // Российская юстиция. 2006. № 7.

Новицкий С. С.¹,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ, НА ТРУД

Соблюдение конституционных прав человека в местах принудительного содержания является с одной стороны четко регламентированной, а с другой стороны одним из наиболее проблемных вопросов России.

Конституционная защита прав указанной категории граждан обеспечена прежде всего Конституцией Российской Федерации, принятыми в соответствии с ней федеральными законами, в том числе действующим уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также такими международными актами, как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Европейские пенитенциарные правила (2006 г.), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.). Необходимо отметить, что по сведениям средств массовой информации, представителей гражданского общества и правозащитных организаций, а также анализа представлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов Российской Федерации права подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, зачастую нарушаются и не всегда восстанавливаются.

Сказывается сложившийся стереотип восприятия пенитенциарной системы как ориентированной главным образом на наказание, а не на обеспечение интересов общества и личности. Указанный стереотип приводит к отсутствию внимания на обеспечение прав лиц, заключенных под стражу, и осужденных, как со стороны сотрудников пенитенциарной системы, так и общества в целом. Крайне негативно на деятельность уголовно-исполнительной системы сказывается ее недостаточное финансирование, а также нецелевое использование выделяемых финансовых средств. Это обстоятельство приводит, в том числе к тому, что пенитенциарная система полностью не укомплектована высококвалифицированными и профессионально подготовленными кадрами. Кроме этого, на защиту конституционных прав граждан, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы, в значительной мере влияет нормативное правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть отдельные аспекты нормативного правового регулирования конституционно-правовой защиты прав лиц, заключенных под стражу, на труд.

¹ © Новицкий С. С., 2021.

Анализируя нормы права, регламентирующие порядок и условия содержания под стражей, в части реализации конституционного права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы, на труд, можно выделить две группы данных норм: внутригосударственные акты и международные стандарты.

Так, Европейскими пенитенциарными правилами Rec (2006) 2 определенно, что подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, в отношении которых приговор суда не вступил в законную силу, должна предоставляться возможность трудиться. Одновременно с этим установлен запрет на принудительный труд указанной категории граждан (не допускается обязывать гражданина трудиться на работах, определяемых администрацией СИЗО).

Аналогичные положения о труде лиц, заключенных под стражу, содержатся в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными. Так, указанными правилами установлено, что «подследственным заключенным всегда следует предоставлять возможность трудиться, однако труд им в обязанность не вменяется; если такой заключенный решает работать, его труд должен оплачиваться» [1].

На необходимость привлечения к труду подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, указывается и в рекомендациях Европейского комитета по предотвращению пыток и другого жестокого обращения или наказания (далее – ЕКПП). ЕКПП указывает, что, наблюдающееся в настоящее время почти полное отсутствие конструктивной занятости у лиц, содержащихся под стражей, в российских СИЗО, добавляет тяготы к их заключению и делает его более карательным, нежели режим для осужденных лиц.

Анализируя внутригосударственные нормативные акты, регламентирующие обеспечение прав лиц, заключенных под стражу, на труд, необходимо отметить, что положениями статьи 27 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон) определено, что при наличии соответствующих условий подозреваемые и обвиняемые по их желанию привлекаются к труду на территории следственных изоляторов. Таким образом, реализация конституционного права гражданина, в отношении которого приговор суда не вступил в законную силу, на труд ставится в зависимость от наличия либо отсутствия возможностей у учреждения уголовно-исполнительной системы. При этом Федеральным законом не установлена обязанность администрации СИЗО создавать условия для привлечения лиц, заключенных под стражу, к труду.

Таким образом, по нашему мнению, учитывая положения международных актов, Федеральный закон нуждается в существенной доработке, в части определения порядка и условий привлечения к труду подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей.

Отдельного исследования требует вопрос оформления трудовых отношений между подозреваемым или обвиняемым и администрацией следственного изолятора.

Говоря о защите конституционного права подозреваемых и обвиняемых на труд, отдельно следует остановиться на положениях Федерального закона, в соответствии с которыми СИЗО, в целях привлечения к труду лиц, заключен-

ных под стражу, наделены полномочиями по осуществлению собственной производственной деятельности. Данные положения Федерального закона направлены одновременно на решение нескольких вопросов. Во-первых, собственная производственная деятельность СИЗО позволяет обеспечить рабочими местами подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. Во-вторых, учитывая положения части пятой статьи 27 Федерального закона, позволяет улучшить условия содержания лиц, заключенных под стражу, а также развить социальную сферу следственных изоляторов.

Следует отметить, что до принятия Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (далее – Федеральный закон № 83-ФЗ) внебюджетная деятельность следственных изоляторов постоянно развивалась.

Справедливости ради необходимо отметить, что на участках внебюджетной деятельности СИЗО в основном использовался труд осужденных, оставленных в следственном изоляторе для хозяйственного обслуживания.

Однако во многих СИЗО были созданы производственные участки, на которых трудились лица, заключенные под стражу.

Возвращаясь к вопросу о распределении средств, полученных от приносящей доход деятельности, необходимо отметить, что положениями части третьей статьи 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации направление финансовых средств, полученных казенным учреждением от приносящей доход деятельности на финансовое обеспечение его функционирования сверх бюджетных ассигнований не предусмотрено.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации с одной стороны доходы от полученной следственными изоляторами деятельности по привлечению лиц, заключенных под стражу, к труду должны поступать в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации, с другой после уплаты обязательных платежей в соответствующие бюджеты они используются для улучшения условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых. Как следствие данной коллизии вся внебюджетная деятельность следственных изоляторов свелась на нет. Что, в свою очередь, привело к тому, что ни у одного СИЗО нет возможности для привлечения подозреваемых и обвиняемых к труду, а также, учитывая дефицит бюджетных средств, отсутствуют возможности по созданию условий содержания подозреваемых и обвиняемых в соответствии с общепризнанными нормами международного права и законодательства Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие в Федеральном законе положений о возможном привлечении к труду лиц, заключенных под стражу, данные нормы носят декларативный характер. В условиях действующего бюджетного законодательства следственные изоляторы практически лишены возможности создавать условия для трудоустройства подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей.

Анализируя проводимые государственными органами мероприятия, направленные на обеспечение конституционных прав граждан, содержащихся под

стражей, на труд необходимо отметить следующее. Одними из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (далее – Концепция развития УИС), являлась гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами.

При этом Концепция развития УИС уделяла особое внимание только организации трудовой деятельности осужденных, а также обеспечению государственных гарантий их трудовых прав, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации. В тоже время в отношении лиц, заключенных под стражу, в Концепции развития УИС содержались бланкетные нормы об обеспечении прав и законных интересов указанной категории граждан.

Необходимо отметить, что после утверждения Концепции развития УИС Управлением организации деятельности тюрем и следственных изоляторов ФСИН России были разработаны предложения по внесению изменений в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Федеральный закон, направленные на развитие внебюджетной деятельности следственных изоляторов и, как следствие, к созданию рабочих мест для лиц, заключенных под стражей. Однако в ходе согласования соответствующего законопроекта с органами государственной власти, он поддержан не был.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении последних лет реализации положений Федерального закона, а также указанным международным актам, в части защиты конституционного права подозреваемого или обвиняемого на труд, должного внимания со стороны государственных органов не уделялось.

Результаты изучения проекта концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. также свидетельствуют об отсутствии в проекте положений, направленных на обеспечение указанных прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей.

Кроме этого, анализ норм трудового законодательства позволяет сделать вывод о том, что в нем отсутствуют положения, регламентирующие порядок и условия труда лиц, заключенных под стражу [2]. При этом распространение на подозреваемых и обвиняемых положений Трудового кодекса Российской Федерации без каких-либо исключений приведет либо к нарушению требований Федерального закона и, как следствие, к несоблюдению целей и задач содержания под стражей, либо к нарушению трудового законодательства [3].

Подводя итог можно сделать следующие выводы. Трудовые отношения осужденных и лиц, заключенных под стражу, имеют свою специфику. В связи с этим, они должны регламентироваться отдельными положениями трудового и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

В настоящее время назрела насущная необходимость выработки концептуальных подходов к обеспечению конституционных прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на труд, в том числе с учетом рекомендаций международных организаций.

Требуется внесение изменений в бюджетное законодательство Российской Федерации, в части установления возможности организации в следственных изоляторах собственной внебюджетной деятельности, в целях создания рабочих мест для лиц, заключенных под стражу.

Список литературы

1. Семенюк В. И. Исполнение заключения под стражу: правовые и организационные аспекты: дис.... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 170.
2. Емельянова Е. В. Правовое регулирование и организация труда осужденных в России. М.: НИИ ФСИН России, 2009.
3. Новицкий С. С. Конституционно-правовые основы защиты лиц, заключенных под стражу в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 186.

Сидорова Е. З.¹,
*преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЛИЧНОСТИ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Конституция Российской Федерации 1993 г. в ч. 1 ст. 22 устанавливает: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». В то же время согласно ч. 3 ст. 55 Основного закона страны права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данные положения Конституции России о необходимости обеспечения общественной безопасности, в том числе от преступлений террористического характера, находят развитие в различных нижестоящих нормативно-правовых актах. Обеспечение общественной безопасности как элемента конституционно-правового статуса каждого физического лица охраняются уголовным законодательством.

Устанавливая уголовно-правовой запрет на совершение террористических преступлений, законодатель исходит из необходимости обособления конкретных общественных отношений, которые нуждаются в повышенной защите со стороны государства. Выделение определенной области общественных отношений для нужд уголовно-правовой охраны определяет необходимость выработки соответствующих юридических понятий и классификаций в целях систематизации уголовно-правового регулирования.

Террористические угрозы в современном мире носят глобальный характер. Для Российской Федерации террористические угрозы являются реальной проблемой обеспечения национальной безопасности. Террористические атаки, которые в ряде случаев не удается предотвратить российским правоохранительным органам, всегда направлены на самые уязвимые места нашего общества. В современном мире террористические акты превратились в инструмент достижения определенных целей, не только идеологических, политических, религиозных, но и корыстных, меркантильных, тщеславных, личностных.

Опасность террористических преступлений связана с тяжестью последствий, наступающих в результате их совершения. Гибель ни в чем невиновных людей, массовые ранения, значительный имущественный ущерб – это только часть общественно опасных последствий. Террористические угрозы имеют своей целью разрушить российскую государственность, уничтожить общественное согласие, посеять религиозную рознь, оторвать молодое поколение от истинных ценностей и т. д. Однако это всего лишь промежуточные цели для организаторов террористической деятельности. Истинные организаторы террористических деяний, как правило, преследуют более приземленные, избавленные от идеологии, цели личного обогащения. Они решают задачи передела сфер влияния,

¹ © Сидорова Е. З., 2021.

установления контроля над определенными территориями, стараются захватить источники получения материальных средств (нефтяные и газовые месторождения, коммуникации для наркотрафика и т. д.).

Современная террористическая деятельность носит организованный характер. Члены террористических организаций могут быть объединены различной идеологией: националистической, религиозной, социальной.

Терроризм признается угрозой всего человечества. 15 июня 2017 г. в Организации Объединенных Наций было создано контртеррористическое управление – глобальный координационный орган, имеющей целью пропаганду анти-террористической политики и организацию взаимодействия стран в борьбе с терроризмом. В Целевую группу ООН по осуществлению контртеррористических мероприятий входят многие структуры ООН и отдельные международные организации (группа по наблюдению за организацией «Аль-Каида» и движением «Талибан», исполнительный директорат Контртеррористического комитета ООН, департамент ООН по политическим вопросам, МАГАТЭ, канцелярия Генерального секретаря ООН, программа развития ООН, Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия, ООН-женщины и др.). Конечно, в основном это бюрократические международные структуры, далекие от реального противодействия терроризму, ограничивающие свою деятельность только политическими заявлениями. К сожалению, сегодня приходится констатировать, что ООН превратился в огромную, малоэффективную бюрократическую структуру, деятельность которой сводится к освоению бюджета. Нередко за красивыми лозунгами и праздничными мероприятиями кроется подковерная борьба различных группировок чиновников, кормящихся от разных «спонсоров» – государств. Соответственно, борьба с терроризмом фактически осуществляется отдельными государствами или группой государств в узком национальном понимании терроризма, которое может не совпадать с толкованием терроризма в других странах.

В России террористические акты принесли много бед и горя простым людям: взрывы в метрополитенах, наземном общественном транспорте, зданиях вокзалов и аэропортов, нападения на простых граждан на улицах и в православных церквях – все это приводит к многочисленным человеческим жертвам. При этом вызывает сомнения достижение целей террористами, кроме ненависти граждан, они фактически ничего не достигли.

Российский законодатель за последние двадцать лет провел большую работу в области противодействия терроризму. В сфере уголовного законодательства были внесены многочисленные изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Вместе с тем, оценить действующее уголовное законодательство в области антитеррористической деятельности достаточно сложно, поскольку некоторая бессистемность нововведений УК РФ привела к проблемам толкования норм закона и конкуренции при квалификации террористических деяний. В связи с чем полагаем, что тема настоящей работы является актуальной и своевременной.

Российская Федерация огромная страна с большим населением. Проявления терроризма могут носить местный национальный характер, но очень часто тер-

рористическая деятельность в России инициируется и щедро оплачиваются из-за рубежа иностранными государствами или иностранными разведывательными организациями, международными террористическими структурами. Неслучайно терроризм признается угрозой национальной безопасности России.

Государство всегда расценивало деятельность, направленную на насильственное противостояние ему, как террористическую, антигосударственную. По большому счету любая революционная деятельность – это террористическая деятельность в современном понимании. Вопрос оценки этой деятельности зависит от того, кто победил в таком противостоянии: устояла действующая власть или победила сторона, претендующая на власть. Но при этом нужно помнить, что, если террор как способ установления власти и подавления непокорного населения известен давно, то терроризм как социально-политическое явление – это современная болезнь цивилизации.

Соответственно власть всегда устанавливала жесткую ответственность за посягательства, направленные на ее свержение или дискредитацию путем неадресного насилия.

Совершенные во второй половине XIX – начале XX вв. политические убийства высокопоставленных должностных лиц Российской империи, с точки зрения действовавшего тогда уголовного законодательства, не являлись террористическими актами. Однако по сути, тот период для России ознаменовался разгулом террористов. Убийство должностных лиц и государственных деятелей стало обыденным явлением, средством политической борьбы. При этом за ширмой истории остались судьбы сотен простых людей, ставших случайными жертвами террористов.

Таким образом, законодательство императорской России XIX–XX вв. не знало таких понятий, как террористический акт и терроризм, хотя высшие чиновники того времени подвергались периодическим террористическим атакам со стороны народников, народовольцев, эсеров и других радикально настроенных представителей нелегальных политических организаций.

В УК РСФСР 1922 г. отсутствовали понятие террористического акта. Однако советское государство активно использовало понятие «террористический акт» в различных официальных документах.

Впервые термин «террористический акт» появляется в УК РСФСР 1926 г.

Говоря о современном периоде, то следует отметить, что последние изменения в УК РФ в части противодействия террористической деятельности были внесены в 2017 г. В целом уголовное законодательство России в части противодействия терроризму активно изменялось последние двадцать лет. Законодатель идет по пути активного ужесточения наказания за преступления террористической направленности и максимальной криминализации деяний, связанных с террористической деятельностью.

Обращаясь к вопросу о понятии и системе преступлений террористического характера, следует отметить, что это определение совокупности преступлений, совершаемых в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений.

Н. Н. Маршакова указывает на то, что круг террористических деяний, сформулированный в УК РФ, не совпадает с террористическими преступлениями, указанными в Федеральном законе «О противодействии терроризму» [1, с. 213–216].

Непосредственно в УК РФ мы не находим понятие преступлений террористической направленности. В специальной литературе отмечается: «Имеющие место факты терроризма привели к тому, что в общей системе преступлений условно определилась группа преступлений, именуемая преступлениями террористической направленности или террористического характера. Уголовный закон не содержит понятия преступления террористической направленности, также в нем отсутствует и перечень составов преступлений террористической направленности» [2, с. 72–75].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности...» определен перечень преступлений, которые имеют террористический характер [3].

По нашему мнению, преступления террористической направленности определяются целью совершения этих деяний. Данная цель сформулирована в ст. 205 УК РФ – дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений.

При этом к преступлениям террористической направленности, безусловно, следует отнести преступления, непосредственно связанные с террористической деятельностью. В примечании 2 к ст. 205² УК РФ дано понятие террористической деятельности (с оговоркой, что оно относится только к ст. 205² УК РФ), согласно которому под ней понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ. Однако как показывает практика, совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 206, 208, 211, 220, 221 УК РФ, во многих случаях не связано с терроризмом. Поэтому данное понимание террористической деятельности является весьма условным.

Преступления террористической направленности – это собирательное, неофициальное название группы преступлений, совершаемых в целях побуждения государства или международных организаций к принятию определенных решений или к отказу от него. Все эти преступления основываются на уголовной ответственности за террористический акт либо связаны с ним.

УК РФ в части противодействия терроризму активно изменялся последние двадцать лет. Законодатель идет по пути активного ужесточения наказания за преступления террористической направленности и максимальной криминализации деяний, связанных с террористической деятельностью. При этом террористические деяния, сформулированный в УК РФ, не совпадают с террористическими преступлениями, указанными в Федеральном законе 2006 г. «О противодействии терроризму».

Полагаем, что все преступления террористической направленности следует классифицировать на две группы. Во-первых, это преступления, непосред-

ственно связанные с совершением террористических актов. К данной группе преступлений относятся деяния, предусмотренные ст.ст. 205-205⁶, чч. 3 и 4 ст. 207, ч. 4 ст. 211 и ст. 361 УК РФ. Все эти преступления направлены на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Во-вторых, это иные преступления, которые совершаются в связи с совершением террористического акта (сопутствующие деяния) или в целях облегчения его совершения. К этим преступлениям, в принципе, можно отнести любое умышленное деяние, совершаемое в связи с осуществлением террористической деятельностью.

В настоящее время система террористических преступлений носит противоречивый характер. Существуют логические проблемы в толковании признаков преступлений, их соотношении со смежными составами преступления, в противоречивости санкций, дублировании ответственности, противоречии положений Особенной части УК РФ положениям Общей части УК РФ.

Вероятно, следует исключить часть составов преступлений террористической направленности из УК РФ: ст. 205¹, ст. 205³, ст. 205⁴, ст. 361. Вопросы установления ответственности за приготовление к преступлениям террористической направленности, соучастия в этих преступлениях должны быть разрешены в статьях Общей части УК РФ о неоконченном преступлении и соучастии в преступлении, а также в статьях о назначении наказания за неоконченное преступление и преступления, совершенные в соучастии. Это позволит отказаться от казуистического изложения признаков преступлений террористической направленности.

Вместе с тем, указанные предложения требуют более детальной проработки. Нужно очень серьезно отнестись к формулированию признаков преступлений террористической направленности, чтобы избежать конкуренции составов преступления. Кроме того, важной задачей является формулирования квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений, установления адекватных видов наказания за рассматриваемые деяния. При необходимости, вероятно, следует включить оговорки о преступлениях террористической направленности в признаки приготовления к преступлению или покушения на него, в условия и правила уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность.

По нашему мнению, назрела необходимость привести в соответствие нормы Особенной части УК РФ об ответственности за создание различных видов преступных формирований и участие в них с положениями Общей части УК РФ о видах соучастия.

Список литературы

1. Маршакова Н. Н. Преступления террористической направленности: Проблемы юридико-технического конструирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 213–216.
2. Дегтярёв А. В., Киселёв А. К. Проблемы правового регулирования преступлений террористической направленности // Юридическая наука. 2014. №. 1. С. 72–75.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.04.2021).

Бархатова Е. Н.¹,

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ПОСОБНИЧЕСТВО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В 2013 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен рядом статей о преступлениях террористической направленности, в которые на протяжении последних лет вносятся изменения и дополнения. В указанных статьях законодатель особо выделил пособничество террористической деятельности, сделав его самостоятельным составом преступления. Более того, законодатель разбил такое пособничество на виды, установив особую ответственность за отдельные из них. На сегодняшний день можно выделить самостоятельные составы пособничества террористической деятельности:

- вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205², чч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, чч. 1–3 ст. 211, ст.ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ (ч. 1 ст. 205¹ УК РФ);
- вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205³, 205⁴, 205⁵, чч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно финансирование терроризма (ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ);
- пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ (ч. 3 ст. 205¹ УК РФ);
- организация финансирования терроризма (ч. 4 ст. 205¹ УК РФ);
- несообщение о преступлении террористической направленности (ст. 205⁶ УК РФ);
- финансирование акта международного терроризма, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в его совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения такого акта (ч. 2 ст. 361 УК РФ).

По смыслу ч. 5 ст. 33 УК РФ все вышеперечисленные действия относятся к пособничеству в совершении преступления. Исходя из этого, перед нами возникает ряд вопросов:

- 1) чем преступление, предусмотренное ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ отличается от преступления, предусмотренного ч. 3 той же статьи?
- 2) чем преступление, предусмотренное ст. 205⁶ УК РФ отличается от преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205¹ УК РФ?
- 3) почему деяния, характеризующиеся меньшей степенью общественной опасности (исходя из предложенного законодателем наказания за их совершение), нашли отражение во-вторых, третьих и последующих частях соответствующих статей Особенной части УК РФ, что противоречит логике и технике построения уголовно-правовых норм (речь идет о ч. 3 ст. 205¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ)?

¹ © Бархатова Е. Н., 2021.

Какое из преступлений, предусмотренных ч. ч. 1¹ и 3 ст. 205¹ УК РФ законодатель предполагал, как более тяжкое? А такой вывод напрашивается, иначе зачем выделять из пособничества в целом конкретные действия? Исходя из санкций, по-видимому, ч. 1¹ УК РФ (самый строгий вид наказания – пожизненное лишение свободы). При этом весьма странно выглядит такое решение, когда законодатель предлагает в качестве альтернативы пожизненному лишению свободы лишение свободы на срок до 15 лет, при том что максимально возможный срок такого вида наказания установлен ч. 2 ст. 56 УК РФ и составляет 20 лет. В сравнении с другими статьями уголовного закона, санкции которых предусматривают пожизненное лишение свободы в качестве возможного вида наказания, такое решение в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ вызывает недоумение. Так, в ч. 2 ст. 105 УК РФ указано на возможность применения к осужденному либо лишения свободы на срок до 20 лет (по максимальному пределу), либо пожизненное лишение свободы. Такая же формулировка санкции присутствует в ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 3 ст. 205, чч. 2, 4 ст. 205¹, ст. 205³, ч. 1 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 205⁵, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 211, ч. 5 ст. 228¹, ч. 4 ст. 229¹, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357, ст. 361 УК РФ. Как видно, нами проанализированы все статьи Особенной части УК РФ, содержащие в своих санкциях указание на возможность назначения пожизненного лишения свободы. Во всех указанных статьях такой вид наказания является альтернативой лишению свободы на определенный срок, составляющий до 20 лет. В чем причина решения, принятого законодателем относительно санкции ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, не понятно. Более того, среди вышеперечисленных норм, содержащих положения об уголовной ответственности за преступления террористической направленности, фигурирует и ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, выступающая квалифицированным составом преступления по отношению к ч. ч. 1 и 1¹ указанной статьи. Она тоже предусматривает пожизненное лишение свободы в качестве наиболее строго вида наказания. В чем разница в таком случае для виновного? Возникает ситуация, когда простой состав карается так же, как и квалифицированный.

Разумеется, следует обратить внимание на статьи, перечисленные в ч. 1¹ и ч. 3 ст. 205¹ УК РФ. По-видимому, законодатель пытался исходить именно из их влияния на степень общественной опасности пособничества в них. Однако их распределение по указанным частям тоже не в полной мере ясно. Так, ст. 205 присутствует в обеих частях. Ст. 206 УК РФ также указана в обеих частях, только разбита на части. Так, по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ наказывается склонение и т. д. к захвату заложника, повлекшего умышленное причинение смерти (напомним, до 15 лет лишения свободы), а по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ – пособничество в захвате заложника организованной группой или повлекшее причинение смерти по неосторожности или иные тяжкие последствия (до 20 лет лишения свободы). Весьма странная конструкция, учитывая хотя бы форму вины. Возможно, законодатель, преследуя цель борьбы не только с терроризмом, но и с организованной преступностью в одном «флаконе» пренебрег иными последствиями, перечисленными в ч. 3 ст. 206 УК РФ, акцентировав внимание на признаке организованной группы. При этом не совсем понятно отсутствие ст. 208 УК РФ в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, поскольку именно к участию в таких преступлениях чаще всего

готовятся «наемники», организация таких формирований финансируется наряду с организацией иных преступных групп.

Относительно отличия ст. 205⁶ и ч. 3 ст. 205¹ УК РФ (кроме, разумеется, нашедших отражение в них статей Особенной части УК РФ) можно предположить, что несообщение о преступлении все же выходит за рамки пособничества в том аспекте, что при пособничестве предполагается заранее данное обещание скрыть соответствующие сведения, в то время как при несообщении о преступлении такие сведения могут быть как заранее известны виновному, так и стать для него известными внезапно. Вместе с тем, уголовным законом предусмотрена ст. 316, устанавливающая ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений. В таком случае ст. 205⁶ УК РФ вступает в конкуренцию не только с нормой о пособничестве (как по ч. 5 ст. 33, так и по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ), но и со ст. 316 УК РФ. Следует оговориться, что не все статьи, перечисленные в диспозиции ст. 205⁶ УК РФ, содержат положения об ответственности только за особо тяжкие преступления, отдельные из них относятся к категории тяжких (ч. 2 ст. 205², ч. 2 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ч. 3 ст. 220, чч. 2, 3 ст. 221, ст. 360 УК РФ) и средней тяжести (ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) и даже небольшой тяжести (ч. 1 ст. 220 УК РФ). Вместе с тем, в таком случае считаем возможным указание на исключение по данным статьям в ст. 316 УК РФ, без излишней нагрузки уголовного закона дополнительной нормой.

В связи с вышеизложенным, считаем, что чч. 1¹ и 3 ст. 205¹ УК РФ также излишни в уголовном законе.

Относительно третьего поставленного нами вопроса о нарушении юридической техники при построении норм, представляется затруднительным найти ответ, поскольку одной из тенденций современной уголовной политики стал на сегодняшний день пересмотр подхода к конструированию норм и объединению в одной статье нескольких схожих по сути, но отличающихся нюансами различных составов преступлений. Это хорошо видно на примере ст. 159 УК РФ, объединяющей в себе нормы о простом мошенничестве и мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности.

Подводя общий итог, еще раз отметим, что рассмотренные нами статьи УК РФ, по нашему мнению, нуждаются либо в доработке, либо в исключении из УК, поскольку их присутствие в законе слабо обосновывается при сопоставлении с уже имеющимся инструментарием. Правила же юридической техники, на наш взгляд, должны соблюдаться неукоснительно во избежание нарушения логики закона.

Ивлева А. А.¹,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О ПРИЧИНАХ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА, СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЯ ЕГО СОВЕРШЕНИЮ

При анализе преступности важное место уделяется исследованию причин и условий совершения тех или иных преступлений. Н. А. Неклюдов видел в причинах преступности социальные факторы: порядок управления, имущественные отношения и др. [1, с. 34]. На протяжении долгих лет исследования в криминологии разработан подход, содержание которого следующее: в детерминации преступности участвует множество взаимосвязанных факторов. Поэтому причину преступности нужно понимать как результат процесса функционирования и развития таких явлений [2]. Так, можно определить, что причины преступности – это социально-психологические факторы, которые непосредственно порождают, воспроизводят преступность как свое закономерное следствие.

В условиях современной информатизации и глобализации общества на каждого человека происходит систематическое влияние информационно-телекоммуникационной среды, в которой человек просто вынужден существовать. Как следствие, в 2017 г. происходит резкий рост таких преступлений, как доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению, в частности, с использованием сети Интернет.

Причин самоубийств множество, их делят на группы и разновидности: первичные и вторичные, реальные и искусственные, материальные и моральные, медицинские и социальные, и т. д. «Невыносимое страдание – вот, что приводит человека к самоубийству» – пишут в своей монографии А. Ю. Уколова и С. В. Лондон [3, с. 18]. Люди, находящиеся в состоянии неудовлетворенности от собственной жизни, чаще всего становились жертвами преступлений, предусмотренных ст.ст. 110 и 110.1 УК РФ.

На вопрос сотрудникам правоохранительных органов: «Каковы на Ваш взгляд причины доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия его совершению?»

- 47,1 % опрошенных ответили, что причины носят корыстный мотив;
- 9,4 % ответили, что причины носят политически характер;
- 43,5 % считают, что причины социальные;
- 15,3 % считают причинами служебные взаимоотношения;
- 35, 3 % считают, что причины носят материальный характер;
- 75,3 % считают, что причины скрыты в эмоциональной неустойчивости лиц, особенно несовершеннолетних;

¹ © Ивлева А. А., 2021.

– 54,1 % считают, что широкие информационно-телекоммуникационные возможности (существование различных социальных сетей и их доступность) стали причиной совершения таких преступлений, как доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению.

Так, 16 апреля 2021 г. на железнодорожной станции Люберцы Московской области найдены две шестнадцатилетние девушки, которые легли на рельсы перед приближающимся поездом, состав не успел затормозить, девушки погибли. Удалось установить, что девочки были подругами, дружили с 2014 г., часто проводили время вместе. В школе о погибших отзывались положительно, никаких серьезных нареканий со стороны учителей к девочкам не было. Одна училась на «4» и «5», очень трепетно относилась к полученным оценкам. Успеваемость второй девушки хуже, но она была очень общительной, все время улыбалась. Обе были домашними девочками, большую часть времени проводили в кругу семьи. В обеих семьях отсутствовали отцы, девочки жили с мамами и сестрами. Полицейским родители школьниц рассказали, что в семьях каких-то значимых конфликтов не было. Одна из девушек с ноября 2020 г. наблюдалась у психолога в связи с депрессией и частыми перепадами настроения. В ходе проверки изъяты компьютеры девушек, на одном из которых выявлены истории посещения сайтов, содержащих суицидальный контент [4].

При изучении и анализе материалов проверки и уголовных дел, мы постарались выделить наиболее частые детерминанты доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия его совершению и представили их следующим образом:

- самыми распространенными являются семейно-бытовые проблемы;
- невыполнение родительских обязанностей по отношению к несовершеннолетним детям;
- использование Интернет-ресурсов и телекоммуникационных средств, способствующих оказанию негативного воздействия на жертву преступления;
- причины, связанные с осуществлением профессиональной (служебной) деятельности, а также прохождение военной службы;
- причины, связанные с трудностью проживания в силу нестабильного и незначительного заработка;
- ситуативные (спонтанные, внезапно возникшие) детерминанты.

Проблеме доведения до самоубийства всегда уделялось достаточно внимания в различные периоды времени. Внесение изменений в ст. 110 УК РФ и дополнение ст.ст. 110.1 и 110.2 в 2017 г. показывает, что проблема актуальна и на сегодняшний день, с ней пытаются бороться как уголовно-правовыми методами, так и иными. Но мы убедились, чтобы предотвратить совершение преступления, важно знать, с чего оно берет начало, каковы причины их совершения.

Список литературы

1. Неклюдов Н. А. Уголовно-статистические этюды. М., 2009. С. 34.
2. Антонян Ю. М., В. С. Эминов Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование. М., 2010.

3. Уколова Ю. А., Лондон С. В. Доведение до самоубийства: особенности уголовно-правовой квалификации и доказывания: монография // Юрлитинформ. М., 2014. С. 18.

4. Новости МК.RU. URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/04/16/sledovateli-izuchayut-kompyutery-shkolnic-pogibshikh-na-zheleznoy-doroge-v-podmoskove.html> (дата обращения: 17.04.2021).

Величко Ф. М.¹,

преподаватель кафедры организации и обеспечения

раскрытия и расследования преступлений

Тверского филиала Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из ключевых элементов системы российской экономики является нефтяная промышленность, структурная часть которой включает как объекты по добыче, хранению, переработке и транспортировке нефти, как и предприятия по транспортировке, хранению и реализации нефтепродуктов. По статистическим показателям НИИ высшей экономики на 2020 г. часть нефтяного сектора в составе валового внутреннего продукта Российской Федерации составила около 10 %, несмотря на незначительный спад (по сравнению с 2019 г.), обусловленный пандемией COVID-19 и некоторыми внешнеполитическими факторами. К тому же, нефтяная отрасль, равно как и газовая, составляет основу для внешнеэкономических отношений России. В связи с высокой значимостью нефтяной отрасли в обеспечении надлежащего функционирования объектов национальной обороны и жизнеобеспечения, а также с наличием значительных рисков нанесения существенного вреда окружающей среде и возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера, одной из основных задач правоохранительных органов и самих коммерческих организаций, занятых в данной отрасли, является защита соответствующих предприятий и промышленных объектов от различных угроз. Помимо режимных, организационных и других мер безопасности, важной частью охраны общественных отношений, связанных с функционированием нефтяной отрасли, является формирование и применение эффективных уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, посягающим на такие отношения.

После распада СССР на территории России одними из наиболее значительных угроз для нефтяной промышленности являются хищения нефти и нефтепродуктов руководителями и работниками предприятий, осуществляющих добычу, хранение и транспортировку нефти и нефтепродуктов, а также дальнейшее участие в смежных видах незаконной деятельности, связанной с оборотом соответствующих товаров, переработкой углеводородного сырья с последующей реализацией полученных альтернативных продуктов. В соответствии с данными ПАО «Лукойл» за первое полугодие 2020 г. на магистральных нефтепроводах компании было выявлено 196 несанкционированных врезок [2, с. 89].

В приграничных районах Сибири и Уральского региона нелегальные торговцы в основном занимаются работой по контрабанде сырья из Республики Казахстан, качество которого значительно ухудшается из-за высокого содержания парафина. Теневой оборот и незаконная эксплуатация углеводородного сырья и нефтепродуктов могут иметь особенно серьезные результаты для эконо-

¹ © Величко Ф. М., 2021.

мической и энергетической госбезопасности России и нанести вред ее внешне-политическим интересам. По данным следственных органов в первом полугодии 2020 г. в результате деятельности организованных групп по незаконному обороту и реализации нефтепродуктов, предоставленных горнодобывающими компаниями для дальнейшей транспортировки по трубопроводу «Дружба», а также сокрытия указанной деятельности, произошло загрязнение транспортируемой нефти, причинившее крупномасштабный ущерб компании ПАО «Лукойл» и обусловившее серьезное осложнение внешнеторговых отношений, включая репутационный урон для России на международной арене [7, с. 1–3]. Соответствующая противоправная деятельность имеет разветвленный комплекс негативных последствий, в том числе сказывающихся на розничном рынке автомобильного топлива.

В складывающихся условиях большое значение имеет уголовно-правовая борьба с указанными проявлениями преступной деятельности, в том числе в рамках своевременного пресечения хищений нефти и нефтепродуктов из трубопроводов, а равно из мест добычи или хранения. Согласно положениям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), тайное хищение нефти или нефтепродуктов из нефтепроводов или нефтепродуктопроводов в зависимости от обстоятельств его совершения образует состав преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В оперативно-разыскной и следственной практике с учетом высокой стоимости углеводородного сырья и нефтепродуктов, а также большого объема этих товаров, незаконно отобранных из трубопроводов, в большинстве случаев преступная деятельность, пресеченная правоохранительными органами на подготовительном этапе или на стадии покушения, квалифицируются по п. «б» и «в» ч. 3 либо ч. 4 ст. 158 УК РФ (со ссылкой на ч. 1 или ч. 3 ст. 30 УК РФ), так как в случае совершения деяния размер ущерба обычно является крупным или особо крупным. Кражи, совершенные с территории других объектов (нефтебаз, танкеров, подвижного состава и т. д.) квалифицируются по соответствующей части ст. 158 УК РФ с учетом фактически обстоятельств содеянного, включая размер ущерба, групповой способ совершения [3, с. 43].

А. М. Плешаков и В. А. Осипов отмечают некоторые особенности юридической техники и проблемы формулирования признаков составов преступлений, предусмотренных частями 2, 3 ст. 158 УК РФ в сочетании с п. 3 примечания к данной статье, а также признаков состава преступления, содержащегося в ст. 215³ определением бланкетных дефиниций понятий «нефтепровод», «нефтепродуктопровод», «магистральный трубопровод», «иное хранилище» [6, с. 155–159].

Отметим, что начиная с июля 2018 г. в частях 1 и 2 ст. 215³ УК РФ предусмотрена ответственность за совершение действий по самовольному подключению к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам лицами, подвергнутыми административному наказанию за аналогичные деяния (ч. 1), за совершение этим же лицом указанных действий в отношении магистральных трубопроводов (ч. 2). Изучение судебной статистики подтверждает, что применение данных уголовно-правовых запретов характеризуется положительной ди-

намикой. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 г. по частям 1 и 2 ст. 215³ УК РФ осуждено 410 лиц (из них 399 лиц – по ч. 1 этой статьи), в 2020 г. – 613 лиц (из них 589 лиц – по ч. 1 этой статьи).

В то же время также следует учитывать, что посягательства на общественные отношения в нефтяной отрасли характеризуются высокой латентностью, а также многообразием форм своего проявления. К таким деяниям относят, в частности, различные хищения в местах добычи, хранения или транспортировки нефти, но и еще и контрабанду последней и т. д. Кроме того, лица, вовлеченные в теневой оборот нефти и нефтепродуктов, несут уголовную ответственность за незаконные операции, связанные с несанкционированной эксплуатацией опасных производственных объектов (в том числе нефтеперерабатывающего оборудования, объектов хранения топлива (нефтебаз). Такая деятельность осуществляется без государственной регистрации, а равно без получения необходимых разрешений, что при определенных условиях может образовывать состав незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) [4, с. 265–269].

Критерии отнесения предприятий к опасным производственным объектам и эксплуатации их в качестве лицензированных производственных объектов неоднократно смягчались, главным образом за счет увеличения законодательного предела качества горючих веществ, одновременно находящихся в резервуарах или производственных объектах, ниже которого лицензия не требуется. В связи с этим распространены случаи, когда организованные группы вовлекают в преступную деятельность людей со специальными знаниями для того, чтобы избежать ответственности, целенаправленно строят используемые ими объекты с характеристиками, не превышающими эти критерии [5, с. 285]. Необходимо также учесть, что лица, осуществляющие противоправную коммерческую деятельность, прибегают к методам, направленным на воспрепятствование ее документированию: к примеру, осуществляют бухгалтерский учет через удаленный доступ к серверам, расположенным за границей; применяют меры конспирации по использованию компаний «однодневок»; используют лиц, неосведомленных в преступной деятельности.

Продукты, производимые соответствующими перерабатывающими предприятиями (моторное, печное топливо и мазут), также участвуют в рыночном обороте, но, как правило, не относятся к предмету какой-либо деятельности, запрещенной уголовным законодательством. В некоторых случаях лица, вовлеченные в незаконный оборот нефти и нефтепродуктов, несут ответственность за приобретение или продажу последних по п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ.

Отмеченные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии уголовно-правовых норм, позволяющих осуществлять борьбу с преступными посягательствами на общественные отношения, обеспечивающие функционирование нефтяной отрасли, однако для повышения эффективности такой борьбы, количество и содержание соответствующих статей должны получить дальнейшее развитие, направленное на формирование единой и согласованной системы норм, позволяющих осуществлять всестороннюю и полную правовую охрану указанных отношений.

Список литературы

1. Имангалиев Н. К., Завотпаева А. Т. О совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за хищение нефти. М.: Оптима, 2014. № 1 (55). С. 89.
2. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 43.
3. Пимонов Б. В. Содержание криминалистической характеристики незаконного предпринимательства в сфере оборота нефти и нефтепродуктов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 265–269.
4. Пимонов Б. В. Либерализация законодательства, регламентирующего оборот нефти и нефтепродуктов // Концепт. 2014. Т. 20. С. 285.
5. Плешаков А. М., Осипов В. А. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 155–159.
6. Хлор поставили на место // Российская газета: официальный сайт. 2019. № 159 (7917). URL: www.rg.ru/2019/07/22/kak-zagriaznennaia-neft-popala-v-truboprovoddruzhba.html (дата обращения: 11.05.2021).

Корниенкова М. Р.¹,

преподаватель кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

НЕИСПОЛНЕНИЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ ОБЯЗАННОСТИ ЗАБОТЫ О НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЯХ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Обязательство заботы совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях гарантировано Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст. 38).

Е. С. Сагалаева подчеркивает: «...в пожилом возрасте семья становится одной из важнейших сфер, в которой человек имеет возможность реализовать свои основные потребности...». Такое представление о семьях пожилых людей является скорее идеальным, чем реальным, все чаще средства массовой информации сообщают о случаях ущемления прав пожилых людей со стороны членов их семей, например, таких как физическое насилие, оставление в опасности, запугивание, ограничение в питании, предметах первой необходимости, лекарственных средствах [1, с. 231–233].

Современные исследователи объединяют нарушения прав пожилых людей в семье в три основные группы: 1) физическое; 2) психологическое (иначе, эмоционально-психологическое); 3) экономическое (финансово-экономическое) насилие. При этом В. А. Фокин дает наиболее подробное описание физическому насилию, которое включает: причинение физической боли, повреждений, убийство, насильственное принуждение к чему-либо (в том числе и сексуальные домогательства), запреты, ограничения прав и свобод, сексуальное насилие, медицинское насилие (халатность, несвоевременность при подаче лекарств, намеренная передозировка препарата, умышленный отказ больному в получении необходимого лекарства), пренебрежение – безответственность и невыполнение членами семьи, опекуном своих обязанностей по отношению к пожилому человеку, следствием чего становятся различного рода повреждения и нарушения его прав [2, с. 224]. В уголовном праве эти преступления квалифицируются как преступления против жизни и здоровья (ст. 105–125 УК РФ), преступления против свободы, чести и достоинства личности (ст. 126–128 УК РФ), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131–133 УК РФ) и влекут за собой уголовную ответственность. Следует заметить, что невыполнение членами семьи своих обязанностей по уплате алиментов рассматривать как (финансово-экономическое) насилие.

Напомним, что ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» устанавливается ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по *воспитанию* несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной органи-

¹ © Корниенкова М. Р., 2021.

зации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с *жестоким обращением* с несовершеннолетним.

Получается, что ст. 156 и ч. 1 ст. 157 УК РФ взаимодополняют друг друга в части обеспечения комплексной уголовно-правовой охраны несовершеннолетних детей при осуществлении заботы о них, воспитании и содержании, создавая вместе со ст. 5.35.1 КоАП РФ и ст. 80 СК РФ возможность реагировать на каждый противоправный факт и привлекать виновных к ответственности за жестокое обращение, связанное с воспитанием, и неуплатой средств на содержание несовершеннолетних лиц. В то же время, когда речь идет о комплексной охране нетрудоспособных родителей, то защищаются только их имущественные интересы в сфере алиментных обязательств (ч. 2 ст. 157 УК РФ); нормы, аналогичной ст. 156 УК РФ, устанавливающей ответственность за жестокое обращение с нетрудоспособными родителями, совершенное их совершеннолетними детьми, в действующем уголовном законе нет.

Как показывал анализ материалов судебной практики за 2010–2020 гг. по преступлениям, совершенным по ч. 2 ст. 157 УК РФ, состава главы 16 «Преступления против жизни и здоровья» и главы 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» не охватывают общественные отношения, которые возникают в связи с жестоким обращением совершеннолетних детей со своими родителями, которое мы отнесли к финансово-экономическому насилию. Например, покупка дешевых лекарственных препаратов, одежды, продуктов питания вместо дорогостоящих аналогов при наличии объективной возможности материальной; экономия воды, электричества и тепла в жилище, психическое давление, связанное с лишением возможности общаться с родственниками, близкими или друзьями; переселение родителей в труднодоступную местность, где могут быть большие физические нагрузки. В частности, на практике встречаются вопиющие случаи, когда совершеннолетние дети в зимний период отправляют своих родителей из городской квартиры в деревню или дачу с дровяным отоплением, туалетом на улице и питьевой водой в колодце, куда не может приехать скорая медицинская помощь или работники социальных служб; манипулируя родительской любовью, зная, что они не будут обращаться в правоохранительные органы, дети продают или обменивают дорогостоящее удобное жилье нетрудоспособных родителей (иногда единственное), оставляя их в невыносимых социально-бытовых условиях без средств существования или вообще на улице; забирают пенсию у нетрудоспособного лица или оформляют на их персональные данные кредиты для покупки дорогостоящих компьютера или телевизора при совместном проживании, однако сами родители в них не нуждаются.

Как правило, если подобные действия совершеннолетних становятся достоянием общественности и не наступили общественно опасные последствия согласно нормам глав 16 и 17 УК РФ, то максимально возможное наказание для таких лиц – это, к сожалению, общественное порицание и осуждение, иногда в региональных и федеральных СМИ. Достаточно проанализировать тематику

вечерних интерактивных шоу и новостных эфиров на центральных телеканалах (например, «Пусть говорят», «Малахов-Шоу», «Вести недели», «Время», «НТВ итоги недели» и т. д.), чтобы осознать реалистичность вышеописанных фактов и их общественную опасность.

Российское общество всегда с одобрением относилось к усилению ответственности должностных лиц, действия или бездействие которых по отношению к нетрудоспособным и недееспособным лицам старшего возраста создавали угрозу или приводили к серьезным общественно опасным последствиям. При этом в сознании общественных масс сформировалось мнение о том, что дети и родители ничем не обязаны друг перед другом, что современное демократическое правовое цивилизованное государство должно заботиться и о своих гражданах – и несовершеннолетних детях, и о их нетрудоспособных родителях. В таких условиях ошибочно трактуется основа построения человеческого социума – наличие традиционной взаимной моральной ответственности возрастных поколений «дети-родители» в рамках одного социального института семьи. Понимание такого формата отношений создает возможности разработки и реализации юридических гарантий взаимоотношений между детьми и родителями, в том числе с применением уголовно-правовых средств защиты интересов не только несовершеннолетних детей (ст. 156 УК РФ – касается ненадлежащего воспитания; ч. 1 ст. 157 УК РФ – материальной стороны содержания ребенка), но и нетрудоспособных родителей (к сожалению, обеспечивается защита только материальных гарантий содержания – ч. 2 ст. 157 УК РФ). Получается, что родители не защищены от жесткого обращения со стороны своих совершеннолетних детей в контексте декларируемой в Семейном кодексе Российской Федерации обязанности заботиться о них, осуществлять должный уход (не воспитание, как с детьми). Поэтому мы предлагаем восполнить этот пробел действующего УК РФ на основе учета критериев криминализации, путем включения в Главу 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» нормы о ненадлежащем исполнении совершеннолетним лицом обязанности по уходу, связанной с заботой о своем нетрудоспособном родителе, признанного нуждающимся в помощи, а равно отсутствие с его стороны заботы о нем, если это деяние соединено с жестоким обращением.

Список литературы

1. Сагалаева Е. С. Ущемление прав пожилых людей в семье // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 231–233.
2. Фокин В. А. Социальная работа с пожилыми – жертвами насилия // Социальная и медицинская помощь населению после катастрофы. Тула, 2003. С. 224.

Ищенко Д. П.¹,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

Слова экстремизм и терроризм в последнее время очень часто можно услышать по новостям, радио, средствам массовой информации, интернете.

Экстремизм, как крайне отрицательное социальное явление, характеризуется преступными действиями в форме выражения весьма крайних взглядов, которые нацелены на насильственное решение возникших конфликтов и достижения противоправных целей. Проявление экстремизма достаточно давно известно современному обществу и государству. Угроза экстремистских проявлений и общественная опасность возрастает из года в год. Если обратиться к статистике, то можно увидеть, что совершение данных категорий преступлений возрастает с каждым днем.

За истекший период с января по декабрь 2020 г. в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. зарегистрировано 2342 преступления террористического характера (+29,7 %) и 833 преступления экстремистской направленности (+42,4 %). Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 623 (+67,9 %) преступления совершены в текущем году, в том числе: пресечено на стадии приготовления и покушения – 71 (+18,3 %); за пределами Российской Федерации – 226 (+218,3 %) [1].

В уголовно-правовой литературе существует достаточное количество научных мнений, подходов, взглядов, которые направлены на толкование сущности и содержания экстремизма. Но преступность не стоит на месте, появляются новые формы и способы совершения преступлений, в том числе экстремистской направленности, идет постоянный рост подобных преступлений. Рост таких преступлений ставит перед законодателем вопрос об усилении уголовно-правовой политики противодействия экстремизму, либо же изменении своей стратегии – выработки современных и эффективных способов противодействия данным преступлениям.

Как во всех направлениях правоприменительной деятельности имеются сложности и проблемы применения отдельных статей главы 29 УК РФ, что требует совершенствования законодательства и практики его применения в рамках противодействия экстремизму.

Относительно недавно в уголовный закон Российской Федерации включена статья 280.1, которая устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности. Федеральным законом для исключения ошибок дается определение,

¹ © Ищенко Д. П., 2021.

что же такое «территориальная целостность» [2]. Территориальная целостность государства не признается как отдельный основной объект, ее рассматривают как дополнительный объект. А вот в случае причинения вреда увеличивает общественную опасность преступления.

Многие научные деятели в сфере уголовного права отметили, что введение данного изменения является уместным и более точно определяет сущность ст.280.1 УК РФ. Так, например, А. Г. Хлебушкин пишет, что само по себе такая криминализация является правильной и своевременной мерой. Она помогает нашему государству продолжать дальше формировать состояние защищенности конституционного строя Российской Федерации как от внешних, так от внутренних угроз [3].

Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях указывает, что нарушение целостности территории государства является проявлением одной из форм экстремизма. Поэтому, само деяние, которое описывается в статье 280.1 УК РФ, включает в себя объективную сторону статьи 280 УК РФ, где указана уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

При детальном рассмотрении ст. 280 и ст. 280.1 приходим к выводу, что в обеих статьях в санкциях фактически предусмотрена одна и та же ответственность. По части первой – штраф, либо же лишение свободы, а по части второй, с использованием сети «Интернет» – более суровое наказание ввиду большей общественной опасности, но при повторном совершении правонарушения.

Учитывая данные факты, следует, что ст. 280.1 УК РФ является специальной нормой для ст. 280 УК РФ. При этом, в случае совершения противоправного деяния с использованием сети «Интернет», направленное на нарушение целостности территории государства, то уголовная ответственность будет менее суровая, что говорит о ее привилегированности.

Кроме того, правоприменители толкуют содержание призывов по ст. 280.1 УК РФ, указывают на их насильственный характер, пренебрегая другими признаками. Это логично, потому что в статье указано «насильственного характера», но таким образом закреплено всего лишь его содержание, соответственно прямого указания на насильственный характер законом не предусмотрено. Отдельно следует учитывать последние законодательные изменения, которые предусматривают возможность привлечения к уголовной ответственности виновное лицо только после привлечения его к административной ответственности за аналогичные действия в течении года.

Законодателем сделан упор на превенцию преступлений, для стимулирования законопослушного поведения и отказ от противоправной деятельности. Фактически проведена переоценка общественной опасности, особенно по преступлениям, совершаемые с использованием сети «Интернет», когда дальнейшие публикаций преступные намерения не распространяются.

Итак, рассмотрев особенности ст. 280.1 УК РФ следует, что она открывает дверь для возможных ошибок при право применении. Поэтому учеными высказывается мнение, что рациональным будет исключить данную статью из ко-

декса и расширить силу и смысловое значение части первой и второй ст. 280 УК РФ, указать в качестве квалифицирующих признаков.

Следует отметить еще один проблемный вопрос, касающийся ответственности за финансирование экстремистской деятельности. Совсем недавно в Уголовный кодекс была включена еще одна статья, предусматривающая финансирование экстремистской деятельности. Так, А. Г. Хлебушкин пишет, что основной целью и ведущей функцией этой статьи является недопущение доступа к ресурсам лиц, которые хотят совершить преступление экстремистской направленности и финансировать их. Участникам экстремистской деятельности нужны ресурсы (финансовые), дабы снабдить себя необходимыми приборами, компьютерной техникой, чтобы воплотить в жизнь свой преступный замысел. Внимательно изучив статью, приходим к выводу, что название статьи и ее содержание различны по смыслу. Более того, возникают вопросы по правоприменению. В диспозиции статьи не указан минимальный размер оказанной финансовой помощи. Соответственно по правоприменению размер оказанной помощи не имеет значение для квалификации как преступления. Однако возникают сомнения относительно соответствия суммы и общественной опасности совершенного деяния.

Кроме того, в диспозиции не указано слово «приготовление», т. е. финансирование на стадии подготовки и совершения преступления есть, а приготовления не предусмотрено. Возникают вопросы: может ли иметь место пересечение (либо отказ от совершения) финансируемого преступления для того, чтобы исключить наказание по данной статье. Или достаточно того, что лицо финансировало, даже если не были достигнуты поставленные цели. Такие вопросы возникают при детальном изучении законодательства. Выходом из этой проблемной ситуации, для устранения возможности двоякого толкования законодательства является внесение дополнений в исследуемую статью УК РФ. Целесообразно устранить возможность двоякого толкования закона, так как это порождает возможность ошибок в правоприменительной практике, приводит к нарушению принципа справедливости.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за период январь–декабрь 2020 г.: Статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России // URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 05.05.2021).
2. Федеральный закон от 28.06.2014 № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 05.05.2021).
3. Хлебушкин А. Г. Публичные призывы, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11.

Михайловская О. В.¹,

старший научный сотрудник

Всероссийского научно-исследовательского института

Министерства внутренних дел Российской Федерации

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 156 И 157 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Родовым объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» и 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» УК РФ, является личность, а видовым – семья и несовершеннолетние.

Основным непосредственным объектом данных преступлений являются общественные отношения, соответственно, по обеспечению физического, интеллектуального и нравственного развития несовершеннолетнего и по обеспечению нормального материального существования детей и нетрудоспособных родителей.

Дополнительным объектом неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего может выступать здоровье.

Обязательным элементом составов указанных преступлений, характеризующим их объект, является потерпевший, соответственно, несовершеннолетний и нетрудоспособный родитель.

Полагаем, что в качестве конструктивного признака в отмеченные составы преступлений включено в косвенной форме лицо, находящееся в беспомощном состоянии, хотя в них такое лицо прямо и не упоминается.

Потерпевшими от преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ, являются несовершеннолетние, в том числе ими могут быть лица, имеющие физические или психические недостатки, малолетние, больные, инвалиды и иные не достигшие совершеннолетия лица, находящиеся в беспомощном положении.

Потерпевшими от преступления, предусмотренного статьей 157 УК РФ, являются, кроме несовершеннолетних, нетрудоспособные лица, достигшие в соответствии с пенсионным законодательством возраста, соответственно: женщины 60 лет, мужчины 65 лет, а также лица, признанные в установленном порядке нетрудоспособными по инвалидности: инвалиды I или II группы. Среди них значительную часть составляют престарелые лица в возрасте старше 80 лет, нуждающиеся в соответствии с законодательством о социальных гарантиях граждан в постороннем уходе, и иные лица, находящиеся в беспомощном состоянии.

Преступление, предусмотренное статьей 156 УК РФ, состоит в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной

¹ © Михайловская О. В., 2021.

организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего представляет собой длящееся бездействие и выражается в уклонении от их выполнения или их игнорировании. Ненадлежащее исполнение этих обязанностей может выражаться как в длящемся бездействии, так и в продолжаемых действиях и состоит в некачественном и не в полном объеме их выполнении, а также может состоять в применении к несовершеннолетнему, в том числе разовом, запрещенных методов и способов воспитания, в его эксплуатации, в формировании у него асоциальных взглядов, наклонностей и привычек. Многие проявления неисполнения или ненадлежащего исполнения этих обязанностей одновременно выступают как проявления жестокого обращения с несовершеннолетним. В судебной практике к таковым относят, в частности, такие их формы, ставящие под угрозу жизнь и здоровье несовершеннолетнего или влекущие причинение им вреда, как: систематическое неудовлетворение жизненно важных потребностей несовершеннолетнего (в питании, одежде, сне, отдыхе, лечении) или воспрепятствование их удовлетворению; содержание или оставление его в условиях, угрожающих его жизни и здоровью; совершение в отношении него физического или психического насилия, включая пытки, побои, истязания, избиения, сексуальные домогательства, покушения на половую неприкосновенность; попустительство совершению над ним насилия; унижающее его достоинство, грубое, пренебрежительное с ним обращение, включая оскорбления и распространение позорящих сведений; лишение его свободы; его эксплуатация; применение к нему наказаний, включая лишение средств к существованию, причиняющих ему физические и нравственные страдания.

Во многих случаях проявления жестокого обращения одновременно образуют состав иных преступлений против личности, в частности, оставления в опасности, убийства, причинения смерти по неосторожности, умышленного причинения вреда здоровью различной тяжести или причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, побоев, истязания, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, незаконного лишения свободы, торговли людьми, использования рабского труда, клеветы, изнасилования, насильственных действий сексуального характера, понуждения к действиям сексуального характера, полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, развратных действий, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий. В таких случаях действия виновного дополнительно квалифицируются по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за эти преступления.

При этом следует учитывать, что за квалифицированные виды указанных преступлений, выражающиеся в их совершении в отношении малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, либо в отношении несовершеннолетнего в соответствующих статьях УК РФ предусмотрена повышен-

ная ответственность. Поэтому в случаях, когда при ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего его жизнь и здоровье были поставлены в опасность самим виновным, его действия квалифицируются по статье 156 УК РФ и дополнительно, в зависимости от наступивших последствий, по соответствующей статье УК РФ против жизни или здоровья, однако, как оставление в опасности по статье 125 УК РФ они в этих случаях дополнительно не квалифицируются, что находит отражение и на практике [1].

По данным уголовной статистики ежегодно в России регистрируется около 1,5 тыс. преступлений, предусмотренных статьей 156 УК РФ, в частности, их было зарегистрировано в 2017 г. – 1620, 2018 г. – 1579, 2019 г. – 1491, 2020 г. – 1288 [2]. При этом значительная их часть, по данным криминологов, не выявляется и остается вне регистрации. Подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в отношении родителей и иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих своих обязанностей по их воспитанию, ежегодно в органы предварительного следствия направляется для возбуждения уголовного дела около 13 тыс. материалов. По большей части из них (около 10 тыс.) уголовные дела возбуждаются по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за побои и истязания, причинение легкого или иной тяжести вреда здоровью и иные преступления против личности [3].

В связи с распространенностью преступлений, выражающихся в жестоком обращении с малолетними и иными несовершеннолетними, находящимися в беспомощном состоянии, и более высокой степенью общественной опасности таких преступлений, необходимо признать обоснованными предложения, высказанные некоторыми авторами [4] о необходимости учета данного обстоятельства в качестве квалифицирующего признака при совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Считаем необходимым предусмотреть в уголовном законе квалифицированный вид данного преступления и установить повышенные меры ответственности за него в случаях его совершения в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии.

В этих целях полагаем необходимым дополнить статью 156 УК РФ частью 2 и изложить ее в следующей редакции:

«То же деяние, совершенное в отношении малолетнего или иного несовершеннолетнего лица, находящегося в беспомощном состоянии, наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет».

Полагаем также необходимым статью 157 УК РФ, предусматривающую ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, дополнить частью третьей в которой предусмотреть повышенную ответственность за те же действия, совершенные в от-

ношении малолетнего или пожилого лица, достигшего восьмидесятилетнего возраста либо детей или нетрудоспособных родителей заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии.

В этих целях полагаем необходимым дополнить статью 157 УК РФ частью 3 и изложить ее в следующей редакции:

«Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные в отношении малолетнего или лица, достигшего восьмидесятилетнего возраста, а равно детей или родителей, находящихся заведомо для виновного в беспомощном состоянии, наказываются исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на тот же срок, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Список литературы

1. Приговор Барун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 22 мая 2014 г. № 1-10/14 (11-269/13) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/tsNneGEhGorP/> (дата обращения: 15.12.2019).
2. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2017–2020 гг. Данные ГИАЦ МВД России.
3. Сводный отчет по России о результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2017–2019 гг. Данные ГИАЦ МВД России.
4. Гуль Н. В. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Журнал российского права. 2005. № 3.

Некрасов Д. Е.¹,

начальник кафедры уголовного права и криминологии

Рязанского филиала Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Распространение экстремизма является одной из наиболее острых проблем современности не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Особо опасной представляется деятельность по публичным призывам к экстремистскому поведению (ст. 280 УК РФ), причем сегодня осуществляемая преимущественно посредством сети Интернет и адресованная лицам молодежного возраста.

В качестве примера можно привести материалы уголовного дела в отношении гражданина России Х., который с 14-летнего возраста принимал участие в незаконных вооруженных формированиях, вступив в них на территории Сирийской Арабской Республики, заразившийся соответствующими идейным соображениям через сеть Интернет, в результате восприятия призывов к осуществлению экстремистских действий [1]. И таких примеров в опубликованной судебной практике можно найти немало.

В теоретическом и практическом аспектах все признаки, составляющие конструкцию отдельных элементов состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, вызывают интерес. В данной научной статье затронем ряд вопросов, связанных с субъективными признаками публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Напомним, что субъективными признаками преступления в науке уголовного права принято считать те признаки, которые определяют особенности субъекта преступления и субъективную сторону его деяния.

Вопрос о субъекте публичных призывов к экстремизму является одним из приоритетных при разработке в уголовно-правовой и криминологической науке, что подтверждается современными публикациями. [2, с. 134].

В соответствии с нормами действующего законодательства, субъектом уголовно наказуемых призывов к экстремизму является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. При этом, стоит отметить тот факт, что в последнее время наблюдается значительный рост приверженцев взглядов экстремистской направленности, которые не достигли возраста уголовной ответственности за данное преступление (в возрасте 14–15 лет). В основном это связано с развитием и распространением информационно-телекоммуникационных технологий, активно осваиваемых лицами, указанной возрастной категории, которые во многом оказывают свое влияние, как на социальное развитие несовершеннолетних и молодежи, так и непосредственно на мотивацию их поведения. При этом будучи субъектами восприятия публичных призывов к экстремистской деятельности, они принимают участие в расширении круга охвата

¹ © Некрасов Д. Е., 2021.

этими призывами других граждан, и именно, используя информационно-телекоммуникационные технологии. Поэтому вопрос о понижении возраста уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ является весьма актуальным.

В научной литературе, с точки зрения мотивационных процессов, протекающих в личности, исследователи выделяют два вида экстремистов молодежного возраста:

экстремисты, продвигающие идеи суверенитета отдельных республик входящих в состав Российской Федерации, а также идеи борьбы за их национальную независимость;

экстремисты, которые желают проявить свою независимость от государства, а также пренебрежение и ненависть к какой-либо расе и религии, социальной группе [3, с. 24].

Указанное, на наш взгляд, следует учитывать при установлении мотивов совершения публичных призывов в рассматриваемой форме.

Лица, осуществляющие публичные призывы к экстремизму, как правило, сами являются участниками запрещенных в России экстремистских организаций. При этом для них характерен высокий уровень рецидива. Так, гражданин М., отбывший наказание за участие в деятельности экстремистского сообщества, после освобождения продолжил свою преступную деятельность, публично призывая граждан к вступлению в ряды экстремистского сообщества и к совершению экстремистских действий [4].

В научных публикациях отмечается необходимость введения особой ответственности для лиц, которые призывают к каким-либо преступным действиям, при этом имея особое влияние на определенную часть населения, пользующиеся доверием граждан, воспринимающих их в качестве лидеров.

Считаем целесообразным признание повышенной общественной опасности лидеров общественных объединений и организаций за публичные призывы к экстремизму. Введение такой ответственности в ст. 280 УК РФ представляется необходимым в связи со значимостью действий (в том числе вербальных) лидеров различных движений, которые оказывают особое влияние на сознание, мотивы и действия лиц, их поддерживающих. Безусловно, публичный призыв со стороны неизвестного никому лица будет иметь меньшее общественное воздействие, а значит и опасность, чем призыв к экстремизму, например, со стороны М. Джемилева, провозгласившего себя лидером крымских татар и являющийся председателем Меджлиса крымско-татарского народа (отметим, что данная организация в России отнесена к разряду экстремистских организаций и запрещена с 2016 г.) [5, с. 36]. Призывы со стороны общественных деятелей, придерживающихся экстремистских взглядов, имеют значительную общественную опасность, что предопределяет установление более строго уголовного наказания за призывы к экстремизму, провозглашаемые ими.

Исходя из изложенного представляется необходимым дополнить ст. 280 УК РФ третьей частью, предусматривающей в качестве особо квалифицированного состава призывы, осуществляемые лицом, обладающим общественно-политическим влиянием. Соответственно, необходимо будет допол-

нить ст. 280 УК РФ примечанием, в котором будет уточнено какие именно категории лиц относятся к лицам, имеющим подобный статус.

Субъективная сторона публичных призывов к осуществлению экстремистских действий, являясь важнейшим элементом данного состава преступления, отражает его внутреннюю сущность как самостоятельной формы экстремизма.

Публичные призывы к осуществлению экстремистских действий имеют достаточно сложную субъективную природу, так как установление истинных мотивов преступника представляется достаточно проблематичным ввиду того, что человек может следовать за кем-то, выполнять установки другого человека, представляющего для него идеал, но сам изначально не находясь на позиции уверенности, что желает именно такого исхода дела. Так, человек призывающий к экстремизму, может осуществлять свои призывы в желании подражать определенному человеку, который в социальных сетях позиционирует себя как экстремист, при этом сам человек может и не осознает всей опасности своих призывов, всего того масштаба разрушений, которые могут произойти в обществе при следовании его призывам.

Анализ теоретического материала в юридической литературе позволяет прийти к заключению, согласно которому субъективной стороне публичных призывов к осуществлению экстремистских действий уделяется недостаточно внимания. Специалисты в процессе характеристики субъективной стороны анализируемого состава преступления, в большинстве случаев склоняются только к определению формы вины субъекта.

Многие справедливо полагают, что данное преступление с субъективной стороны характеризуется только прямым умыслом [6, с. 426].

Однако существуют и иные точки зрения. Так, З. М. Бешукова считает, что утверждение о наличии прямого умысла у лица, публично призывающего к экстремизму, значительно усложняет деятельность правоохранительных органов, которые даже при установлении неопровержимых и дерзких фактов публичных экстремистских высказываний приходится изыскивать доказательства того, что виновный совершил их именно с умыслом побудить других к определенным деяниям [7, с. 197]. Отметим, что лицо «проповедующее» экстремистские взгляды порой не осознает того, что, выражая свои взгляды, он тем самым подталкивает иных людей к противоправным действиям, побуждает их к стремлению совершить экстремистский акт. Излагая свою мысль открыто, в том числе посредством общения в социальных сетях, субъект может и не имеет непосредственной цели на то, чтобы люди совершали экстремистские действия, например, он может стремиться привлечь сторонников, которые будут лишь поддерживать его мысленно и ставить «лайки» в сети, обеспечивая ему, так называемую телекоммуникационную популярность (нередко преследуя цель получение финансовой прибыли за это). Но такое субъективное восприятие своих действий, своих слов никак не уменьшает общественную опасность поведения этого лица. В любом случае о разновидности умысла будут свидетельствовать и конкретные обстоятельства реализации признаков объективной стороны состава преступления (в частности, содержание публичных высказываний).

В этом же контексте следует учитывать, что публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности следует отграничивать от действий виновного, которые могут быть квалифицированы как подстрекательство к совершению каких-либо конкретных преступлений.

В настоящее время, превалирует позиция, что публичные призывы к осуществлению экстремистских действий с субъективной стороны характеризуется именно прямым умыслом субъекта. Подразумевается, что лицо целенаправленно осуществляет призыв к экстремизму, осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в виде побуждения других лиц к осуществлению экстремистской деятельности и желает их наступления.

Таким образом, следует также особое внимание обратить на цель совершения преступного деяния, которая состоит в том, чтобы возбудить у человека желание осуществлять какой-либо вид экстремистской деятельности. Сам субъект, призывающий к экстремистским действиям, может и не испытывать чувство ненависти к определенным расам, национальностям, социальным группам и т. д. Конкретно его отношение к экстремизму не влияет на квалификацию преступления, но установление его намерения имеет огромное значение для правильной квалификации совершенного им действия и, в целом для доказательственной деятельности.

Как правило, достижение поставленной цели – это привлечь граждан к экстремистским действиям, осуществляется через решение промежуточной задачи – возбуждение ненависти, нетерпимости к той или иной составляющей социума.

Ненависть может проявляться в различных сферах: национальной, расовой, социальной, религиозной, политической и т. д. Однако само по себе наличие этих чувств, еще не подразумевает однозначность экстремистского поведения, но в определенных условиях могут обусловить его. По мнению М. Б. Готина и Е. С. Тадыкова, если эти обособленные менталитеты приобретают системный, комплексный характер и трансформируются в четкие идеологические воззрения, в основе которых лежат идеи нетерпимости (ненависти) по отношению к основополагающим ценностям и принципам социума, социально-политическим, этническим и прочим формам его устройства и выражаются в психологической готовности действовать насильственными методами [8, с. 27–28].

Список литературы

1. Приговор Старопромысловского районного суда г. Грозного Чеченской республики от 16 июля 2019 г. по делу № 1-99/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z5XIatEhNg1u/> (дата обращения: 12.04.2021).
2. Юрьева Н. В. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности // Научные исследования Высшей школы: сборник статей. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 134.
3. Мусаелян М. Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) // Адвокат. 2010. № 6. С. 24.

4. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. по делу № 222-АПУ19-6. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/GXjCho67uDoJ/> (дата обращения: 10.04.2021).

5. Буткевич С. А. Особенности субъекта и субъективной стороны Крымского экстремизма // Крымские юридические чтения. Образование и наука: сборник трудов конференции. Симферополь: Изд-во «ИП Пинчук», 2019. С. 36.

6. Зернов А. О., Мохоров Д. А. Публичные призывы к экстремизму – вызов обществу и государству // Неделя науки СПбПУ: сборник трудов конференции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского политехнического университета, 2018. С. 426.

7. Бешукова З. М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 197.

8. Готин М. Б., Тодыков Е. С. Специфика понятия «политический экстремизм» // Вестник науки. 2019. № 11. С. 27–28.

Староверов А. В.¹,
соискатель кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИШЕНИЯ ЖЕРТВЫ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ С ЦЕЛЬЮ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ

В самом начале 1980-х всемирно известный российский ученый-криминолог профессор М. М. Бабаев в одной из первых отечественных научных работ по проблеме социальных последствий преступности отмечал, что тяжкий вред, порождаемый совершением преступления, вынуждает государство рассматривать противодействие преступности как чрезвычайно важную социальную проблему. В связи с этим требуется постоянное, масштабное, всесторонне и углубленное изучение социальных последствий преступности [1].

Поэтому является актуальной позиция в отношении необходимости формирования особого системного подхода к обеспечению социально-правового контроля над преступностью. Такая системность должна обеспечить разработку и реализацию комплексных мер эффективного предупреждения преступности, обеспечиваемых системной научно обоснованной информацией о состоянии преступности и правоохранных приоритетах, реализация которых способна нейтрализовать внешние и внутренние факторы эскалации этого антиобщественного явления, минимизировать его криминальные последствия [2].

В докладах Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека систематически отмечалось и продолжает акцентироваться внимание на то, что торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации, а также принудительная проституция являются самыми серьезными нарушениями таких основных прав человека как право на жизнь и право на здоровье. В связи с этим торговлю людьми с указанной целью нельзя рассматривать иначе как чрезвычайно разрушительную форму дискриминации человека [3]. Представляется бесспорным утверждение о том, что данная форма дискриминации человека губительно сказывается на здоровье жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. При этом степень тяжести наступивших последствий напрямую зависит от формы и продолжительности эксплуатации, возраста и состояния здоровья жертвы торговли людьми.

По нашему мнению, сексуальной эксплуатацией является принуждение человека с использованием любых способов к предоставлению своего тела в распоряжение другого лица (других лиц) для получения им (ими) сексуального наслаждения. Несмотря на то, что вопрос о степени влияния торговли людьми на состояние здоровья ее жертв является статистически малоизученным, представляется все-таки возможным выделить ряд опасностей для здоровья лиц, по-

¹ © Староверов А. В., 2021.

страдавших в результате совершения в отношении них данного общественно опасного деяния.

Таковыми рисками являются следующие факторы.

Торговля людьми вне зависимости от целей ее совершения не предполагает соблюдения основных естественных прав человека в отношении людей, оказавшихся в положении ее жертв.

Пребывая фактически в состоянии неволи, они оказываются вне сферы действия права на здоровье и его охрану, права на получение информации о воздействии лекарственных средств и фармацевтических субстанций на здоровье человека, права на своевременное лечение и получение медико-профилактической помощи. Лишение жертв торговли людьми этих прав делает их уязвимыми для инфекций, вызываемых несоблюдением торговцами людьми даже простейших санитарно-эпидемиологических правил в местах, в которые они их поселили.

Проживание и сексуальная эксплуатация жертв торговли людьми в неблагоприятных для здоровья человека условиях зачастую является основной причиной обострения уже имеющихся у них хронических заболеваний. Особо отрицательно сказывается на здоровье жертв торговли людьми введение в их организм с применением насилия или обмана препаратов, поражающих волю человека к сопротивлению. Делается это с целью усиления контроля жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Чрезвычайно опасным для их здоровья являются незащищенные половые акты.

Лишение жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации возможности самостоятельно осуществлять контроль своего тела и состояния здоровья увеличивает степень риска быть зараженными заболеваниями, передающимися половым путем, а также оказаться пораженными вирусом иммунодефицита человека и другими инфекционными венерическими недугами.

Приобретая такие заболевания, жертвы торговли людьми передают их своим клиентам. Таким образом, прямо пропорционально своим половым контактам распространяют эти социально-опасные заболевания дальше. Отсутствие такого контроля приводит к тому, что жертвы торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации не могут добиться для себя безопасности полового акта. Неиспользование клиентом средств индивидуальной защиты создает для жертвы торговли людьми реальную опасность заражения инфекцией, передающейся половым путем, а также необходимость прерывания нежеланной беременности, что негативно сказывается на способности женщины к деторождению.

Последствиями необладания жертвами торговли людьми контроля своего тела является также то, что у них полностью или в значительной мере отсутствует доступ к медицинскому обследованию на предмет наличия социально-опасного заболевания. Кроме того, доступ жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации к получению своевременной профессиональной медицинской помощи является, если не полностью недоступным, то, как минимум, сильно ограниченным.

Торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации подразумевает как само собой разумеющееся применение насилия к ее жертвам.

По нашему мнению, насилие представляет собой совершение действий, парализующих волю лица, подвергающегося ему. При этом такие действия могут быть как противозаконными, так и формально ненаказуемыми. Насилие может быть как физическим, так и психическим. Предметом физического насилия являются органы и ткани человеческого тела, а также их его двигательные и другие возможности функционального характера, а психического насилия – психика человека. Причинение жертвам торговли людьми физических страданий позволяет торговцам людьми без каких-либо материальных затрат заставлять человека не противиться использованию своего тела для получения третьими лицами сексуального наслаждения. Применение насилия или угроз его применения к жертвам торговли приводит к появлению у них физических или психологических травм, либо и тех и других одновременно.

Полагаем, что применение насилия и угрозы его применения – это разновидности психологического воздействия. Друг от друга они отличаются только тем, что насилие осуществляется в настоящее время, а угроза применения насилия означает, что оно будет применено в будущем [4, с. 185–188]. Причиной появления таких травм у жертв может быть также получение ими информации о применении насилия или угрозы его применения к близким им людям.

Жизнь и здоровье малолетних и подросткового возраста жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации подвержены особой опасности из-за продолжающегося формирования их организма. Сексуальная эксплуатация, кроме опасности заражения венерическими заболеваниями, обострения хронических болезней, причинения вреда употреблением негодных лекарственных или псевдолекарственных препаратов, наносит необратимый ущерб их физическому и психическому здоровью, вызывает отставание в умственном развитии.

Крайне отрицательно на здоровье жертв торговли людьми несовершеннолетнего возраста сказывается перенесение ими посттравматического стресса без оказания медицинской помощи и социально-психологической поддержки. Следствием посттравматического стресса является следующее: появление у жертвы торговли людьми склонности вновь и вновь без какой-либо надобности погружать себя в обдумывание пережитого; впадение в состояние эмоциональной бесчувственности и полной оторванности от социума; непрерывное круглосуточное пребывание в состоянии постоянной настороженности.

Кроме того, такие лица лишены возможности приобретения привычки ведения здорового образа жизни, понимания необходимости ответственного отношения к своему здоровью.

Жертвы торговли людьми как несовершеннолетнего возраста, так и взрослых возрастов находятся под постоянной угрозой быть заставленными употреблять запрещенные наркотики и высокоградусные алкогольные напитки, совершать акты полового сношения без использования средств контрацепции.

Сексуальная эксплуатация чуть ли не всех жертв торговли людьми осуществляется в травмоопасных условиях при отсутствии возможности оказания в случае необходимости профессиональной медицинской помощи. Например, при нанесении клиентами телесных повреждений. Особо это касается мигрантов.

При этом следует сказать, что чем не легитимнее миграция, тем меньше мигрант имеет возможностей поддерживать свое здоровье в хорошем состоянии посредством обращения за медицинской помощью. Случаи сексуальной эксплуатации жертв торговли людьми обращают на себя особое внимание, поскольку при ее осуществлении возникает реальная угроза не только их здоровью, но и жизни.

Из сказанного вытекает, что торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации является криминальной формой дискриминации человека, поскольку ставит людей в положение невозможности осуществлять контроль за состоянием своего здоровья. По этой причине, по нашей оценке, практически все жертвы торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации являются подверженными заболеванию туберкулезом, ВИЧ/СПИД и другим социально-опасным инфекционным заболеваниям.

Социальная опасность туберкулеза, передающегося от человека к человеку воздушно-капельным путем, и инфекционных венерических болезней, передающихся половым путем, выражается в их разрушительном воздействии на общее и репродуктивное здоровье жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. При этом социальная опасность такого воздействия состоит в том, что оно транслируется на следующие поколения людей. Данное обстоятельство придает торговле людьми с целью сексуальной эксплуатации особую драматичность.

Список литературы

1. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности: учебное пособие. М., 1982. С. 82.
2. Иванцов С. В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11.
3. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека Экономическому и Социальному Совету «Рекомендуемые принципы и руководящие положения ООН по вопросу о правах человека и торговле людьми», Нью-Йорк, Основная сессия, 1–26 июля 2002 г. // URL: <https://yandex.ru/search/?lr=10811&clid=2233626&text> (дата обращения: 12.03.2021).
4. Староверов А. В. О содержании насилия и цели его применения при совершении торговли людьми // Вестник Московской академии следственного комитета Российской Федерации. 2020. №1. С. 185–188.

Теренков И. Е.¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Аксиоматично, что динамика развития системы и элементов правоохранительной деятельности государства нуждается в постоянном исследовании и мониторинге. В данной системе сотрудники подразделений полиции стоят на защите прав и свобод человека и гражданина в нашем обществе. Именно в силу данного обстоятельства их деятельность специфична, в том числе в части правового регулирования и условий осуществления. В силу специфики своей профессиональной деятельности они должны решать достаточно большой перечень определенных задач, которые предполагают определенный алгоритм действий и решений в режиме «особых условий». Соответственно, выполнение возложенных на сотрудников полиции задач предполагает применение активных мер противодействия преступности, в том числе и применение огнестрельного оружия. Случаи, когда у сотрудников полиции возникает право на применение огнестрельного оружия регламентировано в ст. 23 ФЗ РФ «О полиции» [1]. Вместе с тем в ч. 9 ст. 18 указанного закона содержатся положения об исключении ответственности сотрудников полиции за вред, причиненный гражданам и организациям при применении огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами. Одним из таких законов является Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающий в ст. 37 УК РФ право граждан на необходимую оборону. Выполнение сотрудниками полиции своих профессиональных обязанностей предполагает пресечение ими различных конфликтных ситуаций, в том числе и общественно опасных посягательств, в том числе и совершаемых в отношении них. От быстроты и решительности их действий нередко зависит жизнь и здоровье граждан и их самих. При этом в теории уголовного права нет однозначного ответа о соотношении норм составляющих институт необходимой обороны и норм ФЗ РФ «О полиции», регламентирующих применение огнестрельного оружия в целях защиты себя или иных граждан от общественно опасных посягательств.

Неоднозначно оцениваются действия сотрудников полиции при применении ими огнестрельного оружия, так как между нормативными актами, регламентирующими порядок и условия применения огнестрельного оружия, возникают противоречия, что впоследствии приводит к необоснованному привлечению таких сотрудников к ответственности, в том числе и к уголовной. Анализ право-

¹ © Теренко И. Е., 2021.

применительной практики показывает, что до настоящего времени не выработан единый подход относительно приоритета норм уголовного или административного права при юридической оценке действий сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие в состоянии необходимой обороны. Именно в силу данного обстоятельства возможны различные коллизии и ошибки, которые самым непосредственным образом сказываются не только на квалификации деяний, но и на перспективе расследования уголовного дела, в том числе в части установления истины.

Указанные обстоятельства обуславливают потребность теории и практики в проведении научного исследования, направленного на выяснение соотношения названных норм, поскольку предусматриваемые ими условия правомерности причинения вреда не всегда совпадают, что вызывает существенные затруднения и ведет к ошибкам при квалификации действий сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие.

Сотрудники в силу своего положения обязаны защищать других граждан и себя, в том числе, от нападений, опасных для жизни и здоровья. Поэтому необходимо разграничить право на применение огнестрельного оружия простых обывателей от права применения его сотрудниками правоохранительных органов, которые наделены специальными полномочиями в силу своей профессиональной деятельности. На наш взгляд, на сегодняшний день, существуют две гипотезы, которые определяют сущность данного института. Одна из них заключается в том, что сотрудники полиции наделены правом на необходимую оборону и задержание преступника наравне со всеми остальными гражданами. Другая – акцентирует внимание на том факте, что необходимую оборону для простого обывателя необходимо отнести к категории субъективного права и моральной обязанности, а для сотрудников полиции защита интересов граждан, общества и государства – их служебная обязанность. И та, и другая гипотеза имеют право на существование. Каждая из них по-своему подчеркивает суть данного явления. Однако необходимо четко понимать тот факт, что действия субъекта, реализующего право на необходимую оборону или на задержание лица, совершившего преступление, и причиняющие этому лицу вред, в полной мере должны отвечать общественно полезным целям. При этом необходимо учитывать, что в подавляющем большинстве случаев применения огнестрельного оружия гражданами, последние не являются экспертами или как минимум юристами, обладающими достаточным багажом знаний, необходимых для правильной юридической квалификации совершаемого в отношении них преступного деяния. Что нельзя сказать о сотрудниках полиции, которые при поступлении на службу обязаны пройти первоначальную подготовку в специальных учебных центрах, либо проходят очное обучение в высших учебных заведениях МВД России, в которых они не только учатся владеть приемами борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия, но и получают ту юридическую базу знаний, которая дает им возможность в рамках своей профессиональной деятельности при возникновении экстренной ситуации в кратчайшие сроки квалифицировать степень опасности деяния, посягающего на жизнь и здоровье граждан или сотрудника полиции, оценить наступление негативных последствий и

решить вопрос воспользоваться ли своим правом на применение огнестрельного оружия или нет. Аксиоматичен тот факт, что сотрудник полиции должен быть профессионалом.

По нашему убеждению, профессионализм сотрудника органов внутренних дел должен соответствовать следующим критериям. Во-первых, это знание источников правового регулирования профессиональной деятельности. Стоит отметить тот факт, что сотрудник должен ориентироваться во всей системе отраслей права Российского законодательства, не ограничиваясь знанием уголовных и уголовно-процессуальных институтов. Во-вторых, правосознание должно находиться на должном уровне. Это означает, что любые формы правового нигилизма для сотрудника абсолютно неприемлемы. Более того, своими действиями и решениями сотрудник полиции должен способствовать формированию той правовой культуры, которая в максимальной степени способствовала бы профилактики и недопущению любых форм преступных проявлений. И, наконец, в-третьих, сотрудник полиции должен в совершенстве владеть огнестрельным оружием, знать правила оказания первой медицинской помощи, психологические закономерности взаимодействия между людьми в различных ситуациях условиях и жизненных обстоятельствах.

Необходимая оборона является одним из видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных восьмой главой УК РФ. Деяния, предусмотренные в этой главе, получили свое закрепление именно в уголовном законодательстве в силу, что они внешне похожи на преступления [2, с. 410]. Более того, С. Ф. Милуков отмечает, что «деяние, совершенное в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, как подпадающее под признаки Особенной части УК, обладает совпадением отнюдь не формальным, а действительным, реальным» [3, с. 51]. Правовые нормы уголовного законодательства, содержащие в себе четкие обстоятельства, исключающие преступность деяния, условия и пределы их правомерности, призваны определить границы правомерного причинения вреда охраняемым уголовным отношениям. Этот вывод основан на положениях действующего уголовного законодательства, а именно главы 8 УК РФ, в названии которой указывается именно на исключение преступности деяния, а также норм, входящих в нее, которые в большинстве своем начинаются со слов «Не является преступлением причинение вреда...». В теории уголовного права высказана и аргументирована точка зрения, в соответствии с которой «наличие в действиях лица признаков, какого-либо обстоятельства, исключающего преступность деяния, исключает их противоправность, общественную опасность, а соответственно и наличие в этих действиях и состава преступления» [4, с. 76]. Уголовная противоправность исключается в силу того, что именно нормы уголовного закона предусматривают эти деяния как правомерные, а общественная опасность отсутствует в силу наличие общественно полезной цели у лиц, их совершающих, а также влияния определенного внешнего фактора, преодолеть который для достижения поставленных общественно полезных целей не представляется возможным без причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом.

Итак, если отталкиваться от общих понятий обстоятельств, исключających преступность деяния, можно сформулировать следующие умозаключения, которые будут крайне необходимы для понимания функций норм их регламентирующих.

Во-первых, они имеют внешнее сходство с преступлениями, которое выражается в том, что ряд их объективных и субъективных признаков тождественны признакам, предусмотренным конкретными статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Во-вторых, социальным основанием исключения ответственности за причиненный вред является отсутствие у этих деяний общественной опасности. В-третьих, юридическим основанием исключения уголовной противоправности этих деяний выступает их регламентация нормами уголовного закона. Как указывается в ряде источников они являются уголовно-правомерными [5, с. 341].

Исходя из сказанного ранее можно констатировать тот факт, что несмотря на внешнее сходство с преступлениями, наличие в деянии признака обстоятельства, исключającego преступность деяния, характеризует его как правомерное деяние, предусмотренное нормами уголовного закона.

Не менее важным являются вопросы, касающиеся нормативного регулирования обстоятельств, исключających преступность деяния, а именно: они содержатся только в нормах уголовного закона или они так же регламентированы и нормами иных отраслей права; могут ли нормы иных отраслей права ограничивать, расширять, уточнять или отменять действие уголовно-правовых, предусматривающих исследуемые обстоятельства. Необходимость их разрешения обусловлена тем, что правоприменители (судьи, дознаватели, следователи) устанавливая такой юридический факт как наличие в деянии лица признаков обстоятельства, исключającego преступность деяния, должны дать этому факту юридическую оценку. Эта оценка выражается в применении норм уголовного закона, регламентирующих правомерные деяния. Для этого правоприменители должны изучить признаки совершенного деяния и сопоставить их с признаками, предусмотренными в нормах, регламентирующих конкретное обстоятельство, исключające преступность деяния (необходимую оборону, крайнюю необходимость, обоснованный риск и т. д.). При этом следует иметь в виду, что каждому виду уголовно-правомерного деяния присущи обязательные признаки, характеризующие его в качестве такового и позволяющие отграничивать их друг от друга, а также преступных и юридически значимых деяний, предусмотренных уголовно-правовыми нормами. Следует пояснить, что, говоря о юридически значимых деяниях, предусмотренных нормами уголовного закона, мы основываемся на мнении В. Н. Кудрявцева, указавшего, что «правовым поведением может признаваться только то, которое подпадает под правовые предписания – требования, запреты или дозволения. Не осознанное или не волевое поведение не отвечает этим критериям и, соответственно, не может признаваться правовым, его можно охарактеризовать только как юридически значимое» [6, с. 42]. Поскольку совершение общественно опасного деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 2 ст. 97 УК РФ) регламентировано нормами уголовного закона и влечет уголов-

но-правовые последствия, но совершается не под актуальным контролем сознания и воли лица, то его следует признавать уголовно-юридически значимым. Такие деяния не являются уголовно-правомерными.

Таким образом, можно сформулировать вывод, согласно которому, если будет установлено, что совершенное лицом деяние, является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных ст. 37–43 УК РФ, то оно не может признаваться преступным, несмотря на причинение вреда уголовно-охраняемому объекту. Соответственно, поскольку необходимая оборона является одним из видов уголовно-правомерного деяния, то лицо, причиняющее вред в состоянии необходимой обороны, действует правомерно и не может быть привлечен к уголовной ответственности, если отсутствуют признаки превышения пределов необходимой обороны. Подтверждением данного вывода являются положения ч. 9 ст. 18 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021), устанавливающие, что «Сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами» [1].

Несмотря на четкую законодательную конструкцию критериев необходимой обороны, на наш взгляд, давно назрел вопрос о необходимости подготовки протокола пошаговых действий сотрудника полиции в случае применения им огнестрельного оружия (причем не только в случае необходимой обороны, но и в случаях крайней необходимости). При этом на законодательном уровне необходимо закрепить положение, что если сотрудник полиции будет неукоснительно выполнять и соблюдать предписания данного протокола, то он не будет привлечен к уголовной ответственности.

Очевидно, что данный протокол не решит всех проблем, связанных с правомерностью причинения вреда. Однако его наличие (а главное соблюдение) придаст уверенности сотрудникам полиции в правильности принятых ими решений в случае применения огнестрельного оружия.

Данный факт полностью подтверждает проеденное нами исследование. Так, почти 80 процентов респондентов из числа сотрудников полиции отметили целесообразность и эффективность создания документа, в котором детально был бы прописан алгоритм действий сотрудника в случае применения огнестрельного оружия.

Список литературы

1. Федеральный Закон от 7.02.2011 г. № 3 (ред. от 05.04.2021) «О полиции» <https://legalacts.ru> // (дата обращения: 07.05.2021).
2. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 410.
3. Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб., 1998. С. 51.

4. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 76.

5. Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность и обстоятельства, при наличии которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания – соотношение и отграничение // Российский криминологический взгляд. 2015, № 1. С. 341.

6. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 42.

*Тит А. А.¹,
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ МЕДИАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

В последнее время представителями научного сообщества различных отраслей юридических наук все чаще поднимаются вопросы применения медиации для разрешения противоречий, возникших между сторонами. Преимуществом указанной формы устранения противоречий является экономия как материальных, так и организационных ресурсов, направленных на решение проблемы. Рассуждая о возможности применения медиации в сфере отправления правосудия необходимо учитывать, что уголовное законодательство Республики Беларусь при реализации целей уголовной ответственности предусматривает в ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в качестве цели наряду с исправлением лица, совершившего преступление, а также общей и частной превенцией указание на то, что «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда». Необходимо иметь ввиду, что при отправлении правосудия институт медиации не должен заменять собою уголовную ответственность, а способствовать достижению ее целей.

Вопросам медиации в Республике Беларусь, как одной из приоритетных форм восстановительного правосудия в последнее время придается важное значение как в научном сообществе, так и практическими работниками правоохранительных органов. Под медиацией, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-3 (далее – Закон о медиации) понимаются переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Вместе с тем, несмотря на свою значимость, проблема реализации восстановительного правосудия при реализации уголовной ответственности не нашла однозначного разрешения. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона о медиации медиация применяется в случаях: 1) урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской или иной хозяйственной (экономической) деятельности; 2) споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. Таким образом видно, что в настоящее время медиация, по белорусскому законодательству, если и

¹ © Тит А. А., 2021.

может применяться, то исключительно в сфере экономических, трудовых и семейных отношений.

Отталкиваясь от вышеизложенного, отметим, что с позиций как уголовного права, так и с позиций социологии преступление является конфликтом лица, совершившего преступление с другим лицом (потерпевшим) либо обществом (государством). Вместе с тем контент анализ норм кодексов об уголовной ответственности не закрепляет ни на одной из стадий реализации уголовной ответственности способов и форм осуществления конструктивного диалога осужденного и потерпевшего для устранения возникшего конфликта. Сам факт осуждения лица, за совершенное преступление еще не говорит о том, что конфликт исчерпан. Он часто принимает «тлеющий» характер, когда потерпевшая сторона не только не простила лицо, причинившее физические либо душевные страдания, но и готова отомстить после отбытия наказания осужденным. Указанный факт может повлечь эскалацию конфликта, повышая тем самым уровень конфликтности в обществе. В правоприменительной практике нередки случаи, когда лицо, отбывшее наказание за совершенное преступление, либо подвергается совершению в отношении его преступления со стороны потерпевшего, либо само совершает преступление уже повторно в отношении потерпевшего. На примере указанных ситуаций видно, что преступление совершенное повторно, в рамках отношений между участниками конфликта, случившегося ранее, является следствием конфликта, возникшего при совершении преступления за которое отбывал наказание осужденный. В данном случае конфликт был разрешен временно – на период отбывания наказания осужденным.

При разрешении конфликта, для устранения причин и условий его существования, научным сообществом и сотрудниками практических подразделений правоохранительной системы предлагается использовать пенитенциарную медиацию как способ конструктивного диалога для разрешения конфликта между потерпевшим и осужденным [1, с. 142]. Реализация медиации по своей сути относится к институту восстановительного правосудия, когда для достижения целей уголовной ответственности устраняются причины и условия, детерминирующие зарождение конфликта. В данном случае существование неразрешенного конфликта между потерпевшим и осужденным является существенной обстоятельством, способным детерминировать совершение преступления.

Важнейшей особенностью пенитенциарной медиации является тот факт, что социальный конфликт, возникший в сфере уголовных правоотношений, должен быть разрешен в пользу только одной стороны, а именно, потерпевшего. Таким образом, снижается эскалация конфликтного противодействия между участниками правоотношений. Достигнутый консенсус между потерпевшим и осужденным имеет также и важнейшее криминологическое значение. Общеизвестно, что успешной интеграции осужденного в общество после отбытия наказания препятствует отношение к нему как к преступнику – так называемая стигматизация (клеймение). Согласно указанному подходу, преступнику в общество мешает вернуться наклеенный на него ярлык преступника (стигма). Наличие указанного ярлыка довлеет над преступником, в результате чего общество его не принимает, вынуждая последнего выстраивать линию поведения, ориенти-

рованную на объединение в группы, носителей стигмы, как и он сам. По мнению исследователей, успешная интеграция осужденного в общество возможна только если общество примет осужденного, а для этого необходимо достижение согласия в обществе, устанавливающего социальное равновесие [2, с. 132].

Фундаментальной по важности составляющей пенитенциарной медиации является тот факт, что процесс ведения конфликтных переговоров по своей сущности требует специальных знаний медиатора, с помощью которых ему необходимо выстраивать линию переговоров между сторонами для решения главной цели – достижения соглашения, устраивающего потерпевшего. При этом, важное значение имеют знания медиатора не только в области юриспруденции, но также и в сфере пенитенциарной психологии и социологии. Учитывая значимость участия осужденного в процедуре пенитенциарной медиации, ряд исследователей считает целесообразным закрепить медиацию в уголовно-исполнительном законодательстве в качестве одного из средств исправления [1, с. 147; 3]. В данном случае, это закономерный шаг ввиду того, что участие осужденного в переговорах с потерпевшим для примирения с последним, свидетельствует о сформированном желании осужденного быть принятым в обществе после освобождения от наказания. В связи со сказанным, важным вопросом, требующим своего разрешения, является закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве алгоритма проведения медиации в период отбывания наказания осужденным. Для того, чтобы его разрешить следует признать, что сама по себе пенитенциарная медиация как социолого-правовой институт не может существовать самостоятельно. Пенитенциарная медиация как вид медиации должна основываться на положениях присущих в целом институту медиации. Так, фундаментальными принципами медиации в соответствии со ст. 3 Закона о медиации являются: 1) добровольность; 2) добросовестность и равноправие сторон; 3) беспристрастность и независимость медиатора; 4) конфиденциальность. При проведении пенитенциарной медиации необходимо учитывать, что в отличие от медиации, предусмотренной действующим Законом о медиации, где конфликт разрешается в пользу двух сторон, пенитенциарная медиация направлена на пользу одной стороны – потерпевшего от преступления. Схожий алгоритм решения конфликта предусмотрен при разрешении экологических споров в экологической медиации [4]. Безусловно, реализация пенитенциарной медиации в правоприменительной практике накладывает на законодателя необходимость детального закрепления процедуры проведения указанного вида медиации, требования к пенитенциарному медиатору, а также требования к соглашению о применении пенитенциарной медиации.

В заключение отметим, что общественные отношения в сфере исполнения наказаний напрямую коррелируют с уровнем развития отношений в гражданском обществе. Институт медиации, как показало исследование является эффективным способом разрешения конфликтов, возникающих в процессе жизнедеятельности общества. Наиболее острым из всех видов конфликтов, существующих в обществе, является конфликт в сфере уголовных правоотношений. Разрешение конфликта в указанной сфере общественных отношений способно оказать существенное влияние на уровень конфликтности в обществе, сниже-

ние которого способно привести деэскалации уровня конфликтности и снижения уровня рецидивной преступности соответственно, выведя при этом процесс отправления правосудия на качественно новый уровень.

Список литературы:

1. Громов В. Г., Сарсеналиева Д. К. О правовых основах применения медиации в исправительных учреждениях // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 140–149.
2. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 1003.
3. Минкина Н. И. Медиация и необходимость совершенствования уголовно-исполнительного законодательства // Концепт. 2016. С. 2196–2200 (дата доступа: 10.05.2021).
4. Медиация будущего: в Беларуси разработана модель экологической медиации URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/june/51818/>. (дата обращения: 10.05.2021).

Макарова О. В.¹,
*ведущий научный сотрудник отдела
 уголовного и уголовно-процессуального
 законодательства судостроительства
 Института законодательства и сравнительного правоведения
 при Правительстве Российской Федерации,
 кандидат юридических наук*

ВОПРОСЫ ПРАВА И МОРАЛИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Несмотря на то, что деятельность и поведение адвоката подробно регламентированы в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре), а также в Кодексе профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.), вместе с тем, вопросы соотношения права и морали в его деятельности, особенно по уголовным делам, остаются по-прежнему актуальными.

В соответствии со ст. 1 Закона об адвокатуре адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, в порядке, установленном законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Кодекс профессиональной этики адвоката конкретизирует обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, а также на международных стандартах и правилах адвокатской профессии. До принятия, указанных нормативных правовых актов, об этических категориях в деятельности адвоката не упоминалось. В Положении об адвокатуре РСФСР от 20 ноября 1980 г. указывалось только, что адвокат должен быть образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения.

Деятельность адвоката в уголовном процессе определяется общими морально-нравственными принципами судопроизводства. Речь идет о таких нравственных принципах его деятельности, как гуманизм, справедливость, объективность, принципиальность, добросовестность и т. д.

Положения Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики накладывают на адвоката и его деятельность определенные ограничительные рамки. Так, в соответствии с их нормами адвокат, в частности, не вправе: занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя; делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает; разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя; отказаться от принятой на себя защиты.

¹ © Макарова О. В., 2021.

Очевидно, адвокату порой приходится действовать в очень сложных этических ситуациях. Адвокат-защитник должен сделать все и не упустить ничего, что с точки зрения закона и морали нужно сделать для оправдания обвиняемого или смягчения его ответственности, и он не вправе делать что-либо, что может навредить обвиняемому и ухудшить его положение. В этом заключается трудность деятельности адвоката, сложность выполнения им функции защиты.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве прямо предписано законом. Но всегда ли его участие морально оправданно? Хотя ответ на этот вопрос бесспорен и однозначен, да, участие защитника всегда морально оправданно, тем не менее, не всем он покажется столь категорически решенным положительно. Одно дело, когда речь идет о защите человека, обвиняемого в преступлении, в котором он не виновен или виновен в меньшей степени, чем вменяется ему следствием. Здесь однозначно: защита является и правовой, и нравственной необходимостью.

А оправдана ли морально защита, если подсудимый действительно виновен и вина его велика и вызывает справедливый гнев тех, кто знает всю ее глубину? Отвечает ли она нравственным потребностям общества? С позиции обывателя, к примеру, серийный убийца или маньяк заслуживают сурового наказания, и защищать такого злодея противоречит принципам морали и нравственности. Вместе с тем, с такой реакцией обывательского мировоззрения нельзя согласиться, поскольку защита и такого подсудимого отвечает нравственным потребностям общества, а деятельность адвоката абсолютно моральна.

Во-первых, как известно, признать человека виновным может только суд, который до вынесения приговора, заслушает участников процесса и проверит все представленные доказательства. А помочь суду в этом должен защитник, который не упустит того, что может послужить на пользу подсудимому. А не будет защитника, не будет и полной уверенности, что не потерпела урон справедливость. Поэтому участие защитника в уголовном деле необходимо подсудимому, правосудию, но и не менее необходимо – нравственному сознанию нашего общества.

Среди адвокатов до сих пор дискутируется старый, как институт защиты, вопрос о «праве на ложь». Имеет ли право защитник говорить суду неправду, если это в интересах подсудимого и, если высказанная правда может ухудшить положение подсудимого, отягчить его вину?

Безусловно, честность и добросовестность являются обязательными качествами адвоката. Если подсудимый, которого закон не преследует за ложные показания, говорит неправду, это его дело, хотя и здесь долг адвоката указать своему подзащитному, что такая позиция вредит, прежде всего, ему самому. Адвокат обязан применять исключительно законные средства защиты. Он не может прибегнуть к недобросовестному приему или обману.

Несколько сложнее вопрос об умолчании. Как быть, если ложь выражается не в утверждении заведомой неправды, а в пассивной форме несообщения суду тех фактов, которые по делу не известны и стали достоянием адвоката при выполнении им своих профессиональных обязанностей? Но эта сложность суще-

ствуется только тогда, когда данный вопрос искусственно переносится из сферы права в сферу морали.

Согласно УПК РФ запрещается допрашивать защитника об обстоятельствах дела, которые ему стали известны от клиента при выполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей. Это вытекает из духа закона, который провозглашает не только право подсудимого на защиту, но и обеспечивает его реальными гарантиями. Одной из таких гарантий является запрет допроса защитника в качестве свидетеля, что позволяет подсудимому приобрести уверенность в том, что доверие к защитнику не может быть кем-либо использовано в целях ухудшения его положения. В то же время необходимость «адвокатской тайны» определяется тем, что она нужна не только для успешного выполнения защиты по тому или иному конкретному делу, но и для осуществления всей профессиональной деятельности адвокатуры в целом [1]. По справедливому замечанию Д. П. Ватмана, «адвокатская тайна установлена в интересах справедливого отправления правосудия, ограждения отношений доверительного характера между адвокатом и его клиентом, укрепления авторитета и престижа адвокатуры. Ее нарушение влечет негативные последствия морального характера: с одной стороны, наносится ущерб чести адвоката, а с другой – его клиенту или доверенному лицу» [2, 41].

Все разговоры о том, должен ли адвокат, которому подзащитный, отрицающий свою вину, наедине признался в ней, сообщить об этом суду, на наш взгляд юридически беспредметны. Ведь совершенно невозможно представить себе уголовный процесс, в котором проводилась бы для уличения подсудимого очная ставка между подсудимым и его адвокатом.

Но тут возникает другой действительно чисто этический вопрос: что, если подсудимый, против которого не собрано достаточно бесспорных доказательств, и категорически отрицающий свою вину, наедине с защитником чисто-сердечно признается ему в совершении преступления. Можно ли требовать от защитника, чтобы он, насилуя свою совесть, вел в этом случае защиту на оправдание, как этого требует подсудимый? Да, можно, поскольку согласно п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Однако в случае, когда защита еще не была принята, то есть не было заключено соглашение или не вынесено постановление (определение) о назначении адвоката за счет государства, следует объяснить подзащитному, что он может отказаться от данного адвоката. При этом и адвокат может отказаться от принятия защиты, например, тогда, когда его будущий клиент требует применения незаконных методов защиты и не желает от этого отказаться. Возможен случай, когда адвокат или его близкие сами стали в свое время жертвой преступления, аналогичной тому, что предъявлено клиенту, обращающемуся за помощью. И здесь возможен отказ от принятия поручения, если душевная травма, полученная самим адвокатом, препятствует полноценному осуществлению профессиональных обязанностей. В иных случаях, адвокат обязан поддерживать позицию клиента, хранить полученную информацию в тайне и продолжать собирать все возможные доказательства его невиновности. Очевидно, ад-

вокат может находиться в двусмысленной ситуации, когда его мораль как адвоката-профессионала вступает в конфликт с его же моралью обычного человека.

Теоретически при определенном стечении обстоятельств (недостаточности доказательств вины и пр.) и качественной работе адвоката клиент не будет привлечен к уголовной ответственности. С точки зрения обывателя, результат работы адвоката аморален, с точки зрения адвоката, его профессиональный долг (призвание) выполнен и результат его работы абсолютно соответствует моральным нормам. Не получается ли тогда, что законодатель возлагает на адвоката аморальные обязанности? С точки зрения Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, у адвоката нет оснований рассматривать себя как некоего судью, которому принадлежит право вынести свой предварительный приговор. Нельзя оставлять без защиты тех преступников, вина которых представляется хорошо доказанной, а совершенное преступление тяжким. Это не только не приемлемо с точки зрения морали, но и прямо противоречит Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на защиту любому подсудимому, независимо от тяжести и доказанности содеянного. Таким образом, защищать виновного можно и должно, и к этому прямо обязывает закон — лишь бы способы такой защиты были в пределах допустимого законом и этикой.

Со стороны адвоката недопустимы незаконные способы защиты, ведь в п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона или нарушение правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

В уголовном процессе деятельность адвоката должна быть направлена как минимум на выявление ошибок следствия и дознания, и нахождение, и фиксирование любых моментов, которые могут трактоваться в пользу клиента. При этом для адвоката интересы клиента выше собственных интересов. Не стоит забывать и о том, что адвокат противостоит возникновению судебных ошибок, из-за которых невинные люди могут серьезно пострадать и страдали, будучи незаконно осужденными.

Список литературы

1. Макарова О. В. Пробелы уголовно-процессуального регулирования в части обеспечения гарантий сохранения адвокатской тайны // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научно-практической конференции теоретиков права / отв. ред. Н. Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. ИД «Юриспруденция». 2021. С. 464.
2. Ватман Д. П. Адвокатская этика. М., 1977. С. 41.

Коновалова Е. А.¹,
адъюнкт заочной формы обучения
кафедры Предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

Современная криминогенная обстановка в России обуславливает устойчивую тенденцию к росту количества преступлений, совершенных организованными преступными группами (ОПГ), а также количества лиц, совершивших данные преступления. Согласно данным ФКУ «Главный Информационно-Аналитический Центр» МВД Российской Федерации в 2015 г. организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) совершено 13 735 преступлений, что составляет 1,1 % от общего числа расследованных преступлений, в 2016 г. – 12 581 преступлений (1,1 % от общего числа расследованных преступлений) в 2017 г. – 13 232 преступлений (1,2 % от общего числа расследованных преступлений) в 2018 г. – 15 628 преступлений (1,4 % от общего числа расследованных преступлений), а в 2019 г. – 15 615 преступлений (1,5 % от общего числа расследованных преступлений), а в 2020 г. – 17 727 преступлений (1,7 % от общего числа расследованных преступлений) [1].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости усиления мер ответственности за совершение преступлений в составе организованной преступной группы (Далее ОПГ). Проблема организованной преступности является актуальной не только в национальном праве Российской Федерации, но и занимает важное место в международной политике.

Основным международным документом в сфере организованной преступности является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая в 2000 г. (далее по тексту Конвенция ООН). Указанную конвенцию приняли 120 стран участников, что говорит о важности международного сотрудничества в деле предупреждения и борьбы с транснациональной организованной преступностью, и в выработке единого подхода к ее определению. Обратившись к тексту Конвенции ООН, мы увидим, что в ст. 5 данный документ закрепляет криминализацию самого факта создания организованной преступной группы как самостоятельного состава преступления [2].

К данной Конвенции присоединилась и Российская Федерация, но при этом сохранила особенный, национальный подход к понятию организованной преступности. Так, в статье 35 УК РФ законодатель определяет, что следует понимать под организованной группой, а что означает преступное сообщество (преступная организация). Анализ определений, сформулированных законодателем, позволяет выделить отличительные черты преступного сообщества и организованной преступной группы: преступное сообщество предполагает определенную структурированность, которая проявляется в распределении функций между руководителями разных подразделений преступной группы, то есть должно

¹ © Коновалова Е. А., 2021.

быть наличие минимум двух руководителей, один из которых подчиняется другому, а также минимум двух структурных подразделений, каждое из которых выполняет определенные функции в интересах преступного сообщества. Для организованной преступной группы данный внутренний состав не является обязательным; преступное сообщество создается исключительно для совершения тяжких либо особо тяжких преступлений. Преступления в составе организованной преступной группы могут совершаться любой степени тяжести; для преступного сообщества характерно обязательное получение финансовой или иной материальной выгоды, что не является обязательным элементом для преступлений, совершенных в составе ОПГ.

Можно сделать вывод, что организованная преступная группа является ядром организованной преступности, а преступное сообщество (преступная организация) выступает в виде усложненной организованной группы или объединения нескольких таких преступных групп.

Законодатель установил уголовную ответственность лишь за некоторые формы организованных преступных групп: за преступное сообщество (преступную организацию) (ст. 210 УК РФ), за террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), за незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), банду (ст. 209 УК РФ) и экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ). Однако отдельной уголовной ответственности за создание и участие в организованной преступной группе (ОПГ) законодателем не предусмотрено.

Отметим, что в некоторых нормах уголовного закона усилена уголовная ответственность за совершение преступления совершенного «организованной группой» (к примеру, ст. ст. 105, 110, 112, 117, 126, 131, 132, 158 и др.) Однако данный квалифицирующий признак предусмотрен далеко не во всех статьях, предусматривающих уголовную ответственность за преступные деяния, которые могут совершаться организованными группами. В правоприменительной практике следователи при отсутствии подобного квалифицирующего признака в диспозиции статьи уголовного закона вменяют участникам группы ч. 3 ст. 35 УК РФ. Так, в производстве СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области находилось уголовное дело по обвинению организованной группы, состоящей из 13 человек, возглавляемой Ф., которой был совершен ряд преступлений, а именно организация занятия проституцией и вовлечение в занятие проституцией (15 эпизодов). Статья 241 УК РФ не содержит квалифицирующего признака «совершенная организованной группой», хотя данные преступления совершались именно организованной группой. Всем участникам преступной группы ст. 241 УК РФ вменялась в вину через ч. 3 ст. 35 УК РФ [3].

Приведенный пример не является единственным. В 2019 г. на территории Тверской области действовала организованная преступная группа, занимающаяся «заказными» поджогами автомобилей в целях устрашения жителей региона в целом, а предпринимателей в частности, а также для получения своей материальной выгоды. Действия участников данной группы были квалифицированы по ст. 167 УК РФ, а из за отсутствия соответствующего квалифицирующего признака вменялась также ч. 3 ст. 35 УК РФ [4]. Данные примеры подтверждают факт того, что в составе ОПГ могут быть совершены любые преступления.

По нашему мнению, совершение преступления в составе ОПГ безусловно, свидетельствует о более высокой степени общественной опасности совершенного деяния. Следовательно, и наказание за данное деяние должно быть соответствующее. Однако в настоящее время в Российской Федерации не признан преступлением сам факт создания организованной преступной группы и участия в ней, что не соответствует упомянутой Конвенции ООН. Российский законодатель (как уже было отмечено выше) предусмотрел только квалифицирующий признак «организованная группа» в ряде норм уголовного закона и определил ответственность за «специализированные» преступные группы таких как банда, террористическое сообщество и др. Полагаем, что нельзя рассматривать в контексте пп. 1 и 2 Конвенции ООН закрепление в ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, как криминализацию факта создания организованной преступной группы. Во-первых, самой Конвенцией ООН запрещено приравнивать создание ОПГ к неоконченному преступному деянию, а во-вторых, при таком подходе отсутствует санкция именно за создание и участие в организованной преступной группе.

Наиболее удачной с точки зрения криминализации ОПГ в соответствии с Конвенцией ООН и наиболее близкой по смыслу к международному документу является статья 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Однако в данной норме закона не предусмотрена ответственность организацию и участие в организованной преступной группе. Согласно Конвенции ООН, «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду. Очевидно, что данное определение по ряду признаков весьма близко к понятию преступного сообщества (преступной организации), закрепленного в уголовном праве Российской Федерации, но не тождественно ему. Стоит обратить внимание, на то, что признак «структурированности» присущ только преступному сообществу (преступной организации) в российском уголовном праве, что значительно уже понятию «участие в ОПГ» в международно-правовом смысле. Согласно международному праву под структурно оформленной группой следует понимать, как группу, имеющую определенную иерархическую или другую разработанную структуру, так и группу, в которой отсутствует какая-либо иерархия и в которой роли ее членов не обязательно определены. Иными словами, организованной признается не только иерархическая группа, но и, к примеру, группа сетевая, в которой единого руководителя может и не быть. Таким образом, в международном законодательстве стерта грань между организованной группой и преступным сообществом, которая проводится в российском национальном законодательстве.

На наш взгляд вполне оправданно то, что законодатель выделил ответственность за преступное сообщество в отдельную статью как наиболее опасного преступления, по сравнению с «простой» организованной преступной группой. Но, с точки зрения автора, в уголовном законе должна быть предусмотрена

уголовная ответственность в том числе и за деятельность по организации и участию в организованной преступной группе, вне зависимости от категории преступлений, которые эта группа совершает.

Отметим, что законодатель не оставляет без внимания затронутые вопросы, а периодически конкретизирует и ужесточает ответственность в этой части. Например, в 2019 г. была введена ответственность за участие в собраниях организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп (ч. 1.1. ст. 210 УК РФ). Санкция статьи предусматривает от 12 до 20 лет лишения свободы. Полагаем, что такой подход законодателя оправдан. Именно поэтому мы полагаем целесообразным обратить внимание на необходимость введения отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за создание и (или) участие в ОПГ с учетом тех статистических данных, которые были даны в начале статьи.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что международные обязательства в части криминализации деяния по созданию ОПГ или участию в ней Российской Федерацией до настоящего времени реализованы не в полном объеме. На наш взгляд, существует необходимость дополнения статьи 210 УК РФ пунктами, предусматривающими наказание за создание организованной преступной группы и участие в ней, отказавшись от квалифицирующих признаков, имеющих только в некоторых статьях УК РФ. Это позволит следователям вменить по совокупности норму, определяющую ответственность за создание и участие в ОПГ, вне зависимости от того указан ли подобный квалифицирующий признак в соответствующей статье УК РФ. Как уже было сказано выше, практически любые преступления могут совершаться в составе ОПГ и автору статьи как практикующему следователю это известно доподлинно.

Убеждены, что если законодатель предусмотрел отдельную ответственность за создание и участие в организации преступного сообщества в ст. 210 УК РФ, а также установил уголовную ответственность за высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), то нет препятствий к тому, чтобы предусмотреть соответствующую ответственность за организацию и (или) участие в такой форме преступной организации как организованная преступная группа.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за 2015–2019 г. ФКУ «ГИАЦ» МВД России URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101761> (дата обращения: 09.05.2021).
2. «Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000). URL: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-protiv-transnatsionalnoi-organizovannoi-prestupnosti-prinjata-v/>.
3. Приговор Пролетарского районного суда г. Твери по делу № 1-173/2017 от 22.12.2017.
4. Уголовное дело № 11901280009000994 находилось в производстве СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области.

Меерсон В. Р.¹,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

научно-педагогического факультета

Академии МВД Республики Беларусь

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ДЕЙСТВИЯМИ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИМИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Нормы отрасли конституционного права закрепляют основы конституционного строя, основные права, свободы и обязанности, систему высших органов государственной власти и управления, порядок их образования и компетенцию, систему местного управления и самоуправления, основы финансово-кредитной системы и т. д. Данный постулат характерен для абсолютного большинства современных государств, не являются исключением и страны Союзного государства – Беларусь и Россия. Учитывая универсальный, определяющий характер норм конституционного права, следует оценивать эту отрасль как базовую для всех других отраслей права, поскольку их нормы основываются, зиждутся на конституционных положениях, развивают и дополняют их. Важность основных законов позволяет говорить о иерархическом верховенстве конституционных норм по отношению к нормам других отраслей права. В то же самое время, следует отметить, что личные права и свободы находят свое отражение не только в конституциях государств, но и в международных актах. Эти права и свободы, имеющие конституционный характер, обычно относят к естественным, неотъемлемым правам личности, самым важным гарантиям и проявлениям человеческой свободы. Поэтому их действие распространяется не только на граждан того или иного государства, но и на лиц, находящихся на их суверенной территории. Данная группа прав и свобод является неотчуждаемой, их значимость не может недооцениваться в современном обществе. Следует отметить, что ряд правовых принципов базируется именно на универсальных базовых началах, частично перекликающихся с указанными гарантированными правами и свободами. По мнению А. Н. Агапова, к конституционно-правовым нормам, закрепляющим права человека и гражданина, образующим право на личную безопасность, следует отнести право на жизнь, свободу, достоинство и личную неприкосновенность [1, с. 77]. Право на жизнь – неотъемлемое право человека, означающее, что никто не может быть произвольно лишен жизни. Такая норма закреплена всеми международно-правовыми актами о правах человека. Под достоинством следует понимать абсолютную ценность, охраняемую государством, заключающуюся во внутренней самооценке личности собствен-

¹ © Меерсон В. Р., 2021.

ных качеств, способностей, мировоззрения, общественного значения. Следует согласиться с мнением Н. В. Иванцовой, которая делает следующий вывод на основании толкования ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации: «все преступления, в каком бы разделе УК РФ они не находились, если они сопряжены с применением пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения, то их следует признать преступлениями, посягающими на достоинство личности» [2, с. 48]. Из гарантии на свободу и неприкосновенность личности вытекает, что никто не вправе силой или угрозами принуждать человека к каким-либо действиям, подвергать его истязанию или наносить вред здоровью.

Основные конституционные гарантии безопасности человека и гражданина нашли свое отражение в статьях 20–22 Конституции Российской Федерации и 24–25 Конституции Республики Беларусь. Содержащиеся в данных статьях нормы являются базисом реализации отраслевых правовых норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан. Важнейшее место в данном механизме занимает отрасль уголовного права, охраняющая важнейшие сферы общественных отношений от преступных посягательств. В первую очередь, перечень преступлений против личности подразумевает защиту от различного рода преступлений, прямым образом посягающие на указанную выше группу конституционных прав. Личная безопасность (гарантированное право на жизнь, свободу, достоинство и личную неприкосновенность) выступает как основной непосредственный объект, так и дополнительный непосредственный объект ряда преступлений, предусмотренных статьями Уголовных кодексов двух государств.

Необходимо коснуться гарантий личной безопасности, регламентированных в отраслевом законодательстве, для отдельных категорий лиц. Несмотря на то, что лица, являющиеся осужденными судом, в той или иной степени оказываются пораженными в правах, что в первую очередь обусловлено спецификой наказания, гарантии безопасности распространяются на них в той же мере, как и на иных членов социума. Исходя из главы 11 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь основными задачами режима в исправительных учреждениях являются: обеспечение охраны и изоляции осужденных, реализация их прав и законных интересов, безопасность осужденных и персонала и т. д. Схоже выглядит нормативное закрепление данных положений, которые содержатся в российском уголовно-исполнительном законодательстве (глава 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Основы правового положения, содержащиеся в указанных отраслевых актах двух стран, прямо регламентируют гарантии личной безопасности осужденных. Аналогичные гарантии присутствуют и в законодательстве, регулирующем вопросы содержания лиц под стражей.

Вместе с тем одну из важнейших ролей в поддержании безопасности в исправительном учреждении играет специфический состав, предусматривающий ответственность за дезорганизацию функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы (ст. 321 УК РФ, ст. 410 УК Беларуси). Обладая высокой превентивной направленностью, данный состав имеет основной и дополнительный непосредственные объекты посягательства. Непосредственным объек-

том рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность исправительных учреждений. В качестве дополнительного объекта этого преступления может выступать здоровье, честь и достоинство потерпевшего (в зависимости от национального законодательства). Таким образом, при совершении данного преступления причиняется вред конкретному лицу (осужденному, сотруднику, его близким родственникам), а также, что немаловажно в контексте рассматриваемой темы, нарушается упорядоченная деятельность учреждения уголовно-исполнительной системы, что в целом ставит под угрозу возможность реализации гарантированного конституционного права на личную безопасность. Необходимо подчеркнуть, что наиболее важным условием нормальной деятельности исправительных учреждений является обеспечение безопасности сотрудников и осужденных. Не обеспечив в должной мере неприкосновенности жизни и здоровья данных категорий лиц, нельзя говорить об упорядоченной деятельности учреждений, исполняющих наказания, о возможности реализации задач, стоящих перед ними.

Исходя из специфики исправительных учреждений, порядка отбывания наказания, можно сделать вывод, что значительное число осужденных в период адаптации к новым условиям в той или иной форме подвергаются психологическому давлению как со стороны представителей криминальной субкультуры, так и со стороны администрации учреждения. Данное умозаключение применимо и для сотрудников, впервые принятых на службу в исправительные учреждения, что в свою очередь создает определенную почву, способствующую в дальнейшем при различных сопутствующих обстоятельствах совершению разного рода преступлений насильственного характера. Следует подчеркнуть, что личная безопасность сотрудников во многом зависит от экономико-политического положения в государстве. Уголовная политика, направленная на активное применение альтернативных видов наказаний за преступления небольшой или средней тяжести, приводит к качественному увеличению в пениitenciарных учреждениях лиц, представляющих повышенную общественную опасность. Упадок производства в учреждениях также является детерминантой девиантного поведения осужденных, не занятых общественно полезным трудом. Отсутствие достаточного финансирования из бюджета, направленного на поддержание надлежащих бытовых условий, влечет за собой недовольство осужденных, способное перерасти в различные формы противоправных действий. Также можно отнести к причинам и условиям, создающим угрозу личной безопасности сотрудников и осужденных, резкое необоснованное ужесточение режимных требований, либо наоборот, их сглаживание, недостаточную первоначальную подготовку персонала и т. п. Угроза личной безопасности от преступных посягательств осужденных может зарождаться в исправительных учреждениях, но реализовываться за их пределами (при следовании на службу, по месту проживания, а также в отношении близких сотрудников и осужденных).

Гарантированная конституционными положениями личная безопасность является необходимой жизненной потребностью любого индивида, поэтому наличие указанного состава в уголовном законодательстве двух государств видится актуальным и социально обоснованным решением.

Вместе с тем существуют и ряд проблем, касающихся уголовно-правовой регламентации дезорганизации функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации. Статья 410 УК Беларуси содержит достаточно расплывчатые формулировки в своей диспозиции, что на практике создает определенные проблемы при квалификации. Части 1 и 2 статьи 321 УК РФ в большей степени дублируют друг друга по содержанию и полностью по санкциям. Видится несколько дискуссионным подобное решение законодателя, а также тот факт, что статьей предусматривается уголовно-правовая охрана лишь близких родственников сотрудника, вместе с тем близкие родственники осужденного, которые тоже могут подвергаться преступным посягательствам, не защищены должным образом. Также нет единства во взглядах на квалифицирующие признаки подобных деяний в уголовных законах двух стран, есть спорные вопросы в современной правоприменительной практике, касающиеся массовых беспорядков в исправительных учреждениях. Решение этих, а также некоторых иных проблемных вопросов, позволят в дальнейшем повысить качество реализации конституционных гарантий личной безопасности лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В завершении, необходимо отметить, что действия, дезорганизующие функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, негативно влияют на авторитет правоохранительных органов, способствуют неблагоприятной обстановке в исправительном учреждении. При совершении данных деяний осуществляются преступные посягательства на наиболее важные конституционные ценности – жизнь, достоинство и личную неприкосновенность, которые можно отнести к группе гарантированных на конституционном уровне прав на личную безопасность. Совершение данного преступления при сложной оперативной обстановке в учреждении может служить поводом для групповых эксцессов, которые могут перерасти в массовые беспорядки, сопряженные с целым рядом иных преступлений. Качественная регламентация обеспечения личной безопасности персонала и осужденных в Российской Федерации и Республике Беларусь относится к сфере не только конституционного, но и иных отраслей права, которые закрепляют характерные для каждой правовой отрасли меры обеспечения личной безопасности, а в случае с отраслью уголовного права – устанавливают уголовную ответственность за посягательство на функционирование исполняющего меру пресечения либо наказание учреждения, а также на отдельные специфические категории лиц.

Список литературы

1. Агапов А. Н. Конституционно-правовые гарантии личной безопасности // Евразийская адвокатура. 2013. № 2(3). С. 77–80.
2. Иванцова Н. В. Охрана конституционного права личности на достоинство мерами уголовно-правовой репрессии // Проблемы общественных наук в России и за рубежом: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, 03 декабря 2018 г. / Под ред. Н. М. Швецова. Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2018. С. 47–51.

Гаджидадаев М. З.¹,
*доцент кафедры экологии Института экологии
и устойчивого развития
Дагестанского государственного университета,
кандидат биологических наук*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Окружающая среда и ее компоненты являются основой жизни человека. В статье 42 Конституции Российской Федерации говорится, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Данное право может быть отнесено к основным правам человека, а конституционное закрепление его характерно для большинства стран мира. Аналогичная норма содержится в статье 39 Конституции Республики Дагестан. Конституционное право на благоприятную окружающую среду корреспондируется с обязанностью каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции Российской Федерации). Но если идея необходимости сохранять окружающую среду в благоприятном состоянии закрепились в общественном сознании лишь в конце 20 века, то использование и охрана природных ресурсов регламентировались нормами права с древнейших времен. В современном мире существует развитая система как международного, так и национального законодательства различных государств, отражающая общепризнанные подходы к охране и использованию природных ресурсов. В частности, доминирующее положение в нем занимает концепция устойчивого развития, предполагающая рациональное использование природных ресурсов и сохранение их в интересах нынешнего и будущих поколений. Конституционные нормы подчеркивают значение земли и других природных ресурсов, которые используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а также определяются виды собственности на природные ресурсы в нашей стране. Так, земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9 Конституции Российской Федерации, ст. 15 Конституции Республики Дагестан). При этом владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ч. 2 ст. 36 Конституции Российской Федерации). Вид собственности (государственная или частная) на тот или иной природный ресурс и особенности и возможность его перехода из одной формы собственности в другую определяются нормами гражданского и экологического законодательства (например, в таких законодательных актах, как Лесной кодекс Российской Федерации, Федеральные законы «Об охране окружающей среды», «О живот-

¹ © Гаджидадаев М. З., 2021.

ном мире», «О недрах», «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», «Об охоте» и др.).

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Преступления являются одной из крайних форм общественно опасного поведения, и государство реализует защиту нарушаемых ими прав и свобод с помощью введения норм уголовной ответственности, предусматривающих широкий спектр санкций за их совершение. Ответственность за совершение экологических преступлений предусмотрена нормами 26 главы УК РФ. Однако в научной литературе отмечается, что фактически уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с защитой природных ресурсов, не соответствует их реальной ценности [1, с. 17].

Экологические преступления создают угрозу не только благоприятному состоянию окружающей среды как одному из основных общественных благ, возможности рационального использования невозобновляемых природных ресурсов нынешним и будущим поколениям людей, а также способности возобновляемых ресурсов к воспроизводству, но и безопасности государства в целом, подрывая его стабильность. Структура экологической преступности отличается в различных регионах Российской Федерации. О. Л. Дубовик отмечала, что в региональном разрезе количество совершаемых экологических преступлений определяется такими факторами, как общая площадь территории региона, запасы природных ресурсов, их транспортная доступность и удаленность от населенных пунктов, экономическая ориентированность региона и его экономико-финансовое благополучие, занятость населения, активность природоохранных органов и общественных природоохранных организаций [2, с. 22–23].

Республика Дагестан занимает территорию 50,3 тыс. кв. км, в Республике проживает более 3 млн человек. Природная среда региона отличается значительным разнообразием: степи, пустыни, горы с лесными и степными районами, высокогорные ледники. Охрана окружающей среды и природных ресурсов является одним из приоритетов в республиканской политике. На сегодняшний день в Дагестане созданы 5 ООПТ федерального значения и 44 ООПТ регионального значения. Несмотря на принимаемые в Республике меры профилактики экологических преступлений на территории Дагестана, как и на территории всей страны, совершаются и отдельными гражданами, и, что создает наибольшую угрозу окружающей среде и природным ресурсам – организованными преступными группами.

В силу особенностей экономико-географического расположения республики значительную роль в теневом рынке Дагестана играет незаконный рыбно-икорный бизнес, осуществляемый незаконными преступными группами, в том числе и транснациональными. К примеру, незаконно получаемая прибыль от продажи нелегально добытой черной икры приравнивается к прибыли от наркобизнеса. Помимо сосредоточения в бассейне Каспийского моря до 70 % мировых запасов осетровых, в нем также водятся такие виды ценных рыб, как лососевые, сельдь, килька, составляющие основной ресурс для рыбоперерабатывающих предприятий. Даже те из них, которые на законных основаниях за-

нимаются выловом рыб в бассейне Каспийского моря, зачастую для увеличения прибыли скупают сырье, добытое браконьерами.

Незаконная порубка деревьев в основном характерна для следующих районов Республики Дагестан: Буйнакский район, Гунибский район, Кайтагский район, Рутульский район, Сергокалинский район, Сулейман-Стальский район, Табасаранский район, Цунтинский район и некоторых других [3, с. 73]. Незаконные рубки осуществляются как местным населением в лесах, прилегающих к населенным пунктам и не предназначенных для заготовки древесины, так и путем расширения участков заготовки древесины, выделенных на законных основаниях хозяйствующим субъектам. В настоящее время большую проблему в Дагестане представляет незаконная добыча общедоступных полезных ископаемых, в частности песка. В целом в Республике Дагестан, как впрочем и в Российской Федерации наиболее часто применяемыми статьями 26 главы УК РФ, являются как раз статьи охраняющие от преступных посягательств природные ресурсы, составляющие подавляющее число регистрируемых экологических преступлений (статьи 256, 257, 258, 258¹, 260, 261 УК РФ) [7, с. 875]. Уголовно-правовая охрана конституционного права собственности на природные ресурсы должна осуществляться в комплексе, при этом необходимо учитывать обе их существенные составляющие – публично-правовую как компонента окружающей среды и основы для жизни и деятельности людей и частноправовую их составляющую в случаях, когда они поступают в гражданско-правовой оборот. Проблематика защиты природных ресурсов от преступных посягательств неоднократно обсуждалась в уголовно-правовой литературе. Р. А. Забавко отмечает, что распространенное мнение о том, что природные ресурсы становятся имуществом, охраняемым главой 21 УК РФ только тогда, когда в них вложен труд человека, создает ситуацию, когда природные ресурсы в естественном состоянии, не обеспеченные физической защитой собственника, защищены УК РФ в значительной мере хуже, чем добытые, «ставшие имуществом» [4, с. 26]. В то же время, А. А. Дегтерёв говорит о том, что уголовное право в большей степени охраняет природные ресурсы как компоненты окружающей среды, делая акцент на их публичную значимость, игнорируя их экономическую сущность [5, с. 123]. Представляется, что эффективной уголовно-правовой охране природных ресурсов может способствовать исключительно комплексный подход к данной проблеме.

В качестве примера приведем характеристику состояния уголовно-правовой охраны земельных отношений. Так, нормы УК РФ могут быть применены в случае совершения преступлений, посягающих на право собственности на землю (ст. 159, 163 179 УК РФ), преступлений в сфере управления земельными ресурсами и порядка государственного учета и регистрации прав на землю (ст. 170, 285, 285³, 286, 292, 290, 293 УК РФ). Указанные нормы являются общими для всех преступлений, связанных с посягательствами на право собственности по порядку управления. К специализированным нормам в данном случае можно отнести норму ст. 254 УК РФ согласно которой уголовно-наказуемыми являются действия, вызвавшие отравление, загрязнение или иную порчу земли, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. Других

специальных уголовно-правовых мер по охране земель как природного ресурса в российском уголовном законодательстве не содержится, хотя в усилении уголовно правовой охраны земельных отношений в сфере землепользования и сельского хозяйства, по мнению ученых, существует насущная необходимость. Так, Е. В. Максимова считает, что за пределами уголовного преследования остались такие противоправные деяния, как владение, пользование и распоряжение землей без правоустанавливающих документов; самовольное изменение целевого назначения земель сельскохозяйственного назначения, земель лесов первой группы, особо охраняемых земель; использование земель способами, приводящими к порче и уничтожению плодородного слоя; уклонение от восстановления нарушенных земель после применения к виновному мер административного воздействия [6, с. 62].

В заключении хотелось бы отметить, что уголовно-правовая охрана права собственности на иные природные ресурсы должна учитывать как публичную, так и частноправовую их составляющую. Следует также обращать внимание на то, кто является субъектом, обладающим данным правом в соответствии нормами, закрепленными в отраслевом законодательстве, в момент совершения преступления.

Список литературы

1. Татарников В. Г., Босхолов С. С. Уголовно-правовая охрана конституционных прав личности, общества и государства // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1 (25). С. 17–25.
2. Дубовик О. Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 17–29.
3. Бахмудов З. Б. Проблемы латентной экологической преступности (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 174.
4. Забавко Р. А. Социальные предпосылки уголовно-правовой охраны природных ресурсов и права собственности на них // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XIX Международной научно-практической конференции. 2014. С. 26–28.
5. Дегтярев А. А. Экономическая сущность незаконной добычи природных ресурсов и проблемы уголовно-правовой охраны собственности // Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (59). С. 123–131.
6. Максимова Е. В. Об уголовно-правовой охране земельных отношений // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 59–66.
7. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 г. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 1000.

Новиков И. А.¹,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

В настоящее время все чаще при возникновении споров, касающихся права собственности, просматривается тенденция подмены гражданских правоотношений отношениями уголовно-правового характера и наоборот [1, с. 172]. Одной из таких сфер, требующих пристального внимания, является долевое строительство. К сожалению, помимо добросовестных застройщиков существуют и мошенники. Так, на сегодняшний день в стране насчитывается более 133 тысяч обманутых участников долевого строительства, в Едином реестре проблемных объектов находится более 3 тысяч многоквартирных домов в 75 субъектах Российской Федерации [2]. Налицо нарушение конституционного права граждан на жилище, предусмотренное статьей 40 Конституции Российской Федерации.

Рассмотрим примеры «пограничных ситуаций», которые возникают на стыке гражданских и уголовных правоотношений.

Застройщик на законных основаниях приступил к строительству объекта, но в результате дефицита финансовых ресурсов дом остался недостроенным, размер привлеченных денежных средств составил 300 миллионов рублей. Изначально, желая похитить денежные средства, застройщик первый год осуществлял для вида строительные работы, чтобы юридическая квалификация его действий не выходила из гражданско-правовой сферы в уголовно-правовую. Данные деяния являются по сути мошенническими, но юридически застройщик, объясняя сложившуюся ситуацию неожиданным стечением обстоятельств, и неоправданным предпринимательским риском избегает уголовной ответственности, а вопрос так и остается в гражданско-правовой плоскости.

Так, Советский районный суд города Томска вынес в отношении обвиняемого «М» оправдательный приговор, не увидев в действиях гражданина состава вменяемого ему преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ «Мошенничество». Суд посчитал, что неисполнение обязательств перед участниками долевого строительства вытекает из гражданско-правовых договоров, а у «М» отсутствовал умысел на хищение денежных средств, которые направлялись на ведение хозяйственной деятельности, подготовку строительной документации и обустройство коммуникаций [3, с. 81].

Если будет установлен умысел застройщика на хищение средств участников долевого строительства путем обмана, лицо возможно привлечь к уголовной ответственности, но и здесь могут возникать проблемы в квалификации.

¹ © Новиков И. А., 2021.

Если будет установлено, что изначально или в процессе строительства застройщик решил похитить денежные средства, то его действия должны быть квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Данное деяние является мошенничеством, совершенным в особо крупном размере. Следует отметить, что согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в мошеннических действиях застройщика отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение.

Также данные действия могут быть расценены по ч. 7 ст. 159 УК РФ (мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности). По нашему мнению, так как застройщик преднамеренно не собирался заниматься предпринимательской деятельностью, а совершал незаконные действия под маской «законной» деятельности, данное деяние следует квалифицировать по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Если же мошеннические действия сопряжены с преднамеренным банкротством и злоупотреблением полномочиями, то деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений со статьями 196 и 201 УК РФ.

Аналогичные мошеннические действия следует отграничивать от присвоения и растраты. По нашему мнению, застройщик не может привлекаться к уголовной ответственности по статье 160 УК РФ, так как изначально, привлекаемые им денежные средства должны быть направлены на строительство объекта. Если же данные средства тратятся на личные нужды, происходит обман участников долевого строительства на предмет заявленных договоренностей. Однако если субъектом выступает сотрудник строительной организации, наделенный специальными полномочиями по вверенными ему денежными средствами, то его действия могут быть квалифицированы по статье 160 УК РФ.

Таким образом, проблемы разграничения гражданских и уголовных правоотношений представляют особую сложность для правоприменителя. Учитывая объективную сложность получения прямых доказательств наличия у застройщика прямого умысла на хищение денежных средств, органами следствия должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, которые во взаимосвязи позволят признать суду убедительными аргументы обвинения, что на практике сделать крайне сложно.

Чтобы не подвергать риску граждан и убрать с рынка безнадёжных застройщиков, законодатель в 2016 г. установил уголовную ответственность за незаконное привлечение денежных средств в сфере долевого строительства (статья 200.3 УК РФ). Диспозиция нормы имеет бланкетный характер, данные отношения регулируются Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ. Во втором примечании законодатель закрепляет условия освобождения от уголовной ответственности, в случае возмещения в полном объеме суммы привлеченных денежных средств или принятия застройщиком мер, в результате которых строительный объект будет введен в эксплуатацию.

Следует отметить, что ответственность за нарушение данной статьи наступает при отсутствии признаков мошеннических действий. Если действия лица все-таки связаны с мошенничеством, то согласно вышеуказанному Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дополнительная квалификация по статье 200.3 УК РФ не нужна.

Может показаться, что законодатель введением статьи 200.3 УК РФ ставит точку в вопросе разграничения гражданских и уголовных правоотношений. Так, вышеуказанный Федеральный закон закрепляет требования, которым должен соответствовать застройщик, условия для осуществления строительства, способы привлечения денежных средств и ряд других аспектов. В соответствии со ст. 15.5 рассматриваемого Федерального закона, участники долевого строительства в счет уплаты цены договора участия в долевом строительстве вносят денежные средства на счета эскроу, открытые в уполномоченном банке. В свою очередь, если застройщик привлекает денежные средства в наличной форме или напрямую на свой расчетный счет, то такие действия уже являются преступными [4, с. 426].

Подводя итог, следует отметить, что гражданские и уголовные правоотношения разделяет тонкая грань. Дифференциация ответственности в сфере долевого строительства происходит по субъекту, объективной и субъективной стороне преступления, по размеру деяния, квалифицирующим признакам, размеру наказания и освобождению от ответственности. Если не доказан умысел виновного лица на хищение денежных средств, то разграничение гражданских и уголовных правоотношений происходит по признакам норм, регулирующих привлечение денежных средств. Однако следует обратить особое внимание на бланкетный характер диспозиции статьи 200.3 УК РФ. В Федеральном законе об участии в долевом строительстве не содержится пояснений законодателя относительно того, какие действия, связанные с деятельностью по привлечению денежных средств, следует считать нарушениями. Не до конца представляется понятным, являются ли любые нарушения рассматриваемого закона преступными по ст. 200.3 УК РФ, могут ли такими являться нарушения норм других законов, регулирующих сферу долевого строительства.

Несовершенство законодательства, выраженное «размытостью» регламентирующих норм и отсутствием четких критериев разграничения гражданских и уголовных правоотношений, приводит к тому, что решение вопроса ответственности за посягательства на конституционное право каждого на жилище принимается правоприменителем с выраженным элементом субъективности. Сложившаяся ситуация может привести к тому, что в ряде случаев застройщики не будут получать должного наказания или, наоборот, в отношении их будет избрана неадекватно строгая санкция. Следует разработать соответствующий инструментарий по совершенствованию механизма привлечения к гражданско-правовой и уголовной ответственности за рассматриваемые деяния.

Список литературы

1. Третьяков К. В. Некоторые вопросы разграничения мошенничества и отношений гражданско-правового характера // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1(80). С. 172.
2. Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // URL: <https://www.minstroyrf.ru/press/gl> (дата обращения: 27.05.2021);
3. Официальный сайт фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства // URL: <https://фонд214.рф/news/30729/> (дата обращения: 27.05.2021).
4. Подваркова М. Ю. Некоторые проблемы разграничения гражданско-правовых отношений и уголовно наказуемого деяния, разграничения мошенничества со смежными составами преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 7(214). С. 81.

Чуканова Е. С.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ГРАБЕЖА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ДЕЯНИЕМ

Анализ уголовных дел о грабеже, совершенном в незначительных размерах, показал, что при определении признаков малозначительности деяния, в 75 % случаев суды говорят о ненасильственном способе совершения данного преступления [1]. Однако есть мнение, что и насильственные формы хищения могут быть признаны малозначительными. Так, в частности, Р. Д. Шарапов, опираясь на правовую позицию постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате», в котором рекомендовано при наличии оснований признавать малозначительными деяниями мошенничество, присвоение или растрату, допускает, что, исходя из принципа равенства граждан перед законом, малозначительность возможна при совершении других форм хищения, например, разбоя [2, с. 83–96]. Напомним, что насильственный грабеж и разбой относятся к категории тяжких преступлений, что предопределяет их повышенную степень общественной опасности, учтенную законодателем в санкции соответствующих статей УК РФ.

В судебной практике отсутствуют случаи признания малозначительным деянием разбоя, но имеются редкие примеры признания малозначительным деяния в случае совершения насильственного грабежа.

Так, П. был признан виновным в грабеже, то есть открытом хищении чужого имущества, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья уезжая с автозаправочной станции, бампером управляемого им автомобиля задел ногу Б., причинив ему телесные повреждения без вреда здоровью, при этом не оплатил заправленное им топливо, чем причинил АО ущерб в размере 2568,28 рублей (без учета НДС, по закупочной цене) [3]. Вместе тем, правильно установив вышеуказанные обстоятельства, суд первой инстанции по делу П. не принял во внимание сведения, имеющие правовое значение для последующего решения дела. Исходя из материалов дела и установленных судом обстоятельств, намерение П. уехать с АЗС без оплаты заправленного в его автомобиль топлива возникло у него только вследствие сложившейся с заправщиком Б. и оператором (кассиром) автозаправочной станции К. конфликтной ситуации, вызванной тем, что в машину было заправлено топлива в большем объеме, чем требовалось осужденному и которое он намеревался оплатить. К моменту, когда П. подошел к оператору АЗС, чтобы заправить автомобиль на 1000 рублей, в его бак уже было залито топлива на сумму свыше 2000 рублей, что подтвер-

¹ © Чуканова Е. С., 2021.

дила в суде кассир К. Таким образом, фактически сотрудниками АЗС П. была навязана услуга по заправке его автомобиля в том количестве топлива, которое он не имел намерения приобрести.

Как следует из заключения судебно-медицинской экспертизы, сведений, позволяющих подтвердить отраженный в медицинской документации потерпевшего Б. диагноз «повреждение связок левого коленного сустава» не содержится. То есть на основании данных экспертизы, в действиях виновного квалифицирующий признак – «насилие, не опасное для жизни и здоровья» не усматривается. Однако мы видим, что само преступное поведение было связано с провокационными и конфликтными действиями потерпевшей стороны, которые выразились в услуге в виде покупки топлива в большем объеме, чем требовалось виновному. Обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о малозначительности деяния, связанного с возмещением осужденным ущерба по собственной инициативе, в полном объеме и через непродолжительное время, незначительный размер причиненного материального ущерба, отсутствие от действий виновного каких-либо негативных экономических последствий для потерпевшей стороны. Применение насилия, не причинившего телесных повреждений поставлено под сомнение судом Апелляционной инстанции, в определении которого указано, про «отсутствие у потерпевшего Б. телесных повреждений, о чем самим судом указано в приговоре».

Это позволяет сделать вывод о том, что отсутствие телесных повреждений является критерием незначительности насилия, и суд, фактически исключив из квалификации действий осужденного признак «насилие, не опасное для жизни и здоровья», обоснованно признал малозначительным деянием. Вместе с тем, в данной ситуации суд сохранил квалификацию деяния по ч. 2 п. «б» ст. 161 УК РФ, а не перешел на ч. 1 ст. 161 УК РФ, что противоречит его же выводам.

Между тем, незначительный ущерб при насильственном грабеже не всегда выступает критерием малозначительности деяния. Так, М., реализуя свой преступный умысел, действуя умышленно, из корыстных побуждений, М., направленный на совершение тайного хищения чужого имущества, действуя с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу в качестве источника личного обогащения, убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя и желая наступления общественно-опасных последствий в виде причинения имущественного вреда собственнику, воспользовавшись отсутствием внимания со стороны сотрудников магазина «Пятерочка», с целью хищения, безвозмездно, противоправно, путем свободного доступа изъяс со стеллажа 1 упаковку кофе «JAKOBS MONARCH», стоимостью 194 рубля 88 копеек и убрал ее в пакет.

С банкой кофе, находящейся в пакете, М. направился к выходу из магазина и пересек расчетно-кассовую зону с намерением скрыться с места преступления, однако его преступные действия были обнаружены продавцом-кассиром магазина С. и директором магазина О., которые пытались их пресечь, окликнув М. на выходе из магазина. Таким образом они потребовали от М. прекращения его преступных действий.

Однако М., с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся, распорядившись похищенным по своему усмотрению, причинив своими преступными действиями ООО «Агроторг» материальный ущерб на сумму 194 рубля 88 копеек. Действия М. органами следствия были квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ – грабеж, совершенный с применением насилия не опасного для жизни и здоровья [4]. Однако суд, не мотивируя свое решение, не усмотрел в действиях виновного признаков причинения насилия, и, как следствие, данный квалифицирующий признак не нашел своего подтверждения и действия М. были переквалифицированы на ст. 161 ч. 1 УК РФ как грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества.

Очевидно, что в ситуации обоюдного конфликта, насилие не явилось способом завладения имуществом, предмет преступления так и не был обнаружен органами следствия, насилие судом не было подтверждено и ущерб для сетевого магазина в сумме 194 рубля 88 копеек вряд ли является значительным.

Незначительное хищение не признают малозначительным, если при открытом хищении чужого имущества применяется хоть какое-то насилие. Суды находятся в замешательстве – с одной стороны совершено тяжкое преступление против собственности, с другой стороны – незначительность деяния, и в итоге органы следствия, суд принимают компромиссное решение о вменении виновному ч. 1 ст. 161 УК РФ.

Итак, судебная практика в целом не идет по пути признания насильственного грабежа малозначительным деянием, когда насилие ярко выражено и неоспоримо. При этом принимая решение о прекращении уголовного дела в связи с малозначительностью грабежа, суды не склонны устанавливать единственный критерий, определяющий малозначительность деяния – размер причиненного ущерба. Несмотря на незначительную стоимость похищенного, совершение тяжкого преступления открытым способом с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, как правило, свидетельствует о невозможности признать совершенное преступление малозначительным в силу повышенной общественной опасности содеянного. Мы разделяем мнение авторов, считающих, что нельзя признавать малозначительными деяниями тяжкие преступления, затрагивающие такие приоритетные для уголовно-правовой охраны объекты как жизнь и здоровье личности [5, с. 46–50], в нашем случае – насильственный грабеж и тем более разбой.

Список литературы

1. Приговор Усть-Большерецкого районного суда Камчатского края от 12 октября 2020 г. по делу № 1-59/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приговор Сухиничского районного суда Калужской области от 4 августа 2020 г. по делу № 1-1-82/2020 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Шарапов Р.Д. Малозначительность хищений чужого имущества // Уголовное право. 2020. № 6. С. 83–96.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 17 марта 2020 г. по делу № 10-4759 // КонсультантПлюс.

5. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 6 апреля 2021 г. по делу № 1-192/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Лобанова Л. В., Рожнов А. П. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // Законность. 2016. № 6. С. 46–50.

Раненкова Е. А.¹,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

Шемчук С. Ю.²,

командир отделения 191 учебного взвода,

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ

Нападение на школу в Бурятии, стрельба в колледже Благовещенска, инцидент в Отрадном, массовые убийства «Керченского» и «Ивантеевского» стрелков – самые известные примеры явления, которое в средствах массовой информации получило название «School-shooting» или «Колумбайн по-русски». 11 мая 2021 г. данный список пополнился еще одним случаем стрельбы в школе. В казанской гимназии № 175 девятнадцатилетний подросток убил девять человек, семь из которых школьники, и более 20 ранил.

Свое название «Колумбайн» или «School-shooting» (скулшутинг) получили в результате массового убийства в школе «Колумбайн», совершенного Э. Харрисом и Д. Клиболдом в 1999 г. Они ворвались в школу, имея при себе большое количество оружия и самодельных взрывчатых устройств. В итоге нападения 36 человек получили ранения, 13 оказались смертельными.

В сети «Интернет» первым случаем массовых убийств в российских школах считается инцидент, который произошел в 2014 г. в Москве. Тогда подросток, имеющий при себе винтовку, убил учителя и сотрудника правоохранительных органов, тяжело ранил еще одного полицейского и более 30 учеников этой школы захватил в заложники. Безусловно, до этого тоже были известны случаи вооруженного нападения учеников на образовательные учреждения, тем не менее, они не вошли в число преступлений, связанных со скулшутингом в силу минимального количества жертв. В период с 2019 по 2021 гг. правоохранительные органы, в том числе и Федеральная служба безопасности Российской Федерации, активно отслеживали в интернете лиц, готовящих массовые убийства. Были опубликованы отчеты о предотвращении совершения более 30 случаев «Колумбайна по-русски». Выходит, что распространение затронутой нами проблемы масштабнее, чем локальные появления вспышек агрессии учеников в отдельно взятых городах России.

Примечательно, но после каждого нового вооруженного нападения на учебные заведения от различных источников начинают исходить предложения о внесении изменений: начиная от законодательства и заканчивая организацией охраны школ и колледжей. В 2014 г. после первого случая скулшутинга, опи-

¹ © Раненкова Е. А., 2021.

² © Шемчук С. Ю., 2021.

санного выше, возникали идеи в области ограничения недопущения распространения компьютерных игр с открытыми проявлениями насилия. Нападение в Ивантеевке в 2017 г. подтолкнуло правоохранительные органы проверить систему безопасности в школах, вследствие чего было выявлено около 1,2 тысячи нарушений. Тогда же обсуждали возможность тестирования школьников в рамках выявления склонности к насилию по отношению к сверстникам. В 2018 г. борьбу со школьной «эпидемией расстрелов» предлагалось вести в сети «Интернет» путем блокировки сообщества и странички пользователей в социальных сетях, которые подозреваются в пропаганде антиценностей.

Практика показывает, что большая часть подобных инициатив так и осталась не реализованной. «Пятьдесят процентов из тех поручений, которые давались в широком плане, начиная от охраны школы и заканчивая воспитательной работой, не исполнены – вот результат», – слова главы Следственного комитета России А. И. Бастрыкина из выступления после стрельбы в Казани [1]. За 7 лет с момента первого случая вооруженного нападения на школу неоднократно вносились законопроекты о поднятии возрастного ценза для владельцев оружия, ужесточении правил его оборота и регулировании интернет-сообществ, однако, все они были отклонены.

Сразу же после случившегося 11 мая 2021 г. в Казани Президент Российской Федерации В. В. Путин призвал усилить контроль за оружием у граждан: «Решения здесь должны быть обоснованными, конечно, и, безусловно, жесткими. Такой же жесткой, персональной должна быть и ответственность для всех лиц, которые выдают разрешения на оружие, а также предоставляют необходимые для этого документы» [2]. По нашему мнению, возраст легального владения оружием следует повысить до 27 лет (крайний возраст призыва на военную службу), сделав исключения для лиц, служивших или продолжающих служить в вооруженных силах, других силовых структурах, а также прошедших специальную подготовку на военных кафедрах ВУЗов.

Естественно, рассматриваемые нами события не могли не привести к подобной ответной реакции. В обществе вновь зазвучали призывы к «реанимации» смертной казни [3]. Однако не лучше ли сделать акцент именно на предупреждении массовых убийств в российских школах, ведь избежать преступного деяния проще, чем бороться с его последствиями? Более того, применение наказания не всегда способствует исправлению преступника.

Можно закупать в школы и колледжи оборудование по обеспечению безопасности, металлоискатели, нанимать более квалифицированную охрану, повышать меры наказания за совершение подобных преступлений, но только вряд ли этими мерами возможно остановить массовые расстрелы в школах.

Д. Каллен в своей книге «Колумбайн» рассматривает психологическую подавленность подростков, как одну из важнейших причин, которая подталкивает к совершению массовых убийств [4]. Для большей части стрелков было характерно отчаяние и подавленность. Подобные психические состояния формируют импульсивную эмоциональную реакцию, способную перерасти в агрессию с оружием в руках. «Обычно романтизируют идеи массового убийства подрост-

ки, имеющие определенные психологические расстройства и расстройства поведения, жертвы насилий, изгой общества, те, кто подвергался буллингу¹, бойкоту или издевательствам одноклассников», – утверждает руководитель челябинского Центра мониторинга социальных сетей Е. Щетинина [5].

Мсть – вот, что движет скулшутерами, при этом им не важно, кого убивать (они стреляют во всех, кто попадает на пути). «Вы надо мной смеялись, теперь я над вами посмеюсь», – с такими словами в мае 2018 г. студент Новосибирского колледжа Илья (известно только его имя) вошел в учебное заведение с ружьем [6]. Особое значение имеет то, где совершать вооруженное нападение (в школе или другом образовательном учреждении, которое ассоциируется с местом, где обижали).

Проблема агрессивного поведения в образовательных учреждениях известна давно, однако в России она долгое время широко не освещалась. Первые крупные работы отечественных ученых появляются только в начале 2000-х гг. [7]. Более того, проявления буллинга встречаются и в образовательных организациях МВД России, выражаясь в пренебрежительном отношении к какому-либо курсанту со стороны других обучающихся, зачастую с применением физической силы [8].

Тревожный, чувствительный и скромный юноша – типичный образ жертвы травли. В качестве подтверждения опять обратимся к словам И. С. Кона: «Социально изолированные, исключенные из коллективных связей дети становятся жертвами, потому что не могут адекватно ответить на провокации, без которых не обходится никакое детское, особенно мальчишеское, сообщество» [9]. «Казанского стрела» Ильназа Галявиева одноклассники характеризовали как максимально тихого человека. Сообщается, что в его сторону неоднократно поступали насмешки и оскорбления со стороны сверстников [10].

К сожалению, единого метода борьбы с буллингом еще не выработано, но в некоторых странах уже есть программы, которые зарекомендовали себя как достаточно эффективные. Одна такая принадлежит норвежскому исследователю-психологу Дану Ольвеусу. На сегодняшний день опыт Норвегии перенимали США, Канада, Англия, Германия и другие передовые государства. Проведя исследования, Ольвеус отметил, что информационные технологии активно внедряются даже в сферу школьной травли: на смену «традиционному» буллингу приходит кибербуллинг, осуществляемый посредством компьютеров, телефонов и других современных гаджетов.

В контексте данной работы мы не случайно рассматриваем параллельно понятия «буллинг» и «скулшутинг». Доведенные издевательства до морального истощения подростки все чаще начинают брать в руки оружие для

¹Травля (буллинг – англ. bullying) – агрессивное преследование одного из членов коллектива (особенно коллектива школьников и студентов, но также и коллег) со стороны другого, но также часто группы лиц, не обязательно из одного формального или признаваемого другими коллектива. Материал из Википедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Травля> (дата обращения 01.06.2021).

расплаты со своими обидчиками. Поэтому, не уменьшив школьную травлю (как причину), мы не сможем искоренить скулшутинг (как следствие).

Вопросы предупреждения подобного рода преступлений уже давно поднимаются в органах власти, прессе и обществе. Некоторые из них, по нашему мнению, могут оказаться действительно эффективными. Расположим их в порядке возрастания по степени эффективности: усилить пропускной режим, в том числе работу тревожных кнопок и турникетов; установить в каждом из образовательных учреждений металлодетекторы; проводить учения по действиям в случае вооруженного нападения; позаботиться об установке замков в двери учебных аудиторий и приобретение устройств для эвакуации, в том числе индивидуальной (спасательные лестницы, канаты, респираторы и пр.).

Эти меры позволят значительно снизить число жертв, если нападение уже началось; отслеживать морально-психологический климат в учебных заведениях; проводить разъяснительную работу среди потенциальных потерпевших (учащихся) о недопустимости негативного поведения в форме травли (буллинга), унижений, издевательств и т. д. В ходе разъяснений, обращать внимание на такие социальные последствия, как насильственная месть со стороны лица, подвергающегося травле.

Для проведения подобной комплексной работы важны усилия не только работников образовательной организации, но и законодателя. В отдельных американских штатах уже есть законы, направленные на борьбу со «школьной эпидемией». Например, в Монтане в 2015 г. приняли правовой акт, в котором дается толкование относительно того, что понимается под буллингом (Bully-Free Montana Act – HB 0284).

В нашей стране предложения о внесении поправок в уголовное законодательство Российской Федерации, предусматривающих ответственность за травлю, тоже появляются. Например, из сети «Интернет» стало известно о том, что в Государственной думе осенью 2020 г. согласились с идеей введения уголовной ответственности за кибербуллинг. Однако в июне 2021 г. нам так и не удалось найти данный законопроект и ознакомиться с ним [11].

Разрабатывая очередной законопроект, необходимо понимать, что стрелками являются вменяемые люди. Тщательная подготовка к нападению, последовательное исполнение задуманного, отбор орудий и средств говорят о том, что скулшутеры не находятся в состоянии аффекта во время совершения преступления, а действуют осознанно. «Колумбайн по-русски» имеет ряд специфических признаков, отличающих его от сходных преступлений, предусмотренных действующим законодательством (правонарушений, совершаемых молодежными группировками, террористических актов в школе и других насильственных деяний). Это, во-первых, диктует необходимость юридического закрепления определения стрельбы в школах понятным для всех термином, например, «скулшутинг», а, во-вторых, позволяет говорить о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации новым положением, предусматривающим ответственность за это преступление.

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть важность перехода от реакции на инциденты к их предотвращению, от наказания к превентивным мерам.

Список литературы

1. «Не делал выводов о виновности родителей»: в СК разъяснили слова Баstryкина об охране в казанской гимназии. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/866500-bastrykin-gimnaziya-kazan-ohrana-chp> (дата обращения: 29.05.2021).
2. Путин потребовал жестких решений по оружию после стрельбы в Казани. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/05/2021/609d130d9a79477dc2092dc7> (дата обращения: 30.05.2021).
3. Мацкевич И. М. Россияне за смертную казнь. Союз криминалистов и криминологов. URL: <http://crimescience.ru/?p=35586> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Каллен Д. Колумбайн. пер. с англ. Андреев А., Татищева Е. М.: LikeBook, 2019. С. 608.
5. В школах стреляют изгои? Челябинский эксперт о скулшутинге и детской травле. URL: <https://chel.aif.ru/> https://chel.aif.ru/society/v_shkolah_strelyayut_izgoi_chelyabinskiy_ekspert_o_skulshutinge_i_detskoy_travle (дата обращения: 01.06.2021).
6. Природа скулшутинга: почему происходят массовые расстрелы в школах и как их предотвратить. URL: <https://www.forbes.ru/> <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-pochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-v-shkolah-i-kak-ih> (дата обращения: 30.05.2021).
7. Агушева В. Р. Школьный буллинг: Социально-психологические причины и правовая ответственность. Евразийский Юридический журнал. Издательство: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права (Уфа). № 9 (112) 2017. С. 338–340.
8. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Сексология. Персональный сайт И. С. Кона. URL: <http://www.sexology.narod.ru/info178.html> (дата обращения: 03.06.2021).
9. Ачитаева И. Б. Деструктивные взаимоотношения в учебных группах образовательных учреждений МВД России: автореф. ... дисс. кандид. юрид. наук. М., 2010.
10. Кон И. С. Мальчик-отец мужчины. М.: Время, 2010. С. 704.
11. Одноклассники «казанского стрелка»: «Его буллили постоянно!». URL: <https://www.business-gazeta.ru/> <https://www.business-gazeta.ru/news/508843> (дата обращения: 30.05.2021).
12. Травля под статьей URL: <https://rg.ru/> <https://rg.ru/2020/08/10/zakonoproekt-o-borbe-s-travlej-v-seti-vnesut-v-gosdumu-oseniu.html> (дата обращения: 04.06.2021).

Поляков В. Ю.¹,

преподаватель кафедры тактико-специальной,

огневой и физической подготовки

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Развитие современного правового государства трудно представить без использования транспортных средств. Свободное использование транспорта, не противоречащее нормативным актам, регулирующим общественные отношения в этой сфере, является результатом реализации государством конституционного права на свободу передвижения с использованием транспортных средств.

Государство с переменным успехом решает проблемы ответственности в области дорожного движения. Однако сегодня на горизонте появился абсолютно новый комплекс проблем, связанный с внедрением в процесс управления транспортными средствами высокоавтоматизированных интеллектуальных систем. Что же это такое – транспортное средство с высокой степенью автоматизации, каким образом и в каких пределах такие автомобили будут участвовать в дорожном движении?

Итак, «высокоавтоматизированное транспортное средство» (далее – «ВАТС») – это транспортное средство, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой вождения.

Для описания различных форм автоматизации правительственные органы и ученые ряда стран определяют 5 уровней автоматизации ВАТС, которым задаются соответствующее СШЭ (среда штатной эксплуатации).

– уровень 0 – человек осуществляет полное управления транспортным средством (далее – ТС).

– уровень 1 – система помощи водителю, позволяющая помогать водителю либо управлять рулем, либо тормозить/ускоряться, но не одновременно.

– уровень 2 – система помощи водителю, позволяющая сама одновременно воздействовать как на рулевое управление, так и на торможение/ускорение, но водитель-человек всегда должен уделять внимание и контролировать обстановку движения, выполняя остальную часть управления.

– уровень 3 – автоматизированная система вождения, позволяющая выполнять все задачи вождения ТС при определенных обстоятельствах, однако человек всегда должен быть готов вернуть управления под свой контроль.

– уровень 4 – автоматизированная система вождения может выполнять все задачи вождения ТС и контролировать условия вождения, но человеку необходимо осуществлять наблюдение и контроль за работой системы.

¹ © Поляков В. Ю., 2021.

– уровень 5 – автоматизированная система вождения обеспечивает полное управление автомобилем при любых обстоятельствах без участия человека.

Следующей проблемой участия ВАТС в дорожном движении являются вопросы ответственности за причинение вреда в результате дорожно-транспортных происшествий.

Дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотных транспортных средств не заставили себя долго ждать. Если пару лет назад мы говорили о нескольких авариях в США, то в настоящее время подобные случаи зафиксированы и в других странах. Не стала исключением и Российская Федерация. 15 июня 2020 г. в г. Москве улице произошло первое ДТП с беспилотным авто МосТрансПроекта [1]. 21 апреля 2021 г. также в г. Москве на Мосфильмовской улице произошло ДТП с участием беспилотного автомобиля, в результате которого оказались повреждены 4 машины [2]. По счастливой случайности в указанных дорожно-транспортных происшествиях люди не пострадали. Чего нельзя сказать о дорожно-транспортном происшествии, произошедшем в Темпе (штат Аризона, США) во время испытаний в ночных условиях беспилотный автомобиль Uber сбил пересекавшую дорогу велосипедистку. Позднее женщина скончалась в больнице от полученных травм [3].

23 марта 2018 г. на шоссе 101 в районе города Маунтин-Вью, штат Калифорния, беспилотник Tesla Model X потерял управление и врезался в отбойник. В результате аварии произошло возгорание и взрыв. Находящийся в кабине пугающий водитель, 38-летний Уолтер Хуан, скончался по дороге в больницу [4]. Показательным является тот факт, что вопрос об уголовной ответственности за причиненный вред так и не был решен из-за пробелов в уголовном законе.

Еще одним проблемным направлением рассматриваемого вопроса, является отсутствие единообразного понятийного аппарата, используемого применительно к беспилотным транспортным средствам. Россия и ряд других государств в рамках Экономического и социального совета (ЭСС) ООН инициировали пересмотр венской Конвенции о дорожном движении 1968 г. [5].

По-нашему мнению, для целей правового регулирования в области движения «беспилотного» автотранспорта необходимо ввести изменения в Конвенцию «О дорожном движении» 1968 г., в определение терминов «автомобиль» и «водитель», которые в настоящее время не предусматривают возможность автономного использования ТС на дорогах общего пользования. Также необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «Высокоавтоматизированное транспортное средство», под которым понимается инновационное транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой вождения.

Следующим прогностическим направлением уголовно-правовой политики в вопросах использования высокоавтоматизированных транспортных средств являются киберугрозы, являющиеся вызовами для любых подключенных к Интернету устройств, в том числе и автомобилей с беспилотным управлением. Специалисты по компьютерной безопасности Центра передовых технологий Uber обнаружили уязвимость в программном обеспечении автомобиля Jeep, благодаря которой смогли осуществить удаленный доступ к некоторым систе-

мам последнего: кондиционеру, стеклоочистителям, аудиосистеме, и тормозам. По его мнению, существуют предложения о необходимости внесения изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» в пункте 23, где под неправомерным завладением транспортным средством авторы предлагают понимать ситуацию, когда лицо взламывает беспилотный автомобиль, поскольку в таком случае водитель также лишается возможности распоряжаться транспортным средством по своему усмотрению [6, с. 394, 395].

В ситуации, когда в управлении транспортным средством в той или иной степени вовлечен водитель, действуют имеющиеся нормы УК РФ. Иное дело при полной автоматизации транспортного средства. Очевидно, что на нынешнем этапе создания нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок функционирования беспилотных автотранспортных средств, а также оснований и условий ответственности за нарушение этого порядка, можно говорить лишь о разработке некоего алгоритма, позволяющего сконструировать прогностические основы будущей нормативно-правовой системы.

По мнению А. И. Чучаева, в технико-юридическом оформлении уголовно-правовой нормы об ответственности за эксплуатацию ВАТС возможны различные варианты. Мы разделяем его точку зрения и согласны с предложенной парадигмой. Так, в частности, он предлагает материальную конструкцию состава преступления, сходную со ст. 263 УК РФ, а вот в качестве лиц, ответственных за данное преступление он допускает возможность привлекать и разработчиков конкретной компьютерной программы, и лиц контролирующих безопасную эксплуатацию этих программ, и владельцев ВАТС обязанных осуществлять текущий контроль за безопасными условиями их эксплуатации, и лиц, находящихся в ВАТС и осуществляющих непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации [7, с. 398]. Как видно перечень субъектов достаточно широкий, и все они являются специальными. На наш взгляд, так же есть смысл подумать об ответственности операторов, удаленно управляющих ВАТС. Кроме того, необходимо раскрыть в уголовном законе значимые для понимания данной нормы термины, в частности ВАТС.

Список литературы

1. URL: <https://ria.ru/20200615/1572953536.html> (дата обращения: 09.06.2021).
2. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/828205-v-moskve-proizoshlo-massovoe-dtp-s-uchastiem-bespilotnogo-avto> (дата обращения: 09.06.2021).
3. URL: <https://nauka.tass.ru/tech/6820436> (дата обращения: 09.06.2021).
4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3792047> (дата обращения: 09.06.2021).
5. URL: <https://iz.ru/1129139/anastasiia-pisareva/otpusti-baranku-bespilotnye-avtomobili-trebuiut-novykh-zakonov> (дата обращения: 09.06.2021).
6. Чучаев А. И. Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы): монография. М.: Проспект, 2021. С. 398.

Чугунов А. А.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Власенко Е. Р.²,

*курсант Института судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Развитие современных цифровых технологий существенно расширяет возможности человека по поиску, собиранию и распространению различного рода информации. В этой связи большое внимание уделяется проблеме сохранения сведений, составляющих тайну частной жизни, гарантированную Конституцией Российской Федерации.

Статья 137 УК РФ содержит запрет на собирание и распространение сведений, составляющих тайну частной жизни. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации [1], способ совершения таких действий значения для квалификации не имеет. В законодательном разъяснении самого понятия «частная жизнь» не содержится четких границ. Конституционный суд Российской Федерации в своем определении подчеркивает, что сведения, относящиеся к частной жизни, определяются гражданином самостоятельно [2]. Однако право выбирать и контролировать личную информацию составляет лишь один аспект концепции неприкосновенности частной жизни, связывающий конфиденциальность с защитой информации. Такой подход порождает самую разнообразную и противоречивую судебную практику. Для решения данной проблемы считаем целесообразным обратиться к опыту зарубежного законодательства в сфере охраны признаваемого и гарантируемого конституциями всех государств права на неприкосновенность частной жизни. Сравнительный анализ во многом способствует выработке эффективных стратегий решения поставленных вопросов и путей развития отрасли права.

Предмет преступления, предусмотренного статьей 137 УК РФ, составляют сведения, которые относятся к личной либо семейной тайне человека.

Исходя из предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она относится к сведениям ограниченного доступа. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к от-

¹ © Чугунов А. А., 2021.

² © Власенко Е. Р., 2021.

дельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О и от 27 мая 2010 г. № 644-О-О). Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации.

Соответствующие положения Высшего законодательного акта России, в свою очередь, базируются на положениях ст. 8 Европейской Конвенции по правам человека (ЕКПЧ) [3]. Страсбургский суд никогда не предлагал четкой и точной дефиниции того, что подразумевается под частной жизнью: по его мнению, это широкое понятие, не поддающееся исчерпывающему определению [4]. Ясно, что понятие частной жизни гораздо шире, чем понятие приватности, охватывая сферу, в которой каждый человек может свободно развивать и реализовывать свою личность, как по отношению к другим, так и по отношению к внешнему миру. Вместо того чтобы дать четкое определение частной жизни, Суд в каждом конкретном случае указал ситуации, подпадающие под это измерение. В результате получается довольно расплывчатое понятие, которое он склонен рассматривать и толковать широко: понятие частной жизни применяется в различных ситуациях, включая ношение имени, защиту своего изображения или репутации, осведомленность о происхождении семьи, физическую и моральную неприкосновенность, сексуальную и социальную принадлежность, сексуальную жизнь и ориентацию, здоровую окружающую среду, самоопределение и личную автономию, защиту от обыска и конфиденциальность телефонных разговоров. Так, частная жизнь – это сфера, в которой каждый может свободно заниматься развитием и самореализацией своей личности. В 1992 г. Суд заявил, что «... было бы слишком ограничительным рассматривать понятие [частной жизни] «внутренним кругом», в котором индивид может жить своей личной жизнью по своему выбору, и полностью исключать из него внешний мир, не охватываемый этим кругом. Уважение частной жизни также должно в определенной степени включать право на установление и развитие отношений с другими людьми».

Частная жизнь не распространяется на отношения между владельцем и его домашним животным. Во Франции уважение частной жизни гарантируется общими принципами гражданской ответственности, изложенными в статье 1382 Гражданского кодекса [5].

В отсутствие точного юридического определения понятия «частная жизнь» это понятие было сформулировано судами, которые постановили, что частная жизнь человека включает его личную жизнь, дружбу, семейные обстоятельства, досуг, политические взгляды, профсоюзную или религиозную принадлежность и состояние здоровья. В целом, право на неприкосновенность частной жизни дает право любому лицу, независимо от ранга, рождения, состояния или ны-

нешней или будущей должности, выступать против распространения его или ее изображения – признака личности – без разрешения соответствующего лица.

5 июня 2020 г. Япония приняла новый пакет поправок к своему закону о конфиденциальности данных – Закону о защите личной информации (APPI). Он определяет личную информацию как любую информацию, из которой можно вывести личность живого человека. Такая информация включает в себя биометрические маркеры и официальные идентификационные номера. Важно отметить, что поправка 2020 г. вводит понятие псевдонимизированной информации, которая может идентифицировать людей только в сочетании с другими данными [6].

Немецкий Bundesdatenschutzgesetz (BDSG) – это федеральный закон о защите данных, который вместе с законами о защите данных федеральных земель Германии и другими нормативными актами, относящимися к конкретной области, регулирует раскрытие персональных данных, которые обрабатываются вручную или хранятся в информационных системах [7].

«Персональные данные» определяются как «любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу» (статья 4). Установлена низкая планка для «идентифицируемых» – если физическое лицо может быть идентифицировано с использованием «всех средств, которые могут быть использованы с разумной вероятностью» (пункт 26), информация является персональными данными. Имя также не обязательно – подойдет любой идентификатор, такой как идентификационный номер, номер телефона, данные о местоположении или другие факторы, которые могут идентифицировать это физическое лицо.

GDPR устанавливает более ограничительные правила для обработки «особых категорий» (статья 9) персональных данных (включая данные, касающиеся расы, религии, сексуальной жизни; данные, касающиеся здоровья, генетики и биометрии) и персональных данных, касающихся приговоров по уголовным делам (статья 10).

BDSG предусматривает уголовные санкции за конкретные нарушения GDPR (§ 42 BDSG), в случае если персональные данные незаконно передаются третьим лицам или иным образом становятся доступными в крупном масштабе и в коммерческих целях, или если персональные данные получены мошенническим путем с целью личного обогащения или причинения вреда другим лицам.

Исходя из изученного опыта зарубежного законодательства, а также из материалов судебной практики, считаем, что под сведениями о частной жизни лица необходимо понимать конфиденциальную информацию, представленную на любом виде носителя, включающую в себе биометрические маркеры и официальные идентификационные номера, изображения или репутации, осведомленность о происхождении семьи, физическую и моральную неприкосновенность, сексуальную и социальную принадлежность, сексуальную жизнь и ориентацию, здоровую окружающую среду, самоопределение и личную автономию о дефиниции информации. Данная информация является предметом преступления, предусмотренного статьей 137 УК РФ, лишь до того момента, пока ее владелец, сам или с его согласия не предал ее огласке.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда России от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 25.04.2021).
2. Определение Конституционного Суда России от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 25.04.2021).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/0c68394c76378c914db683fb949eaf096f794d9d/ (дата обращения: 25.04.2021).
4. Costello-Roberts v. the United Kingdom, judgment of 25 March 1993, P. 36.

Примов Д. Р.¹,
*аспирант кафедры уголовного права и процесса
Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина*

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ САМОУПРАВСТВА: ОПЫТ ДОКТРИНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В уголовно-правовой доктрине к субъективным признакам состава преступления относятся субъект преступления (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности) и субъективная сторона (внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию (вина, мотив, цель и эмоциональное состояние лица) [1]. Указанные признаки приобретают особую значимость особенно при их установлении в совершенном общественно опасном деянии и сопоставлении с признаками состава уголовно-наказуемого самоуправства (ст. 330 УК РФ), поскольку позволяют выделить его противоправность и отличить от некоторых схожих по объективным признакам составов преступлений.

В соответствии с ч. 1 ст. 330 УК РФ под самоуправством понимается самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред.

По мнению ряда исследователей, самоуправство совершается исключительно с прямым умыслом, как правило, с заранее обдуманым, а не внезапно возникшим умыслом. Есть мнение, что это преступление совершается как с прямым, так и с косвенным умыслом [2, с. 768, с. 217–219]. Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует о совершении самоуправства с прямым умыслом.

Особенностью признаков, характеризующих субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, является то, что они в большей степени устанавливаются на основании показаний обвиняемого (подозреваемого) лица, полученных в результате допроса; в меньшей степени в результате анализа и оценки объективных признаков рассматриваемого преступления.

Установление признаков субъективной стороны самоуправства обуславливает постановку следующих вопросов: 1) какие конкретно действия совершил виновный? 2) с какой целью он их совершил? 3) какие последствия наступили в результате их совершения? Например, это могут быть действия, направленные на возврат денежных средств, которые были взяты в долг у виновного, либо в отношении которых имеется предположение о наличии права собственности.

Перечисленные деяния, характеризующие внешнюю сторону самоуправства, очень схожи с действиями, отражающими признаки объективной стороны вымогательства. Однако разграничивая указанное преступление по признакам субъективной стороны, необходимо иметь в виду, что вымогательство является

¹ © Примов Д. Р., 2021.

корыстно-насильственным преступлением, совершаемое с прямым умыслом и корыстной целью. А при самоуправстве, как правило, совершаемые противоправные действия предопределяются стремлением виновного разрешить выгодно для себя гражданско-правовые отношения в незначительный промежуток времени, который далеко не всегда удастся решить в установленном законом порядке. Как правило, корыстная цель, жажда наживы при самоуправстве не преследуется.

Учитывая вышеизложенное, следует резюмировать, что самоуправство совершается исключительно с прямым умыслом, при этом лицо не преследует преступные цели (корыстную и т. д.), считая свои действия направленными на восстановление социальной справедливости. Проведенный анализ правоприменительной практики по делам, связанным с самоуправством, позволяет утверждать, что основным мотивом его совершения в большинстве случаев является восстановление социальной справедливости.

Субъектами самоуправства выступают лица, обладающие общей правоспособностью, не наделенные специальными полномочиями, предоставленными их профессиональным или правовым статусом, либо обладающие специальной правоспособностью в силу специального правового статуса (государственного или муниципального служащего), но совершающие самоуправные действия вне рамок профессиональной служебной деятельности и без использования должностных (служебных) полномочий.

В настоящее время в теории уголовного права отсутствуют единые критерии определения характеристики личности преступника-самоуправца, в связи с чем представляется невозможной эффективная профилактика данного вида преступлений, своевременное установление и выявление лиц, подверженных противоправному поведению. При этом на возможность определения указанной характеристики, по нашему мнению, негативно сказываются, в первую очередь, имеющиеся суждения некоторых авторов. В частности, в соответствии с точкой зрения А. Б. Сахарова «... ни один признак, свойственный всем людям, такой как пол, возраст, семейное положение, образование и т. д., не может рассматриваться в качестве фактора, порождающего преступное поведение, хотя бы потому, что подавляющее большинство людей, которым свойственен этот признак, не нарушают нормы уголовного закона» [3, с. 25].

По мнению ряда авторов, преступников-самоуправцев разделяют в зависимости от характера мотивационных и целеполагающих свойств личности. В то же время все имеющиеся классификации, на наш взгляд, является недостаточными для установления отличительных признаков субъекта данного преступления, так как применяемые интерпретации категории «самоуправства» позволяют распространять признаки состава данного преступления на деяния, выходящие за рамки криминообразующих признаков, предусмотренных ст. 330 УК РФ.

Для правильной квалификации уголовно-наказуемого самоуправства и разграничения его от других преступлений необходимо установить наличие либо отсутствие у виновного правомочия на предъявление к потерпевшему требований, базирующихся на предполагаемом или действительном праве.

В этом смысле целесообразно отметить, что согласно мнению Г. Н. Борзенкова, А. М. Лазарева, В. С. Орлова под специальным субъектом преступления следует понимать лицо, которое наряду с общими признаками субъекта обладает еще и дополнительными [4].

В рамках этой методологической позиции, по мнению С. Анощенковой, в диспозициях ряда уголовно-правовых норм специальный субъект характеризуется косвенно путем указания объективные признаки (способ, время, место совершения преступления и др.), которые означают, что не любое физическое вменяемое лицо может совершить преступление [5, с. 4]. В качестве аргументации авторской позиции необходимо привести мнение С. А. Андреева, который в рамках классификации признаков, характеризующих специального субъекта, выделил критерий в виде наличия в составе преступления «признаков, характеризующих особое положение лица по отношению к потерпевшему, их взаимоотношения» [6, с. 123].

Специфика, характеризующая субъекта преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, заключается в том, что последний выступает стороной гражданско-правовых отношений с потерпевшим по поводу нарушения принадлежащих ему или иным лицам действительных или мнимых прав.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что субъект самоуправства представляет собой вид специального субъекта по критерию наличия «признаков, характеризующих особое положение лица по отношению к потерпевшему, и их взаимоотношения». Это выражается в том, что виновный является стороной гражданско-правового спора с потерпевшим по поводу нарушения принадлежащих нарушителю и (или) третьим лицам действительных или предполагаемых прав. Соответственно, субъект преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, как представляется, должен определяться в теории уголовного права как не общим, а специальный.

Список литературы

1. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: Профобразование, 2001. С. 11–17.
2. Павлов В. Г. Субъект преступления: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 142.
3. Осокин Р. Б. Разграничение составов вовлечения в занятие проституцией и использования рабского труда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 294–296.
4. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. М.: Юриспруденция, 2019. С. 7–9.
5. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть /под ред. докт. юрид. наук., проф. Н. Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 768.
6. Толонбаев У. С. Объективные и субъективные признаки самоуправства // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 10. С. 217–219.

7. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. С. 25.
8. Лазарев А. М. Субъект преступления: учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М.: ВЮЗИ, 1981. С. 9–11.
9. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. С. 138–187.
10. Анощенко С., Крапивина О. Субъект преступления, признаки которого устанавливаются путем толкования закона // Уголовное право. 2009. № 3. С. 4.
11. Андреев С. А. Специальный субъект преступления // Вестник Омской юридической академии. 2012. № 2 (19). С. 123.

Старых С. М.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАНИНА И ЧЕЛОВЕКА, ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

С древнейших времен, вне зависимости от географии, основные права и свободы отдельно взятого человека, начиная с самого права на жизнь, зачаточных прав на выражение своего личного мнения на самые элементарные вопросы, связанные с его жизнедеятельностью, всегда находилось под жесточайшим давлением со стороны тех или иных форм государственных образований. К большому сожалению, наша отечественная история, да и в определенной степени современные реалии, не являются исключением из общего правила, а зачастую выступают в качестве довольно негативного примера в этой области.

Пренебрежение, а в большей степени негативное отношение к основополагающим правам личности, их подавление прослеживается на протяжении всей истории развития отечественной государственности. Даже поверхностный анализ развития этих институтов в относительно недалекий, с исторической точки зрения, период, показывает, что началом развития правовой защиты этих интересов является конец XIX века. До этого о каких либо, законных, гарантированных правах на выражение собственного мнения, гарантий неприкосновенности личности, жилища не могло быть и речи. И это относилось ко всем социальным группам населения России. Отдельно необходимо отметить самую многочисленную и абсолютно бесправную группу населения - крепостных крестьян. Но и относительно самой привилегированной страты - дворянского сословия, все выглядело довольно печально, даже в отношении такого права как возможность свободного перемещения за границу, все зависело исключительно от царской воли. Правовых гарантий даже для этой довольно немногочисленной и весьма привилегированной группы не было. В последнее десятилетие 19 века и в начале 20 века появились отдельные правовые акты дающие определенные гарантии личным и политическим правам, таким как гарантии неприкосновенности личности, жилища и тому подобное [1]. Но строжайше запрещалось говорить о свободе вероисповедания, выборе государственного развития страны и тому подобных «вольностях».

После революции 1917 г., наряду с радикальными изменениями в социальном развитии государства естественно произошли изменения в оценки значимости основополагающих интересов отдельного человека. Уже в УК РСФСР 1922 г. были закреплены нормы об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство, личное имущество гражданина. Но вместе с тем, защита политических прав, права свободного волеизъявления, выбора альтернативной политической партии этим кодексом не предусматривалась. В даль-

¹ © Старых С. М., 2021.

нейшим УК РСФСР 1926 г. был еще более расширен, в него включен перечень охраняемых прав граждан, таких как право на труд и социальное обеспечение, право на образование, право на доступ к достижениям науки и культуры и другим благам хотя эти нормы по-прежнему были разбросаны по разным главам. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что законодательство этого периода не только не поощряло свободу мысли, свободу собраний, митингов и т. д., оно закрепляло уголовную ответственность за распространение взглядов, не соответствующих официальной идеологии. Невзирая на довлеющую идеологию в УК РСФСР 1960 г., появилась отдельная глава IV «Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан», что естественно можно рассматривать как серьезный прогресс в защите этих институтов.

С наступлением нового этапа исторического развития России, этапа становления демократического государства, естественно, наиболее остро встал вопрос переоценки значения конкретного человека, гражданина, защиты его основополагающих интересов.

Безусловно, нельзя недооценивать значение принятой в 1993 г. Конституции Российской Федерации, где был закреплён весь спектр этих прав и свобод. Личные права человека и гражданина, закреплённые в Конституции Российской Федерации, являются базовыми. Этим правам посвящена глава 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина». На страже этих конституционных законов, гарантирующих защиту фундаментальных прав граждан стоят нормы различных отраслей отечественного законодательства. Одним из главенствующих элементов защиты прав и свобод человека и гражданина является уголовный закон. Именно уголовно-правовая охрана наиболее значимых общественных отношений ставит под защиту каждого отдельного человека и гражданина, обеспечивая, в целом безопасность всего общества и государства. В уголовном законе Российской Федерации закреплёны гарантии безопасности личности, охрана жизни, здоровья, чести, достоинства, прав и свобод человека и гражданина.

Вне всякого сомнения, уголовный закон является наиболее существенным юридическим инструментом как для защиты каждого отдельного человека, так и всего общества и государства в целом. Такой инструмент имеет свою реализацию, которая выражается через определенные формы.

Права человека различаются, в основном, по определенным сферам жизнедеятельности. Условно их можно разделить на личные (гражданские), политические, экономические социальные и культурные права. Отдельное рассмотрение характерных особенностей и проблем уголовно-правовой охраны каждой из этих групп прав, в настоящее время особенно актуально. Безусловно наиболее важным правом является право на жизнь, которое закреплёно в статье 20 Конституции Российской Федерации. Данная статья закрепляет то, что никто не вправе лишать человека жизни. Право на жизнь подразумевает под собой обязанность государства создавать необходимые правовые, социальные и экономические условия для полноценной человеческой жизни. Охране непосредственно этих прав в УК РФ отведена целая глава 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Что особенно важно и о чем необходимо отдельно сказать, это то, что в первые в российской истории в рамках уголовного законодательства выделена отдельная глава 19 УК РФ, предусматривающая ответственность за преступления, связанные с посягательствами на конституционные права и свободы человека и гражданина.

По характеру прав и свобод, реализация которых охраняется нормами главы 19 УК РФ, их можно условно сгруппировать на несколько групп. Условно их можно разделить на три группы: 1) связанные с охраной политических прав граждан (ст.ст. 136, 141, 142 и 149 УК РФ); 2) связанные с охраной социально-экономических прав граждан (ст.ст. 143, 144, 145, 145-1, 146 и 147 УК РФ); 3) связанные с охраной личных прав (ст.ст. 137, 138, 139, 140, 148 УК РФ). На это обратил внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации [2].

Объективная сторона этих преступлений характеризуется, как правило, активными действиями, но могут выражаться и в бездействии, например отказ в принятии на работу по мотивам беременности (ст. 145 УК РФ). По конструкции объективной стороны большинство этих составов являются формальными, то есть возможность привлечения к уголовной ответственности может возникнуть за сам факт совершения преступных действий или бездействий. С субъективной стороны все рассматриваемые преступления являются умышленными, за исключением нарушения правил охраны труда (ст. 143) [3, с. 317–320].

Особое внимание в рассматриваемых составах, законодатель обратил на деятельность должностных лиц, нарушающих конституционные права и свободы граждан, таких как должностные лица или лица, использующие свое служебное положение для совершения таких преступлений, которые в определенных случаях являются специальными субъектами (ст.ст. 140, 143, 145, 145-1, 149). Сам факт совершения такого рода преступлений специальным субъектом существенно повышает степень общественной опасности и должен иметь более суровое наказание.

В завершение необходимо отметить, что несмотря на весь неоспоримый позитив, связанный с довольно высоким уровнем законодательного закрепления вопросов, связанных с защитой рассматриваемых основополагающих интересов, как на практике, так и в части законодательной работы в этой области, существуют довольно серьезные проблемы, устранение которых является насущной необходимостью.

В тех случаях, когда преступления такой направленности совершаются должностным лицом, встает вопрос о разграничении такого преступления со ст. 285 УК РФ. В этой связи следует признать, что соответствующие статьи главы 19 УК РФ являются частными случаями злоупотребления должностными полномочиями и поэтому в соответствии с правилами о конкуренции норм в этих случаях применяются только соответствующие статьи главы 19 УК РФ без ссылки на общую норму, предусмотренную в ст. 285 УК РФ. Для исключения разночтений, как со стороны правоприменителей, так и со стороны судов, необходимо определить четкие критерии разграничений для рассматриваемых составов преступлений.

В настоящее время отсутствие закона о возмещении вреда гражданину в полном объеме, с учетом обоснованных экономических критериев, нанесенного в результате уголовно-процессуальной деятельности органами дознания, предварительного следствия, приводит к существенному нарушению прав и свобод этого гражданина. По мнению многих специалистов, государство обязано нести ответственность перед жертвами преступлений, совершенных должностными лицами при злоупотреблении полномочиями.

Помимо вышеперечисленных проблем существует необходимость перехода от декларативности провозглашенных в ряде нормативных правовых актов прав и свобод человека и гражданина к их реальному обеспечению, в том числе путем оптимизации законодателем институтов и норм уголовного и уголовно-процессуального права, гарантирующих соблюдение конституционных прав человека и гражданина.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека принята резолюцией 217 Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1996.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд. перераб. и доп. / под ред. докт. юрид. наук проф. С. В. Дьякова, докт. юрид. наук проф. Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2017. С. 317–320.

Чефранов К. А.¹,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОМЕНТА НАЧАЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Важность появления такого юридического факта, как жизнь человека, для оценки действий (реже бездействий) сложно переоценить, так как непосредственно этот момент является определяющим для начала многочисленных правоотношений, в том числе и уголовно-правовых. Проблема определения начала жизни человека всегда интересовала как юристов, так и медицинское сообщество. При квалификации преступлений, совершаемых специалистами в области медицины, которые, по сути, первые вступают с новорожденным человеком в правоотношения, представляется необходимым четкое понимание юридических различий человека и плода. Деятельность медицинских работников (чаще акушеров-гинекологов), связанная с оказанием помощи в период родов роженице, зачастую связана с обоснованным риском, крайней необходимостью и другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Однако в некоторых случаях, медицинские работники недобросовестно исполняют свои профессиональные обязанности, что приводит к неблагоприятным последствиям. Для уголовно-правовой оценки деяний медицинских работников и других лиц, которые вступают с рождающимся человеком в правоотношения, следует ясно понимать, с какого момента человек начинает жить.

В отечественной юридической литературе имеется ряд позиций относительно момента начала человеческой жизни, которая в свою очередь требует уголовно-правовой охраны, а именно: 1) начало родов; 2) появление плода из тела матери; 3) момент перерезания пуповины; 4) до появления плода на свет; 5) начало самостоятельного дыхания. Каждое из данных мнений научно обосновывается, вызывает научную полемику, а значимость и обязательность установления такого юридически важного явления аксиоматична. Ведь еще в 1904 г. Н. С. Таганцев писал: «В момент учинения деяния человек, против которого оно направляется, должен находиться в живых; преступного лишения жизни нет, если деяние направлялось, с одной стороны, против умершего, с другой – против не начавшего жить» [1, с. 17].

Во-первых, рассмотрим позицию относительно начала человеческой жизни с момента начала родов. «Начало родов» понятие исключительно медицинское, которое определяется как: «физиологический процесс изгнания плода, плаценты с плодными оболочками и околоплодными водами из матки через родовые пути после достижения плодом жизнеспособности» [2, с. 327]. Жизнеспособным плод считается с 22 недели беременности [3]. Медицинские критерии естественного начала родов: 1) появление регулярных сокращений мускулатуры матки – схваток; 2) выделение из влагалища шейной слизи – слизистой проб-

¹ © Чефранов К. А., 2021.

ки; 3) отхождение околоплодных вод [4]. Некоторые юристы определяли грань, за которой умерщвление ребенка в период родов нужно считать убийством. Например, Н. И. Загородников определял начало уголовно-правовой охраны человеческой жизни с момента начала физиологических родов. Он объясняет свою точку зрения тем, что указанный момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и свидетельствуют объективные данные (начало родов) [5, с. 35]. Как отмечали А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин, наиболее правильным охранять уголовным законом жизнь человека уже в самом процессе рождения. Они считали, что: «следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающейся ребенок еще не начал самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начнет дышать)» [6, с. 520].

Думается, что вышеприведенные ученые обращали внимание на умысел лица, при совершении посягательства на продукт зачатия, как на живого человека, а не как на внутриутробный плод, ведь в момент родов беременность уже фактически прервана. Указанные мнения, безусловно, заслуживают внимания, но в то же время, при регулировании уголовным законом вопроса начала жизни с момента начала родов в разы усложнит медицинскую деятельность, что приведет к невозможности вмешательства медицинских работников во внутриутробное развитие плода до начала естественных родов.

Представляется, что для исключения ошибок в квалификации преступных деяний и отграничения их от непроступного поведения, уголовный закон должен минимизировать неточные формулировки, понятия и оценочные критерии. Для установления позиции, которая с теоретическо-практической точки зрения более всего подходит для уголовного права, следует рассмотреть другие мнения на вопрос начала человеческой жизни.

Позиция относительно отождествления понятий «начало жизни» и «появление плода из тела матери» обрела широкий ряд последователей в научной сфере уголовного права. Так, например, А. А. Жижиленко полагал, что пока не начались роды, налицо будет умерщвление плода, а не убийство, но, как только роды начались, в особенности, если часть младенца появилась наружу, можно говорить о рождении человека, убийство которого должно быть наказуемо [7, с. 7]. С. В. Бородин считал, что «при разграничении аборта и детоубийства последним надо считать и те случаи, когда ребенок (или часть его) появился из утробы матери и даже еще не начал дышать; такой подход в максимальной степени обеспечивает уголовно-правовую охрану родившегося (или рождающегося) человека» [8, с. 216]. О. В. Лукичев определял начало охраны человеческой жизни уголовным законом с момента появления в процессе родов какой-либо части тела человека вне утробы матери. Он указывал, что «если лишение жизни младенца происходит вне утробы матери, то это убийство, если внутриутробно – аборт» [9, с. 32].

Точка зрения, связывавшая начало жизни с моментом перерезания пуповины, была высказана М. Д. Шаргородским, который писал: «моментом начала самостоятельной жизни младенца, обычно, считают либо начало дыхания (что одновременно принимается и в качестве доказательства того, что ребенок родился живым), либо момент отделения пуповины» [10, с. 59]. Данная точка зрения хоть и имеет место быть в научной уголовно-правовой литературе, но своего широкого развития не получила. Предполагаем, что двойственности в определении момента начала жизни быть не может и использование такого слова как «либо» не целесообразно для выбранной темы дискуссии. Для теории, а тем более для практики уголовного права, следует определить четкие критерии начала жизни, чтобы избежать путаницы и плюрализма в понятиях. Не следует забывать о том, что при юридической ошибке по теме исследования затрагивается самое важное право человека – право на жизнь, а в случае утраты такого права маленьким человеком, данная потеря невосполнима для общества.

В ходе анализа мнений относительно определения понятия «начало жизни», интересной представилась точка зрения Р. Шарапова, который считает, что юридически жизнь человека – есть жизнь его мозга, и начало жизни мозга означает начало жизни человека [11 с. 75–77]. Р. Шарапов считает, что с юридической точки зрения начало жизни человека в настоящее время должно быть связано с появлением мозга, который делает плод жизнеспособным. Это мнение основано на том, что смерть человека – это его биологическая смерть, а именно смерть мозга. Согласно вышеупомянутой точки зрения, какой-либо конкретики относительно точного срока беременности, когда следует признавать плод жизнеспособным нет и быть не может, ведь физиологическое развитие каждого человека индивидуально.

Наиболее устоявшейся в теории уголовного права Российской Федерации и стран-участниц СНГ следует считать точку зрения о том, что началом жизни считается рождение ребенка и его первый самостоятельный вздох. Рассматриваемое мнение нашло свое отражение в действующих отечественных нормативных документах. Так, в части 1 статьи 53 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. №323–ФЗ указано: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов» [12]. Следует отметить, что понятия в исследуемой теме носят исключительно медицинский характер, однако они проецируют правовые социально значимые последствия. Таким образом, критерии рождения определены Приказом Минздравсоцразвития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. №1687н, но они относятся более к антропологическим данным младенца, а именно: 1) срок беременности 22 недели и более, при массе тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела ребенка при рождении 25 см и более; 2) срок беременности менее 22 недель или масса тела ребенка при рождении менее 500 грамм, или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, длина тела ребенка при рождении менее 25 см – при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток) [13]. Более значимым для исследуемого вопроса явля-

ется понятие «живорождения» данное в том же Приказе №1687н, а именно: «Живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (*дыхание* (выделено автором), сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того перерезана пуповина и отделилась ли плацента)». Считаем, что именно дыхание указано законодателем первым из признаков живости младенца не случайно, а для того, чтобы подчеркнуть его значимость.

В настоящее время с развитием и достижением определенных высот медицинской науки и практики, развитием технического оснащения достаточного для искусственного поддержания (появления) жизни в человеке, возникает вопрос относительно самостоятельности дыхания младенцем в крайней рассмотренной точке зрения на определение момента начала жизни.

Полагаем, что мнение законодателя относительно установления статуса лица, обладающего правом на жизнь, имеет двойные стандарты. Так, в случае если при помощи аппаратов интенсивной терапии в человеке искусственно поддерживают все жизненные процессы, то лицо обладает правом на жизнь, а в случае эвтаназии, лицо, отключившее жизнеобеспечивающие приборы (чаще медицинский работник), по действующему уголовному закону будет привлечено к уголовной ответственности за умышленное причинение смерти другому человеку. В то же время, уголовный закон не защищает полностью готового для вне утробной жизни младенца до сделанного им первого самостоятельного вдоха. Данная точка зрения законодателя представляется крайне спорной, ведь человек находящийся в состоянии глубокой комы не имеет сознания, не может реализовать свои законные права и обязанности, что ставит его наравне с еще не родившемся человеком, который даже с большей долей вероятности будет иметь сознание и дееспособность.

Считаем, что самой правильной точкой зрения на рассмотренную проблему является мнение Ф. Листа, высказанное еще в 1905 г. и не теряющее своей актуальности по сей день, он считал, что самостоятельное существование начинается с прекращением плацентарного дыхания и с наступлением *возможности* дыхания через легкие [14, с. 5]. Соглашаясь с мнением Ф. Листа, отмечаем, что в случае закрепления его в законе, такой подход будет явно облегчать деятельность для правоприменителя, ведь в случае необходимости проведения судебно-медицинской экспертизы в отношении младенца для установления факта живорождения, что важно для уголовно-правовой оценки деяния, следовательно будет необходимо задать основополагающий вопрос о возможности дыхания (не обязательно самостоятельного). Данное решение в значительной мере не противоречило бы доктринальным точкам зрения, высказанным учеными-правоведами на рассмотренную тему, и аккумулировало бы в себе практическую составляющую и верный теоретический подход к проблеме.

Список литературы

1. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни. Т. 1. СПб., 1904. С. 17.
2. Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. М., 1984. Т. 22. С. 327.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70113066/paragraph/19:0> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Приказ Министерства здравоохранения России от 1 ноября 2012 г. № 572н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)» URL: [http://ivo.garant.ru/#/document/70352632/paragraph/1/doclist/10474/showentries/0/highlight/Приказ%20Министерства%20здравоохранения%](http://ivo.garant.ru/#/document/70352632/paragraph/1/doclist/10474/showentries/0/highlight/Приказ%20Министерства%20здравоохранения%20) (дата обращения: 10.10.2020).
5. Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному закону. М., 1961. С. 35.
6. Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права, часть Особенная. Т.1, М., 1955. С. 520.
7. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.; Л., 1927. С. 7.
8. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 216.
9. Лукичев О. В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. СПб., 2000. С. 32.
10. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 59.
11. Шарапов Р. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. №1. С. 75–77.
12. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=121895&req=doc#06103435101923176> (дата обращения: 12.07.2019).
13. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70113066/paragraph/19:0> (дата обращения: 02.08.2019).
14. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905. С. 5.